

Вадим Булычёв

Два мира

Капитан Браммы, книга вторая

Содержание:

Предисловие.....	2
Часть первая: Охота за Живоглазом.....	2
Часть вторая: Мы разделенные существа.....	52

Предисловие

Вторая повесть из цикла «Капитан Браммы» неразрывно связана с порталом «Воздушный Замок»: <https://rmvoz.ru>. Повесть в самом прямом смысле росла, глава за главой, на форуме портала Автор повести я, Вадим Булычёв. Но сам Замысел повести, осязая идея, миф – уже не принадлежит мне. Это часть общего, коллективного и индивидуального Замысла «Воздушного Замка».

Вторая повесть планировалась мной как линейно-хронологическое продолжение первой (<https://rmvoz.ru/sobor/kapitan-brammy-kniga-pervaya/>). Герои «Капитана Браммы» встречаются спустя какое-то время, сюжетная линия, намеченная первой повестью, логически продолжается. Но возникла вторая, параллельная, «автобиографическая» линия. Смысловый объём замысла повести значительно расширился. Дальше больше. Один из героев мира Браммы, страж Пёстрый, появился в интерактивном пространстве Замка. А глава службы безопасности Замка кот Корифей и пёс Пафос стали участниками заключительных событий второй повести... Что из этого всего вышло, судить читателям.

Автор выражает благодарность Ярославу Тарану за помощь в работе над книгой. А также – всем участникам Воздушного Замка; всем, кто своими комментариями, пожеланиями, корректорскими правками (а порой – одним лишь присутствием) помогли мне в написании этой книги. Отдельная благодарность мифическим персонажам нашего интерактивного театра. И особенно – Корифею, Пафосу и Славке Сумалётову.

Обложка и иллюстрации Евгения Морошкина, написавшего цикл работ в жанре компьютерной живописи, посвящённых эпосе «Капитан Браммы»: <https://rmvoz.ru/gallery/moroshkin-brama>.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОХОТА ЗА ЖИВОГЛАЗОМ

Герои «Капитана Браммы» снова встречаются, спустя девять лет. Стражи дают людям три дара. Один из даров, кристалл Живоглаз, исчезает. С этого и начинается история.

Автор видит начало этой истории как две разрозненные картинки и никак не может связать их воедино. Автору снится необычный сон, после которого он понимает, что его герои существуют на самом деле, независимо от него.

Отшельник

Долгожданная гроза пришла с юго-востока, со стороны моря. Был вечер очень жаркого дня, стремительно темнело, как темнеет в конце августа. Вспышки молний озаряли восточную часть города и клубящуюся над городом иссиня-черную тучу. Слышался почти непрерывный гул, будто фронтальная канонада. Раскаты грома быстро приближались.

Одинокая человеческая фигура в светлых летних джинсах и легкой летней рубашке стояла на балконе самой обычной девятиэтажки, облокотившись о перила. Стоящего на балконе человека звали Дмитрий. Был он сорока лет от роду. В свете молний можно было разглядеть (если иметь хорошее зрение), что он худощав, немного выше среднего роста, у него густые волосы, не очень длинные, но и не короткие, короткостриженная бородка.

Молнии били уже совсем рядом, грохотало так, что закладывало уши. Поднялся ветер. Но Дмитрий все продолжал стоять на балконе – он не сводил глаз с приближающейся грозы. Что-то привлекало его в грозовой стихии, тянуло, гипнотизировало, и каждый новый громовой раскат приводил в неопишуемый восторг. Вдруг прямо над головой Дмитрия вспыхнула, распростерлась ветвистая молния. Он увидел ее, как в замедленной съемке. Молния напомнила ему гигантскую ветвь фантастического небесного дерева. Золотое дерево – да, именно об этом он успел смутно подумать, прежде чем с рваным треском разорвалось небо...

Дмитрий обнаружил себя во дворе. Он стоял возле высокого кирпичного забора и смотрел на загадочный зеленый свет, идущий из густых зарослей кустарника. Свет горел где-то в глубине, и туда вел отчетливо видимый в темноте проход. Недолго думая, Дмитрий полез в кусты. Раздался тяжелый и низкий удар грома, и что-то мягко, но сильно толкнуло его в спину – пришлось сделать несколько быстрых шагов вперед, чтобы не упасть. К удивлению Дмитрия проход в кустах превратился в тоннель. В тоннеле плавали волны зеленоватого тумана, они и были источником света. Еще пахло морем.

Метров через сто тоннель кончился. Дмитрий вышел на просторную лужайку. Здесь было сухо и безветренно. И очень тихо. Только приятно покалывало затылок, и все время казалось, будто на голове шевелятся волосы. Огромная Луна поднималась над юго-восточным горизонтом. Она была необычайно красивая – окруженный золотисто-голубоватой дымкой ярко-желтый шар. Дмитрий любовался Луной, пока не услышал мягкие шаги. Рядом с ним остановился высокий крепкий старик с причудливо изогнутой палкой в руке. Старик был в пляжных шортах, широкой рубашке навыпуск и босиком. Его длинная борода тускло серебрилась в лунном свете и таким же серебром пылала густая копна волос на голове. Старик смотрел на Дмитрия. Глаза его сверкали, казалось, из них вылетают молнии.

– На пляж идти не советую, там сейчас сильная гроза, – сказал старик тихим спокойным голосом и добавил, покачав головой, – Здравствуй, товарищ Дима.

– Откуда Вы меня знаете?

Вместо ответа старик захохотал.

– Как же коротка человеческая память, – сказал он. – Я это знаю, я жил среди людей.

После фразы старика «жил среди людей» Дмитрий, кажется, вспомнил, где его видел – это же один экстравагантный дедушка, церковный староста из храма Татианы! Лично я с ним не знаком (да и был я в том храме очень давно), но кто-то ведь мог сообщить ему мое имя... Да, очень, очень похож!..

– Простите, Вы случайно не церковный староста из храма мученицы Татианы?

Старика согнуло пополам от хохота. Если бы он не оперся на свою причудливую палку, то упал бы точно.

– Церковный староста... гениально, – причитал он смеясь. – Нет, теперь даже я удивляюсь человеческой памяти. Дима, неужели ты меня до сих пор не узнаешь? Ну, вспоминай! Вспоминай!

Старик резко выпрямился, хлопнул в ладоши и прокричал:

– Э-гей-гей!

И сразу же вдали раздался гул грома. Гром звучал в унисон с его голосом. Дмитрий вспомнил все.

– Отшельник! – крикнул он. – Конечно же, Отшельник! Как я мог забыть: аномальная зона Браммы, Красный Кут, стражи, холм, гроза...

– Не продолжай, – перебил Отшельник, – Нет времени предаваться воспоминаниям. Пошли.

Несколько минут они молча шагали по удобной песчаной дорожке. Внутри Дмитрия всплывала забытая Атлантида. Целый мир, который он считал далеким сном, воскресал в памяти. Мелькали лица: Пестрый, Клен, Серебряный, Легкая – как они там? А Капитан! Как же он мог и о нем забыть, он же точно существовал. Боже мой...

– Капитан, – не удержавшись, сказал Дмитрий вслух.

Отшельник остановился.

– Ты хочешь знать, как там товарищ Капитан?.. Именно поэтому я здесь. Капитан очень хочет видеть тебя и твоего друга, служителя Кон-Аз-у. Надеюсь, все будет хорошо... Пока скажу следующее: лучший друг стражей тяжело болен телом. Но дух его бодр и ясен, как никогда.

– Болен! Как же так? Он же был совершенно здоров.

– Увы, – вздохнул Отшельник, – Нельзя слишком долго быть в двух мирах. Это не проходит бесследно. Границы между мирами еще очень прочны. А Капитан много времени провел в аномальной зоне.

Они обогнули небольшой холмик. Взору Дмитрия открылась бескрайняя степь. В нежном лунном свете она казалась сном. Где-то впереди горели яркие голубые огоньки. Они опоясывали что-то похожее на огромный шатер, над куполом которого летали золотые искры и вспыхивали молнии.

– Теперь о главном, – сказал Отшельник. – Помнишь ли ты, друг Дима, о чем мы говорили на Холме и на берегу моря?

Мышление Дмитрия теперь было на удивление ясным, чистым и как бы безмолвным. Вопрос Отшельника мгновенно воскресил в его памяти все разговоры, что велись в зоне Браммы почти десять лет назад, и выделил главный.

– Да, помню. Мы говорили о союзе.

– О союзе, – подтвердил Отшельник. – Ныне это время близко. Пусть еще немного прольется воды. Скоро, очень скоро, – глаза Отшельника вспыхнули. – Но не буду торопить события. Все скажет Капитан.

Отшельник остановился, положил руку на плечо своему спутнику. Рука была легкая и очень горячая, по телу Дмитрия сразу пошло тепло.

– Есть еще немного времени, – тихо произнес Отшельник, – задавай свой самый главный вопрос.

– Почему я все забыл, – тут же выдохнул из себя Дмитрий, – почему?! Почему, когда взялся описывать наше путешествие в Брамму, я уже почти все забыл. Все вышло не так. Да и то, что описал, никому не нужно. Тебя просто не слышат, никому ни до чего нет дела – ходи, лежи, стой на голове, без разницы. Я один, я давно один! Где Капитан? Куда делись все вы? Столько лет от вас ничего. Ничего!..

Дмитрий не собирался жаловаться на свою «несчастную судьбу». Он только хотел спросить Отшельника, почему напрочь забыл свое путешествие в Брамму? И тут из него хлынуло... Он прекрасно понимал, что в глазах Отшельника несет сейчас полную чушь.

Но почему-то не мог остановиться, как что-то внутри него прорвалось и пробудился тот, прежний Дмитрий: бывший «борец с антихристом» и «неудачник». Отшельник слушал жалобы вполне серьезно, только качал головой.

– Саможалостливость, – сказал Отшельник после небольшой паузы. – Ты слишком любишь и жалеешь себя.

– Что? – переспросил Дмитрий.

– Ах, да, – спохватился Отшельник. – Ты спрашивал о том, почему все забыл. Так бывает. Так устроен ваш рассудок. Иногда необычное помнится всю жизнь, как яркая точка на сером однообразном листе. А иногда, когда ярких точек становится много, а объяснений никаких, рассудок все забывает, чтобы не потерять самого себя. Вот вы, человеки, почти каждую ночь совершаете путешествие в свою зону Браммы, к своему Истоку. Но помните ли вы это?.. Да, забывчивость. Но не стоит огорчаться. Твой друг, служитель Кон-Аз-у Иван, забыл еще больше твоего. А насчет того, что столько лет от нас нет весточки; друг Дмитрий, поверь, это не только от нас зависит. Этот мир еще должна очистить вода и....

Отшельник осекся и быстро развернулся в сторону шатра. Что-то неуловимо изменилось. Воздух наполнился тревогой, погасла прекрасная Луна. Что-то темное стремительно двигалось по степи. Вот и огни шатра погасли.

– Пришельцы! – крикнул Отшельник. – Не может быть! Вот и еще один ответ на твое «почему». Теперь, товарищ Дима, держись!

Резкий сухой порыв ветра дунул им в лицо. Ветер пах чем-то кислым. Раздался душераздирающий свист. Метрах в пятидесяти от них колыхался, извиваясь, черный смерч. Он состоял из тысячи живых существ, и в тоже время сам являлся отдельным живым существом (почему-то Дмитрий знал это).

С невыносимым свистом смерч ринулся на них. Отшельник еле успел очертить круг своей кривой палкой. Темно-серые создания скользили буквально в полутора метрах над ними, не в силах прервать невидимую преграду. Твари напоминали очень крупных летучих мышей с человеческими лицами, искаженными злобой и чем-то еще, мало понятным.

Дмитрий хорошо помнил этих существ, по Сумрачной земле. Тогда он испытал ужас, ужас на грани помешательства. Но теперь все было не так. Нет, страх, конечно, был; но больше, чем страх, создания вызывали омерзение, вплоть до тошноты. Очевидно, из-за того что добраться до Отшельника с Дмитрием не получается, смерч мерзких тварей начал постепенно менять форму. Вначале он превратился в шар, затем шар вытянулся и стал обретать некое подобие человеческой фигуры. И как только Нечто приняло смутный облик гигантского человека в сутане, сила пришельцев утроилась. Невидимая сфера, начертанная Отшельником, стала прогибаться вовнутрь. Твари уже почти касались их, обдавая лица космическим холодом.

– Оборона прорвана! – громогласно прокричал Отшельник. – Держись, Дима, эвакуируемся из танка! Э-гей-гей!

Отшельник нарисовал своей палкой в воздухе молнию. И тут же ослепительно сверкнуло, затем некая сила втянула Дмитрия куда-то.

Стало темно.

Переход

– Отшельник, – позвал Дмитрий и открыл глаза. Вокруг была кромешная тьма и такая же кромешная тишина: ни звука, ни дуновения ветерка, ничего. Дмитрий с минуту прислушивался, все еще надеясь услышать шаги Отшельника. Но так ничего и не услышал, кроме могильной тишины.

Подумать только, меньше часа назад он спокойно стоял на своем балконе, будто загнипнотизированный приближающейся грозой. И вдруг столько событий: Отшельник и эти жуткие демонические твари... Дмитрию стало страшно – пришельцы могут быть где-то рядом, а Отшельника нет. Тут же перед очами ума всплыли зловещие очертания огромной фигуры в сутане (он видел ее даже отчетливей, чем несколько минут назад, когда все происходило на самом деле) – фигура состояла из тысячи мерзких тварей. И каждая тварь с ненавистью глядела на него. Неизвестно, на что эти бесы способны, эти пришельцы, – с ужасом думал Дмитрий. – Ведь я понятия не имею, где нахожусь. Если на меня нападут, я беззащитен как младенец! Срочно, срочно выбираться отсюда!

Он ощупал руками место, на котором лежал. Это было что-то прохладное и жесткое, больше всего похожее на камень. Он медленно поднялся и осторожно двинулся вперед, вода вокруг себя руками. Пол под ногами был совершенно ровный, без единой выбоины и кочки. Через минуту Дмитрий уперся в стену и медленно провел по ней рукой – холодный, гладкий камень. Провел еще раз и вдруг почувствовал, как по всему телу идут волны, как непроизвольно сокращаются и расслабляются мышцы, и приятные мурашки бегут по позвоночнику к голове, сжимают затылок. Ощущение было хорошо знакомым. Заколело кончики пальцев, будто через них пустили слабые разряды тока. Дмитрий посмотрел на свои ладони – они слегка светились голубоватым светом. Такое он переживал только раз в своей жизни и только в одном месте. Где был точно такой же каменный пол, такие же стены и темнота. Дмитрий едва не заплакал от радости, прижался щекой к стене, как к самому родному существу.

Он в Бrame, в Бrame! Внутри большого необычного холма с проходом посередине; с лабиринтом и «смежной зоной», через которую можно попасть в другой мир, а можно и никуда не попасть.

– Отшельник не обманул, – тихо сказал Дмитрий и похлопал стену Бrame, как сноровистого скакуна. – Ну что ж, раз я здесь, тогда вперед, навстречу Капитану!

Он глубоко вздохнул и, не раздумывая, двинулся наугад вдоль стены, придерживаясь за нее рукой. Через несколько шагов рука соскользнула в пустоту. Стена оборвалась, резко уходя вбок. Он «поймал» рукой стену. Двинулся дальше. Опять поворот. Обрыв. Еще. Еще. Стена полностью пропала. Дмитрий снова был один. В полном мраке. Но он знал – это самая главная часть Бrame, мостик между мирами. Тут надо не спать. Тут надо идти вперед и только вперед. И оттого, с какими мыслями и чувствами будешь идти, во многом зависит, где выйдешь. Дмитрий продирался сквозь чернильную тьму. Вокруг по-прежнему не было ни звука, ни ветерка. Только крошечная чернота и абсолютно ровный, плоский пол под ногами.

Прошла минута, пять, десять; вскоре Дмитрий потерял счет времени. Он как бы провалился в вакуум, в междумирье. Погасли все внешние чувства, пропало ощущение тела. Осталось только его бессмертное «Я», со всем своим багажом прожитой жизни. Это Я свободно парило в черной пустоте. Остались мысли, они стали яркими, очень образными и быстрыми. Резко обострилась память. И первое, что он вспомнил, это как девять лет назад они втроем пробирались через Бrame. И как они все потерялись, вот в этом самом месте, и у него тогда так же пропало ощущение времени и тела.

Дмитрий едва не всплакнул от нахлынувшего сильнее чувства печали и, одновременно радости. Он был бесконечно благодарен своей Судьбе, Богу, Небесам и Отшельнику, который наверняка все это и организовал. Он был благодарен за то, что снова попал в то место и в ту историю, которую на девять десятых считал сном, галлюцинацией. Ему стало стыдно и горько – сейчас он искренне не понимал, как мог все забыть, как мог поверить в то, что их путешествие – галлюцинация.

Тогда, после путешествия, они еще с месяц торчали в селе Красный Кут, возле аномальной зоны. О, это были золотые денечки! Готовились к Пасхе. Местные, хоть и со

скрипом, отца Ивана признали. Но все про иеромонаха Василия спрашивали. А тот так и не вышел из аномальной зоны. И люди его не появились. Пришлось придумать легенду: мол, иеромонах отбыл в монастырь. Он же монах.

Боже, какие тогда славные денечки были! Все под впечатлением невозможного, немыслимого путешествия. Часто вспоминали стражей, Отшельника. А уж самого иеромонаха и его гномов вспоминали даже чаще обычного. И взгляд у Дмитрия тогда был светел и ясен. И все деревья в округе были его друзьями – он знал их по именам.

Увы. После Пасхи сказка кончилась. По приезду в город потекли ненавистные серые будни. Город Дмитрий принял с трудом. Удивительно, но, кажется, он тогда смотрел на город не столько глазами человека, сколько стража. По крайней мере, он часто ловил себя на подобной мысли. Его раздражал яркий электрический свет, пугали шумные людские толпы и особенно сигналившие машины – душа стремилась в места безлюдные, к деревьям и реке. Он даже облюбовал одно местечко, на безлюдной косе, где почему-то росли только дикие маслины. А из людей ходили редкие рыбаки. Да, именно на косе Дмитрий чувствовал себя максимально защищенным, как никогда близким к миру стражей.

Через год с небольшим этот «инстинкт» стража в нем полностью погас. Он стал обычным городским жителем, с сонными, красноватыми от сидения за компьютером глазами, припухшими веками, вялыми движениями и тусклыми мечтаниями. Именно тогда путешествие в Брамму стало стремительно стираться из памяти.

У отца Ивана «стирание памяти» прошло еще быстрее. Так что Отшельник прав. По приезду в город батюшка пошел на доклад к своему церковному начальству. Да, видимо, сболтнул что-то лишнее. Наверное, про гномов опального иеромонаха рассказал. И отца Ивана быстренько в монастырь отправили, на пару месяцев. Провентилировать душу, как выразился один знакомый Дмитрия. Назад вернулся совершенно другой отец Иван. Он тогда Диме с ходу заявил, что все, что с ними возле Браммы случилось – красивый сон. И что Николай (мирское имя Капитана) чудак с определенными способностями. И что пока они видели красивые картинки, Николай незаметно положил украденные из церкви вещи. Вот и все.

– Вспомни, – говорил отец Иван, – мы именно проснулись возле Браммы, а Николай не спал, бодрствовал. И вещи уже лежали у меня в рюкзаке. И это мы оба помним отчетливо, в отличие от самого путешествия.

– Но зачем ему все это?!

– Я же говорю, он чудак, – невозмутимо отвечал отец Иван.

– Хорошо, – не сдавался Дмитрий, – и иеромонах Василий сон? Ты же ему лично ногу выкручивал, помнишь?

– И иеромонах сон, – отвечал отец Иван ровным, монотонным и как бы не своим голосом, – никому я ногу не крутил, зачем мне это надо. Все это, Дима, самый банальный гипноз. Заметь, мы больше нигде ни иеромонаха, ни его людей не видели... После этого разговора он долго с отцом Иваном не встречался. Батюшка отбыл в свой новый приход на краю области...

Легкий сквознячок, пахнувший морем, прервал воспоминания Дмитрия. Его бессмертное Я снова обрело плоть. Послышался отдаленный шум волн и крики чаек. Как и тогда, в прошлый переход.

Одна из загадок Браммы, – подумал он, – чайки кричат, пахнет морем, а выходишь – нет моря.

Впереди показалось отчетливое желто-серебристое пятно. Дмитрий устремился к нему, как устремляется оцепенелая зимняя рыба к спасительной проруби за глотком воздуха. Вокруг него вздымались, не касаясь его, темные морские воды. Воды постепенно светлели. Вот они окрасились в серебристо-лунный свет, а пятно оказалось выходом. Дмитрий благополучно покинул Брамму.

Капитан

Нет, совсем не то он ожидал увидеть. Не было сверкающего разноцветными ночными гирляндами Холма, не сияли яркими спелыми гроздьями бесчисленные звезды. Даже обычного Млечного Пути он на небе не нашел. Все вокруг смотрелось как-то слишком обыденно – желтая, как сыр, луна светила слева от него, мерцали редкие тусклые звездочки. Прямо перед ним расстилалась избитая перепаханная земля, словно здесь шло танковое сражение. Поодаль маячил остов строительного вагончика – то ли сожженного, то ли разобранного до основания. Дальше все тонуло в беспроглядной ночной тьме, в которой двигался одинокий желтый огонек. Огонек был справа от него, он постепенно удалялся...

Неужели пришельцы захватили выход от Браммы к Холму? Не может быть! Тогда я вышел из Браммы совсем не там где надо. Очень нехорошее место. Скорее всего, ловушка. Западня!

Дмитрий испытал чувство сродни падению в бездну. В этот момент желтый огонек приостановился и двинулся прямо на него... Нет, это ему показалось, что огонек движется на него. Огонек двигался теперь параллельно ему, справа налево. И никакой это не огонек. Он услышал отдаленный шум работающего двигателя, увидел полосу света перед желтыми огоньками (их оказалось несколько) и понял, что перед ним самая обычная земная машина.

Вот ее фары отчетливо осветили полосу дороги и лесопосадку вдоль нее. Дмитрий узнал дорогу и понял, что находится возле Красного Кута, то есть, по эту, земную сторону Браммы. Его ошибка в том, что он ожидал, что выйдет в мире стражей. На самом деле все правильно, он же попал в Брамму из того мира, где говорил с Отшельником, следовательно, выйти мог только здесь. В мире людей. Впрочем, мог выйти, где угодно. Главное другое: Отшельник обещал встречу с Капитаном. А Капитан живет именно здесь. Так что все сходится.

Дмитрий с облегчением вздохнул, чувствуя, как возвращается из бездны душа. «Как же я падаю на всякие воображаемые ужасы», – подумал он и осторожно двинулся вдоль Браммы, отыскивая «секретную тропинку Капитана». Тропинка была на месте. А вот сбоку от нее поблескивал в лунном свете какой-то большой металлический предмет.

Большим металлическим предметом оказался автомат из-под газированной воды. Такие автоматы он видел только в своем счастливом советском детстве. Автомат лежал на боку, он был сильно искорежен и пробит во многих местах – вмятины вместе с рваными дырами, словно по автомату с нечеловеческой силой долбили чем-то тяжелым и заостренным. Вспомнились гномы и их чудовищные топоры. Дмитрия передернуло. Он поспешил покинуть это место.

Вот и дорога на Красный Кут. Прямо перед ним возвышались исполины-тополя. Если глаза не обманывает неверный лунный свет, тополя за девять лет немного подросли. Да, когда-то он знал их по именам. А теперь вот не в состоянии вспомнить ни одного имени. И все равно, здравствуйте, зеленые стражи дороги на Кут. Рад вас видеть снова.

Он вздохнул и двинулся в сторону села. Показались плакаты «времен перестройки». Под тополями было темно – разглядеть, насколько плакаты сохранились, не представлялось возможным. Но он не сомневался в том, что плакаты в прекрасном состоянии. Советские плакаты, бюсты Ленина, красные платочки на головах женщин – ведь все это своего рода бренд Красного Кута. На этом же можно деньги делать. Вот перед Браммой, сдается, что-то пытались строить. Но кто-то помешал.

Лесопосадка кончилась. Взору открылось село. Горели редкие фонари. Светились квадратики окон. Но через село Дмитрий не пошел. Он свернул направо и двинулся дальше по секретной тропинке Капитана в обход села. Теперь он меньше смотрел по

сторонам, он шел все ускоряя шаг, он уже почти летел, предвкушая встречу с Капитаном. И так же летели в голове мысли, рассеянные мысли ни о чем.

Несколько раз он с усмешкой вспоминал версию отца Ивана по поводу гипнотических способностей Капитана: что ж, выходит, что он под гипнозом совершает весь путь, от самого своего балкона.

Сбоку от него встала стеной еще одна лесополоса. Тут не было великанов-тополей, деревца были низкорослые, много кустарника, бурелома и мусора с полей. Однако теперь, даже ночью, при луне, он заметил, заметил «краешком глаза» – во второй полосе произошли разительные перемены. Исчезли кучи мусора, исчез бурелом, заметно подросли деревца (те, которые он помнил по прошлому разу). Появилось много новых деревьев. Дмитрий как-то сразу решил, что здесь поработали стражи... Ну, конечно, они, кто еще. Сельчанам нет никакого дела до этой посадки.

Лесополоса вместе с селом осталась позади. Тропинка резко изгибалась, делая дугу, и бежала по чистому полю, прямо к дому Капитана. Дом Капитана был не в самом селе, а немного на отшибе.

Показался желтый огонек вместе с тусклым квадратиком окна. Капитан был дома! Теперь Дмитрий с каждым шагом замедлял ход, а возле дома уже почти крался, как вор. Вот и сад Капитана на заднем дворе – забор стал выше и прочнее, Капитан как бы немного отгородился от мира.

Дмитрий остановился, прислушался. Ему показалось, что в глубине сада журчит вода, как будто в саду забил родник. И в тон роднику журчит чей-то очень мелодичный голос. И второй голос – несомненно, голос Капитана.

Дмитрий двинулся к калитке. Она была открыта. Войдя во двор, он сразу же увидел Капитана. Капитан сидел в легком плетеном кресле, под навесом, почти в саду. Заметив Дмитрия, он бодро встал и тут же едва не повалился обратно, схватившись за грудь. Чья-то высокая стремительная фигура выдвинулась из тени сада, поддержала его за локоть.

Капитан быстро совладал с собой, выпрямился и, сделав шаг вперед, обнял Дмитрия:

– Здравствуй, Дима, как я рад тебя видеть! Как рад! Друг Пестрый не ошибся, ты встретился с Отшельником и благополучно прошел сквозь Брамму. И вот ты здесь. Здорово!

– Я тоже рад тебя видеть, Капитан... Кстати, на нас пришельцы напали. При слове «пришельцы» у Капитана слегка дернулась щека.

– И об этом мы знаем, – тихо сказал он, опускаясь в кресло, – просто не хочется лишний раз этих бесов поминать. Близится время союза, и они сейчас очень активны. Ну, об этом после... А пока... да, где друг Пестрый? Пестрый!

– Он самый, – пропел мелодичный голос; из тени сада выступила высокая фигура с чайником в руках.

Да, это был Пестрый, страж. Но в каком очеловеченном виде! Он был одет в зеленые, в стиле хаки, штаны, зеленую рубаху, его длинные каштановые волосы были подвязаны тесемочкой. А на узком вытянутом лице виднелись роскошные бакенбарды. Пестрый напоминал образцового классического хиппи-пацифиста. Ну, почти человек – «дитя цветов» двухметрового роста. Немного необычными оставались разве что ярко выраженные каштановые волосы и треугольная форма глаз (да и сами глаза, испускающие искрящие волны радости).

Пестрый поставил чайник на небольшой столик во дворе и кинулся обнимать Дмитрия. Схватив в охапку, он легко, словно ребенка, подбросил его в воздух.

– Ну, здравствуй, здравствуй друг стражей! Здравствуй, друг служителя Кон-Аз-у. Девять лет, девять веков!

Пестрый внимательно поглядел на Дмитрия:

– А ты немного постарел, мой друг. Девять лет разлуки не прошли для тебя даром. Это мы мало меняемся. Правда, признаюсь, пришлось и нам попотеть, учась жить в вашем светлом мире. Но потели мы не зря. Как мой новый облик? А, как тебе?

Пританцовывая, Пестрый несколько раз покрутился вокруг оси.

– На кого говоришь я похож, – весело воскликнул он, хотя Дмитрий не говорил ничего.
– На ребенка цветов, этого хиппи-у. Так?

Пестрый захохотал.

– Ладно, пойду. Наберу чистой водички, сделаем чай, я ваш чай очень любил, и все наши полюбили. Сейчас все будут в сборе, поужинаем.

Пестрый подхватил чайник и бесшумно растворился в саду. Капитан задумчиво сидел в кресле. Он как будто был не здесь. Дмитрий внимательно посмотрел на Капитана и понял, насколько прав Отшельник. Капитан выглядел постаревшим лет на пятнадцать-двадцать и болезненным. Изможденное осунувшееся лицо избороздили сеточки мелких морщин. От переносицы к центру лба пролегли две глубокие складки, такие же складки легли по уголкам рта. И только глаза являли собой разительно другую картину – огромные, очень живые, пронзительные и смеющиеся одновременно.

Капитан улыбнулся.

– Такая чудная ночь и тишина, сидел бы так и сидел. Ну, да ладно. У тебя ко мне, думаю, куча вопросов?

Дмитрий кивнул.

– Первый вопрос, что случилось перед Брамой? Там все перекопано, валяется разбитый автомат из-под газировки, советский еще такой.

– Хороший вопрос, для начала беседы, – бросил идущий из сада с чайником в руке Пестрый.

– Да, интересная история была, – покачал головой Капитан. – И она может еще продолжиться. Да. А дело вот в чем, в прошлом году наш неугомонный *голова*¹ сельсовета решил наконец-то заработать деньги на Бrame. Действительно, столько лет аномальный холм стоял, и как-то никому не пришло в голову туристическое паломничество к холму организовать. Вот голова первый и додумался. Точнее, ему эту идею подсказали пришельцы. Раз не удалось нас тогда физически уничтожить, значит надо профанировать саму идею союза, надо, чтобы Брама, до этого благополучно скрытая от мира сего, легла на страницы желтой прессы. Стала частью сплетен, домыслов и прочего полуэзотерического бреда.

Естественно, сам голова так вряд ли рассуждал. Он просто решил подзаработать. Еще удивлялся, как это ему подобная идея раньше в голову не приходила. А идея такая: аномальная зона Бrame искажает время, поэтому в Красном Куту еще как бы Советский Союз. Хотите почувствовать себя в ритме советского времени, ощутить дух той эпохи – нет ничего проще, приезжаете, платите деньги, проходите сквозь Бrame – и вот вам костюмированный СССР. Автоматы с газ.водой, пионерские горны и галстуки, речи Брежнева.

Голова за дело взялся серьезно. Телевидение из области пригласил, фильм снимали. Потом уже само строительство началось, планировали целый городок отгрохать. Правда за лето почти ничего не построили, но зачем-то повезли этих автоматов с газ.водой.

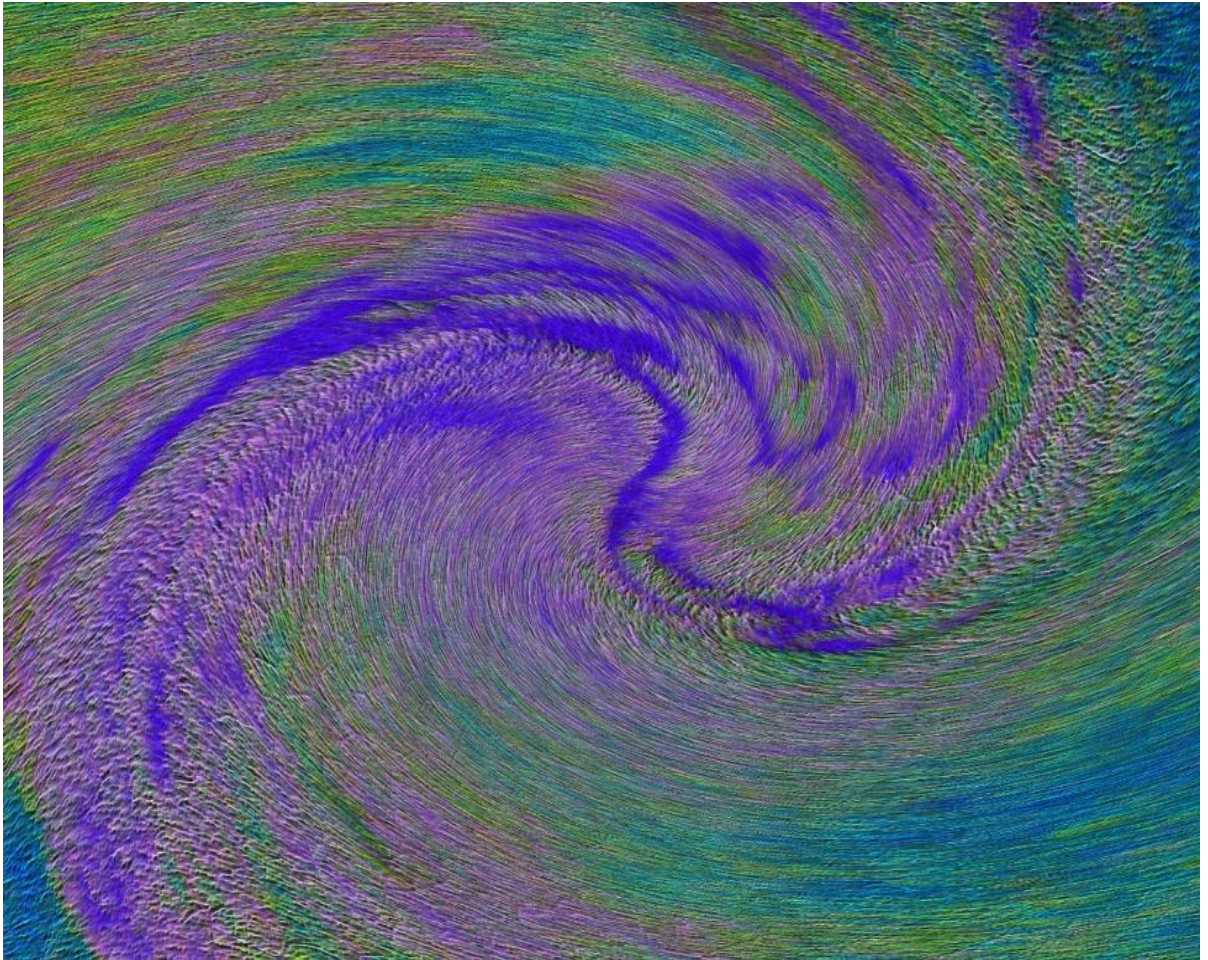
Потом всю зиму объект без движения простоял. А весной из Бrame явились... Кто бы ты думал, гномы с бывшим иеромонахом Василием, который, кстати, тоже уже наполовину гном. Явились и разгромили там все, а вагончики сожгли. На объекте был только сторож, так он едва рассудка не лишился. Он, конечно, никаких гномов не видел, просто видел, как некая аномальная сила все громит. Но голова сельсовета, как обычно,

¹ Голова (укр.) – начальник, председатель.

проявил свое упорное материалистическое неверие. Про аномальную силу он и слушать не хочет. Во всем обвиняет корейцев-иеговистов. В общем, история продолжается... О, вот и тот, которого мы ждем! – таким возгласом Капитан внезапно закончил свой рассказ.

Дмитрий обернулся и не поверил своим глазам. Во двор к Капитану входил не кто иной, как отец Иван.

Волна

Автомат с газировкой нависал надо мной словно скала. Старый советский автомат серого цвета с темно-синей полосой наверху и надписью: «газированная вода, с сиропом 3 коп, без 1 коп».

Автомат был безмолвным свидетелем моего беззаботного детства; наверное, поэтому я и предстал перед ним ребенком лет десяти. На мне был помятый пионерский галстук и белая рубашка с коротким рукавом. Было ужасно душно, я хотел пить, но у меня совсем не было монет.

Возле автомата появился высокий улыбчивый мужчина в темном костюме. Он посмотрел на меня отсутствующим взглядом (возможно, он был в темных очках –точно не помню). Помню другое. Мужчина протянул мне серебристую монетку. Монетка была странной формы, она напоминала рыбку. Мужчина участливо улыбнулся, я расценил это как знак и, встав на цыпочки, отправил «рыбку» в прорезь автомата.

И обнаружил себя на улице какого-то города. Город был совершенно серый, тусклый – все предметы в этом городе были окутаны дымкой, словно недопроявленные. По всей видимости, это была какая-нибудь набережная: сбоку, совсем рядом, текла серая река, закованная в серый гранит. На другой стороне громоздились туманными глыбами дома. Я был не один. Рядом со мною галдела целая толпа в пионерских галстуках. Она была осязаема и зрима, в отличие от серой беспредметности города. Но все в этой толпе были

на одно лицо. Все смеялись и пили газировку из запотевших стаканов. Внезапно галдеж смолк. Появилось тревожное ощущение нарастающей угрозы. На противоположной стороне реки, над домами, возникла огромная черная фигура в сутане. Все оцепенели в ледяном ужасе. Но чудовищная фигура махнула птичьей лапой и все ожили:

– Веселитесь, – сказала фигура равнодушным голосом, – за всех вас уплачено. Только разве это круто, газировка по три копейки за стакан? Нет, это не веселье. А вот сейчас будет веселье, сейчас вы совершите путешествие на другую планету...

Не успело существо в сутане окончить свою речь, как появились большие темные коконы, похожие на полупрозрачные яйца. Кокон было бесчисленное множество, они плавно опускались на землю. Я знал, что они прибывают к нам откуда-то из глубокого космоса. В каждом коконе-яйце было по одной человеческой фигуре. Фигурки лежали, раскинув руки и откинув головы назад, как бы в глубоком сне. Коснувшись земли, яйцо становилось вертикально, тогда фигурка внутри начинала шевелиться, пробуждаясь. Что происходило дальше (выходили ли пришельцы из своих коконов), я так и не понял. Толпа пионеров с визгом бросилась к пришельцам, обступила их. Между тем яиц из космоса становилось все больше и больше, они начали теснить нас, сдавливать в один плотный круг. В этот момент кто-то или что-то схватило меня за руку и стало тянуть прочь, куда-то вверх. Это что-то было больше всего похоже на ветвь дерева.

– Скорей, – шепнул мне на ухо чей-то приятный голос, – не надо полагаться на разум и денежные купюры.

Меня резко подбросило вверх. И исчезли коконы, пионеры и серая беспредметность. Вокруг была та же набережная, только теперь все было ярко освещено солнцем, все было зримым и четким. Я неспешно прогуливался по набережной, уже во взрослом облике. Сбоку от меня текла река, закованная в гранит. Воды реки были прозрачные и синие-синие. Рядом со мной шел Белодрев. Я сразу его узнал, хотя и не видел четко. Но я знал точно – это Белодрев.

– Так ты жив? – обратился я к нему и сразу же ощутил всю глупость своего вопроса. Вместо ответа Белодрев улыбнулся. И опять я не видел его улыбки, но знал точно, что он улыбнулся. Какое-то время мы шли молча.

– Очень много работы, – сказал Белодрев своим тихим шелестящим голосом (этот голос звучал прямо внутри меня), – но я рад, я уже начал звенеть, как кедр.

– Так ты на Другом Берегу?

– Там, – Белодрев показал рукой вперед. И оттуда, куда он показывал, по реке шла огромная прозрачная волна. Шла прямо на нас. И пела (да, волна пела!) Пела очень красивым голосом – голос звучал как женский и в тоже время был немного другой, не сравнимый ни с какими земными голосами. Волна надвинулась на нас, прошла прямо сквозь нас, мелодично звеня. Волна оставила после себя ощущение необычайной чистоты.

– Там, на берегу океана, что на Другом Берегу, есть большой Белый Город из прозрачного камня, и другие города, и прекрасные леса, поля и горы... Об этом бы я хотел рассказать, но пока не могу, ибо даже океан там не совсем океан, что уж говорить про поля и леса и Город. Это все надо видеть. Пока скажу только, что эта прекрасная волна пришла именно оттуда, с Другого Берега.

– Другой Берег, это то место, которое мы называем раем?

Белодрев не ответил, или не успел ответить. Сон стремительно оборвался, как что-то выбросило меня из сна. Вокруг была кромешная тьма. Первые несколько секунд я даже не был уверен в том, что проснулся и открыл глаза. Или мне снится, что я проснулся и открыл глаза?

Белый Город – мысленно произнес я и улыбнулся. – Белодрев, Белый Город, – и тут же почувствовал, как что-то давит мне в бок. Пошарив рукой, понял, что лежу на земле, а в бок мне давит выступающий из земли корень, и над головой смутно маячит ветвь дерева.

Я сразу вспомнил, что от Индуиста двинулся сюда, на свое любимое место на краю косы. И, стало быть, сейчас лежу под своей любимой маслиной. И под ней же заснул. А сейчас проснулся.

Маслина едва-едва проглядывала во мраке. Дальше шла густая чернота южной ночи, в которой полыхали отдаленные зарницы. Послышалось глухое урчание, повеяло свежим ветерком.

Так, если я нахожусь на своем любимом месте, под своим любимым деревом (а иначе и быть не может) и лежу ногами к его стволу... значит, значит, гроза где-то на востоке, точнее, юго-востоке. И гроза идет сюда. Судя по ветру. Как это кстати! Как надоела эта духота! Больше месяца нет дождей. Но теперь засухе конец, идет дождь, идет спасительная вода... волна...

Вспомнилась та фантастическая волна из сна, а потом уже весь сон. Как-то так ярко и одновременно, во всех деталях вспомнился... Какое необычное сновидение! Белодрев. Ну, надо же. Никогда в жизни мне не снились мои литературные герои. Вот так вот напрямую.

Я пошевелился и со стоном сел – тут только почувствовал, как разбито мое тело после вчерашнего вечера: тупая стреляющая боль в голове, во рту сухо, как в марсианской пустыне, и отвратительный металлический привкус. И ноют икры ног, будто вчера бегал марафонские дистанции.

Я полез в сумку и извлек пластиковую бутылку с портвейном. Это мне ее положил Сергей, по кличке Хоббит. Как раз его день рождения и отмечали вчера у Индуиста. Какое-то время я смотрел на темный силуэт бутылки с напитком и соображал: пить или не пить. Портвейн, кстати, ужасный. Да и вообще, я несильный любитель вина. Но, с другой стороны, чем еще заняться – разгар ночи, я Бог знает где. Уехать смогу только утром, пешком уже не пойду, ноги болят.

Отвинтив крышку, я с отвращением сделал несколько больших глотков. Посидел с минуту, безмолвно прислушиваясь к внутренним физиологическим ощущениям и звукам вне меня. Грохотало уже весьма ощутимо. Гроза стремительно приближалась, и приближалась именно с юго-востока...

Итак, автомат с газировкой, зловещая фигура в черной, кажется, сутане, коконы из космоса, наконец, Белодрев и поющая волна. Ну и что, что все это значит? Какой во всем этом смысл? Какой?!

Я принялся тщательно вспоминать детали сна. Глубокое интуитивное чувство говорило мне, что здесь не просто сон. Но тогда, если это видение, послание оттуда (пусть и зашифрованное в виде сна), тогда...

Сделав еще глоток вина, я понял – Белодрев существует! И Капитан, и Отшельник, и стражи, и Дмитрий, и отец Иван – все они существуют в самом прямом смысле слова, так же как существую я! Кстати, подобные мысли приходили ко мне и раньше, но я как-то не придавал им решающего значения. А ведь это очень серьезно – ОНИ СУЩЕСТВУЮТ!

Ослепительная вспышка молнии выхватила песчаный откос сбоку от меня, и приземистые маслины на нем (почему-то ничего кроме маслин на косе не росло), и темную далекую гладь лимана. Через секунду раздался оглушительный грохот. Внезапно я понял, как начать новую историю Капитана. Итак, надо начать строкой – гроза пришла с юго-востока. Вот точно такая же гроза, как сейчас, долгожданная гроза.

Я увидел Дмитрия, своего героя, он стоял на балконе и смотрел на приближающуюся с юго-востока грозу. И почти одновременно, параллельно, увидел другого героя и другую картинку – отец Иван входит во двор Капитана.

– Спасибо тебе, Белодрев, – сказал я в черное небо, – и тебе, Отшельник, спасибо. Теперь я знаю, вы есть, вы существуете.

Я встал на камень, возле которого только что сидел, и, обратив свое лицо на север, к городу, громко сказал, подражая Тертуллиану:

– Да, я верую, что они существуют, верую, потому что абсурдно, потому что ничего другого у меня нет, кроме них.

Последние слова были все же некоторым преувеличением, жалостью к себе, но и отчасти правдой – у меня почти никого нет, кроме них.

Новая вспышка молнии вновь выхватила песчаный откос, лиман, маслины и меня стоящего на камне.

– О, Отшельник со мной снова согласен, – сказал я в черное небо.

Резкий порыв ветра швырнул в меня горсть песка. С неба упали первые крупные капли дождя, словно слезы. А потом хлынул ливень, неудержимый тропический ливень. Почти непрерывно сверкающие молнии озаряли беловато-голубые струи ливня – шквалистый ветер крутил и выгибал их, и они танцевали немислимый танец, целовали изможденную зноем землю. Меня охватило стремительное, бурное веселье. Я быстро скинул одежду, сложил ее в сумку, а сумку спрятал в самом укромном «непромокаемом» месте, под маслиной. Я был свободен.

– Эгей-гей, – прокричал я на манер Отшельника, голос мой был едва слышен в шуме грозы, – Капитан, стражи, Отшельник, дети грозы, вы есть, вы есть!

Я кинулся бежать по хорошо знакомой мне песчаной дорожке на самый край косы, к безбрежным водам лимана. Я бежал, подпрыгивая, разбрызгивая босыми ногами мутные веселые потоки. Прохладные струи дождя хлестали по телу, вымывали из души всю муть, всю горечь, все обиды.

И тут я запел. Запел хриплым срывающимся голосом, запел песенку Янки Дягилевой про то, что придет вода. Собственно, это была не столько песня, сколько несколько строк, вдруг всплывших в памяти:

Придет вода,
Придет вода.

По той воде пузырьки,
Над нею радуги мосты,
Чего б не ждать дуракам.
Чего б не жить.

Придет вода,
Я буду спать,
Придет вода...

Я бежал и пел, пел, пока не погрузился в темные соленые воды лимана.

Встреча старых друзей

Отец Иван вошел во двор к Капитану и остановился. С минуту он молча смотрел на Дмитрия и Капитана, как бы в недоумении. А Дмитрий и Капитан молча смотрели на него, словно не веря до конца, что перед ними настоящий отец Иван.

А он пополнил, – думал Дмитрий, разглядывая старого друга. – Постарел немного, даже живот небольшой отпустил. Да, время неумолимо...

Батюшка пошевелился и воскликнул:

– Дима, и ты тут, не может быть!

– Я тоже тут! – прокричал с кухни Пестрый и высунул голову из форточки.

– Пестрый! – отец Иван всплеснул руками: – Нет, это невозможно, это нереально. И самое нереальное то, что и я тут. Как же я рад! Даже не думал, что всех вас увижу еще раз, друзья!

И отец Иван поздоровался и обнялся с каждым. Особенно долго он здоровался с Пестрым – страж клятвенно заверял батюшку, что он точно не галлюцинация.

– Такого со мной давно не было, – отец Иван присел на скамеечку рядом с Димой. – Я сейчас... ну, в отпуске можно сказать. Был в районном центре, в гостях. Тут словно голову потерял. Вскочил в автобус и до Черноморки. Оттуда сюда, как на крыльях. Двенадцать километров по темноте отмахал, даже не заметил. И никого на дороге. Тишина.

– Очень хорошо, что ты решился навестить старых друзей, дорогой батюшка. Ты почти уже и не верил в наше существование, даже в мое, ведь правда? – Капитан улыбнулся. – Так что, Слава Богу, что ты решился на ночное путешествие. Это значит больше, чем ты думаешь.

– Подходит время союза, и старые друзья собираются снова вместе, – сказал Пестрый.

И только он это сказал, как во двор к Капитану вошел высокий человек, на голове у него была широкополая соломенная шляпа. Из-под шляпы виднелась длинная, отливающая в лунном свете серебром борода.

Серебряный – сразу же вспомнил Дмитрий. – Боже, в каком он непривычном облике!

Серебряный походил на человека даже больше, чем Пестрый; разве что серебристая борода да толстая сучковатая палка в руках придавали ему несколько сказочный вид. Пестрый и Капитан почтительно поклонились Серебряному. Серебряный так же поклонился в ответ. И сразу же обратился к Диме и отцу Ивану:

– Добрались, долетели, – Серебряный помахал руками в воздухе, как птица, и рассмеялся. – Очень хорошо, что добрались! Время союза совсем близко. Но без вас история будет неполной. А может, и совсем не состоится.

– Хорошая история начинается с хорошего ужина, – произнес знакомый всем голос. – Пестрый, ты нас не уморишь голодом?

Во двор к Капитану входил некто, в длинном зеленом балахоне. Вошедший откинул капюшон – это был Клен.

– Отшельника не будет, – сообщил Клен, – тяжелая обстановка на западном грозном фронте. Пришельцы едва ли не войну развязали.

– Да, – отозвался Пестрый, – мы с Капитаном в курсе новостей.

– В Одессе наводнение, – сказал Капитан, – ураган, поваленные деревья. В Херсоне тоже ураган.

– В районном центре женщину молнией убило, – добавил отец Иван.

– Вот почему, друзья, Отшельник никак не может быть, – заключил Серебряный. – А жаль.

– У нас в городе тоже сильнейшая гроза была, – сказал Дмитрий, – меня ведь громом оглушило, потом я с Отшельником встретился, попал в Брам и уже сюда.

Отец Иван с недоверием посмотрел на Дмитрия:

– Ты, что, точно Отшельника видел и сюда таким странным способом добирался?

Дмитрий кивнул.

– Расскажешь?

– Расскажу... чуть позже. Я что хотел спросить: здесь как будто и не было никакой стихии?

– Вчера хороший ливень прошел, но без экстрима. И жара сразу спала, – ответил Капитан и добавил, – конечно, спасибо Отшельнику.

Ужинать сели прямо во дворе. Ночь была теплой, тихой, безветренной. Сказочная ночь! Мягкая полная луна плавно перемещалась в западную часть неба.

Все было приготовлено просто и очень вкусно. Та же вареная картошка, со всякими там специями и приправами, наподобие той, которой Капитан нас угощал во время первого знакомства. Только теперь в этом «фирменном блюде» появился новый необычный привкус, видимо, что-то из мира стражей, какая-нибудь трава. Присутствие стражей выдавал и экзотический салат, из фиолетовых листьев и чего-то еще, необычайно вкусного и пахнущего морем. И, конечно же, чудесная печеная рыба, приготовленная специально для Дмитрия и отца Ивана.

Покончив с рыбиной, отец Иван долго тер пальцы салфеткой, внимательно разглядывая Капитана.

– Дорогой Николай, – сказал он, – извини, но ты, кажется, неважно выглядишь. Сильно сдал.

– Да, батюшка, сдал, – ответил Капитан. – Сердце немного прихватывает, но это мелочи. На самом деле, живу как у Христа за пазухой. Впрочем, все покажу и расскажу, – и Капитан загадочно улыбнулся.

– Посмотреть есть что, – добавил Пестрый и подмигнул Дмитрию и отцу Ивану.

– Скуотица, – сказал Клен, – но ужин вкусный. Да, друг Капитан, друг Пестрый, расскажите хоть в двух словах, что тут за девять лет интересного случилось. Пока наш уважаемый Серебряный не созреет. (Серебряный, запустив свою шляпу куда-то на вершину дерева, самозабвенно уплетал картошку.) У наших гостей наверняка много вопросов.

– С удовольствием, – ответил Капитан. – Так, Дима один вопрос задал. Теперь очередь отца Ивана, прошу, батюшка.

– Хорошо, – сказал отец Иван, принимаясь за вторую рыбину, – как служитель культа, я вначале по церковной линии спрошу... Ну, во-первых, как тут с церковной жизнью, как священник? Вот. И второе: появлялся ли иеромонах Василий?

– Насчет церковной жизни, ее как бы и нет. Третий батюшка за девять лет.

– Не приживаются попы в этой дыре, – тут же прокомментировал отец Иван.

– Этот, последний, увы, самый худший. Полная противоположность иеромонаху Василию, действительно, обновленец какой-то. К службе холоден, так что в церковь почти никто не ходит. Зато коммерсант не хуже головы нашего. С головой вместе они и спелись... Теперь про иеромонаха. В селе он так и не появился. Но аномальную зону покидал, где-то на пару месяцев. Еще тогда, после вашего отъезда. Потом обратно вернулся в свои катакомбы и больше из них не выходил. Удивительно, но не только люди все с ним остались, но и часть гномов обратно к нему вернулась. Им даже их священный Раха-а-ахалд не помог. А самое удивительное – иеромонах постепенно превращается в гнома. Добровольно! Сам! Впрочем, сидел он со своими гномами до недавнего времени тише воды ниже травы. А весной этого года внезапно напомнил о себе: гномы разгромили стройку головы возле Браммы. Дима видел, расскажет.

– М-да, – многозначительно промычал отец Иван, – превращается в гнома. Слышал бы такое мой епископ. М-да, сказка началась... Кстати, а голова тот же, что тогда был?

– Да, тот же самый, переизбрался. И все такой же коммерсант и коммунист. И еще, после разгрома стройплощадки возле Браммы, он как бы слегка умом тронулся. Так в селе говорят. Якобы с инопланетянами общается.

– Да, одно общение точно было, – добавил Клен, – мы проследили. Понятно, что инопланетяне, это пришельцы. Именно они вышли на вашего голову. Что-то замышляют.

Боюсь, как бы сюрпризов еще этот голова нам не принес. Время союза между нашими народами уже совсем близко.

– Да, друзья, союз, – внезапно воскликнул Серебряный звонким мальчишеским голосом, затем свистнул по-птичьи и хлопнул в ладоши. С дерева плавно опустилась и легла ему на голову большая соломенная шляпа.

– Ну, что, молодая поросль, – продолжил Серебряный, – самое время для чая и приятных новостей. А новости такие: время союза, который вы, друзья, ждали долгих девять лет, на подходе. Скоро на Холме состоится большой Совет. И вы, друзья-человеки, приглашены. Времени у нас мало. Идти придется сегодня ночью, перед рассветом.

– Так, значит, опять лезть в Браму? – спросил отец Иван, и все присутствующие на ужине услышали нотку сожаления в его голосе.

– Да, другого пути пока нет, – ответил Клен.

– И что, это так прямо необходимо?

– Отец Иван, тебя что-то смущает? – поинтересовался Капитан.

– Да нет, – уклончиво ответил батюшка, – и время как раз есть свободное, и я здесь... Просто, просто голос здравого смысла. Тогда шли, опять идти.

– О каком здравом смысле речь?! – воскликнул Дмитрий, – раз мы уже здесь. Лично я «за» руками и ногами. Путешествие на Холм, что может быть прекрасней!.. Отец Иван, вспомни, как мы назвали мир на Холме. Вспомни – отражение Рая.

– Отражение Рая, – задумчиво повторил отец Иван.

– Друзья, поймите, – сказал Клен, – теперь мы не можем проиграть, не имеем права! Но для того, чтобы победить, вам, человекам, нужна твердая вера в то, что наши слова о союзе не пустые. Вот почему так необходимо быть на Холме. Чем раньше, тем лучше.

– Все верно, простите, – сказал отец Иван после небольшого молчания, – еще не до конца отошел от житейской суеты.

– Я понимаю тебя, – Серебряный снял свою соломенную шляпу, покрутил в руках и опять одел. – Слова словами, а как у вас говорят, факты упрямая вещь. Сейчас дорогой Капитан нам кое-что покажет, и потом продолжим наш разговор.

– Да, самое главное! – воскликнул Капитан. – Идемте.

Все встали и прошли под навесом к неприметной пристройке в задней части двора. Капитан осторожно открыл дверь. В ночной сад брызнул мягкий золотой свет. Отец Иван и Дмитрий с трудом верили своим глазам – в небольшой и очень чистой комнате вращалось, разбрызгивая прохладные искры, Золотое Веретено.

Шимасса

Веретено появлялось прямо из воздуха нашего мира, или, наоборот, сам воздух переходил в бешено вращающийся вихрь золотисто-серебристых искр. Отец Иван подставил руку под искры:

– Нет, этого не может быть, – тихо сказал он, – как оно все работает? Как?!

Дмитрий заметил два больших прозрачных камня, в форме шестигранников. Прозрачные камни были вставлены в какие-то круглые цилиндры, тоже прозрачные. И все это крепилось на широких листах металла, листы были прикручены к стенам пристройки... Эти камни, кристаллы, это, скорее всего, из мира стражей, – подумал Дмитрий.

Пестрый положил руку на плечо Дмитрию и отцу Ивану:

– Да, в вашем мире таких камней нет. Поэтому, друзья, мы очень боялись, что эти камни окажутся бессильны в вашем мире. Как хорошо, что наши страхи оказались напрасными.

Дмитрий снова перевел взгляд на камни и тут заметил, что от металлических листов отходят тонкие медные проводки.

– Капитан, да у тебя здесь целая электростанция!

– Да, друзья, – сказал Серебряный, – это первый дар нашего народа вашему. Начало союза.

– Но как оно все-таки работает, за счет чего?! – отец Иван всплеснул руками, на его лице играла восторженная детская улыбка.

– Ну, это так сходу не объяснишь пока, – виновато сказал Клен, – не объяснишь вашим языком, – поправился он. – Но Капитан скоро найдет нужные понятия и образы, правда, друг Капитан?

– Это уж как Бог даст, – ответил Капитан и вздохнул. – Пока же сойдемся на том, что в мире есть огромное количество вещей, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Как, например, Веретено. Работает, и ладно. Главное, что сила Веретена способна преобразовываться в любую известную нам энергию. Например, в ту же электрическую... Приходится немного и настоящим электричеством пользоваться, но это, чтобы не заподозрили.

– Все правильно! – воскликнул отец Иван. – Надо быть очень осторожным. Это же, это же новый источник энергии, друзья! А у нас, в нашем мире, за такое легко убить могут. Если в нечистые руки попадет, а оно скорее всего так и будет. А нефтегазовые корпорации... Да, тема серьезная. Это уже что-то.

– То есть, теперь ты не прочь совершить еще одно путешествие? – спросил Дмитрий.

– Нет, не прочь, – отрезал отец Иван.

– Насчет осторожности, все верно, – сказал Капитан, – и наши друзья стражи это прекрасно понимают, хотя и удивляются нашим порядкам.

Стражи согласно кивнули головами.

– А теперь скажите мне, – обратился Капитан к отцу Ивану и Дмитрию, – можно ли, живя в селе, сохранить подобные вещи, ну, как Золотое Веретено или общение со стражами, в тайне?

– О, это весьма сложно, весьма, – ответил отец Иван. – Особенно в твоем случае. Да и дом твой на отшибе, а это может дополнительно привлекать внимание.

– В моем случае это было бы почти невозможно, но пока все хранится в тайне. И это несмотря на то, что в последнее время стражи довольно частые гости у меня. А к моей персоне здесь с первого дня моего появления повышенный интерес. Так что увидь местные со стороны, что здесь происходит, – Капитан тяжело вздохнул, – давно бы уже, наверное, все здесь разгромили и сожгли, из-за страха перед неведомым и непонятым.

– А может, наоборот – сказал Дмитрий, – телевидение бы пригласили, фильм сняли, какую-нибудь мистическую страшилку про пространственно-временной портал Браммы. Сейчас такое любят.

– Дмитрий, – поморщился Капитан, – вариант с желтой прессой еще более ужасный, чем погром и огонь. После огня можно все заново отстроить, а после того что наснимают СМИ, уже вряд ли отмоешься... Но, слава Богу, все наши тайные встречи по-прежнему строго хранятся. И это благодаря еще одному великому дару. Идемте, покажу.

Капитан и его гости двинулись в глубину сада и оказались на маленькой полянке. Посреди полянки был крохотный холмик, на нем стоял объемный горшок, в котором росло маленькое Серебряное Дерево, в форме пальмы. Тонкий ствол и длинные листья горели в лунном свете. Стражи и хозяин дома, сложив руки лодочкой, как индусы, низко поклонились Дереву. Длинные листья Серебряного Дерева затрепетали в ответ, а по стволу, к верхушке, побежали яркие блики белого огня. Несколько минут стояла глубокая тишина, наполненная нежным разговором родника. Родничок бил прямо из-под холмика – именно его голос слышал Дмитрий, еще возле дома Капитана.

– Ее зовут Раорира, – тихо сказал Капитан, обращаясь к Дмитрию и отцу Ивану.
– Ее? – переспросил Дмитрий.
– Ее, Серебряное Дерево, – пояснил Капитан. – Да, настоящее имя у нее длинное и труднопроизносимое, но для нас она согласилась быть Раорирой.
Серебряное Деревце едва заметно качнуло листьями в знак согласия.
– Это второй дар народа стражей, – продолжил Капитан. – Помните деревья на Холме? Прекрасные и высокоразумные создания, покров и защита народа стражей. Вот и это чудесное дитя, – Капитан показал рукой в сторону Дерева, – покров и защита этого места. В противном случае, нас бы давно уже обнаружили.
– Значимость этого дара еще в том, – вмешался Серебряный, – что не мы его дарим, а само Дерево приносит себя в дар, в жертву, ведь жить в вашем мире ему непросто. Берегите Ее, берегите свою Раориру.
– Истинно так, – подтвердил Капитан. – Только это не все, пойдете, я покажу вам последний дар.
– Прямо ночь сплошных чудес, – пробормотал отец Иван.
Гости двинулись за Капитаном дальше. Дошли до края сада. Здесь, возле забора, росло большое и старое дерево, давно высохшее. Капитан наклонился и стал шарить руками в дупле, почти у основания дерева. На его лице отразилось беспокойство.
–Что случилось? – тревожно спросили стражи.
–Этого не может быть, оно, оно куда-то пропало! Надо его найти! Может быть, я его переложил и не помню!
Капитан резко вскочил с места и тут же, схватившись руками за грудь, стал медленно оседать на землю.

Длинная серая тень скользнула по бетонной стене, нырнула в беспроглядную ночную черноту, под козырек служебного входа, и растворилась у заколоченной двери. Через мгновение в заброшенном детском садике возникло странное существо, похожее на огромную кошку с получеловеческим лицом и бородой.

Человеко-кошка опасливо огляделся. Никого. Только зыбко плывут мутные, едва различимые очертания забытых детских игрушек, шкафчиков с вывернутыми полочками, поломанных детских кроваток. На втором этаже тоже тихо. На втором этаже помещение краснокутовской церкви, которую лет девять-десять назад ограбил иеромонах Василий. Теперь церковь едва теплится. И это нового жильца вполне устраивает.

Ночной жилец бесшумно двинулся к противоположной стене. Прошел несколько пустых комнат, соединенных зияющими проемами, без дверей. Уперся в тонкое деревянное перекрытие, отделявшее закрытый садик от парадного входа с коридором и лестницей на второй этаж.

Подойдя к стене, как раз напротив лестницы, ночной жилец протянул свою кошачью лапу, из которой вдруг вылезли вполне человеческие пальцы. Существо по-кошачьи зашипело и что-то начертало в воздухе указательным пальцем. С тихим скрипом в стене обозначилась дверь, до этого совершенно невидимая. Человеко-кошка еще раз опасливо оглянулся и нырнул в открывшийся проем.

Ночной жилец проживал в уютной норе, в которой имелись кровать, столик, шкафчик, набитый ворованными безделушками, полочка со скудными запасами еды и даже неработающий телефон и несколько старинных церковно-служебных книг. Нора была прямо под лестницей в краснокутовскую церковь. Лучшего места не найти. Только вот с едой бывали перебои: в детском садике едой уже много лет не пахло, а в церковь приносили еду все реже и реже. Так что приходилось воровать по домам, а это небезопасно; мало того что можно схлопотать по шее, от своих же (свои здесь редкие сволочи), так еще и была возможность нарваться на пришельцев (их что-то слишком

много стало в последнее время в селе). Попасться пришельцам – значит угодить в рабство. А что это такое, он знал хорошо, сам полгода назад бежал из плена. Или его отпустили, чтобы он взял то, что взял... Ночной жилец зябко вздрогнул, боязливо огляделся. Тихо. Никого. Здесь, в своей норе, он в относительной безопасности, но это пока церковь действует. Пришельцы не любят заходить в такие места.

Ладно, сегодня не до еды, сегодня особенный день.

Он осторожно просунул лапу под левую подмышку. Там у него была едва заметная сумочка. Достал из сумочки что-то небольшое, аккуратно завернутое в тряпку, бережно положил на столик, развернул. В ярком лунном свете (свет луны будто бы просачивался в жилище сквозь стены) горел небольшой кристалл овальной формы.

Он положил на кристалл обе лапы, сладко зажмурился и сказал:

– Шиммаса не дурак, Шиммаса умный, Шимасса всех обманет, и пришельцев, и попа, Шиммаса тебя никому не отдаст. Нет, никому.

Ночной жилец стал водить по кристаллу лапами и вскоре уже мурлыкал от блаженства, покачиваясь как в трансе:

– Шимасса, Шимасса, Шимасса...

Живоглаз

Капитан еще не успел осесть на землю, как к нему на помощь кинулся Пестрый. Не добежав до Капитана, он провалился почти по пояс в какую-то яму.

– Что за напасть! – воскликнул Серебряный.

– Еще вчера здесь ничего не было, – сказал Пестрый, выбираясь из ямы.

Капитан уже сидел, прислонившись спиной к дереву и полуприкрыв глаза.

– Какой же я балбес, – корил он самого себя, – какой же я наивный балбес! Ну, надо же, нашел место, где кристалл прятать. Болван!

– Ладно-ладно, дорогой друг, – обратился Серебряный к Капитану, – не стоит себя так мучать, нам твоё здоровье дороже всех даров. – Серебряный снял свою шляпу, помахал ей в воздухе и сказал, пытаясь придать своему голосу прежнюю бодрость. – Пойдемте, чаек попьём, подумаем, как дальше быть.

Пестрый с Кленом аккуратно приподняли Капитана.

– Я, кажется, догадываюсь, кто это сделал, – сказал Клен, – и почему этот кто-то сумел обойти защитную завесу Раориры.

Отец Иван растерянно подошел к краю ямы:

– Тут целый подкоп.

– О, да, подкоп, – подхватил Серебряный, – а копать у нас мастера кто? Они, Серые. Вы помните Серых? – обратился Серебряный к Дмитрию и отцу Ивану.

– Серые, да, вспоминаю, – сказал Дмитрий, – котлован, домики, норы... один Серый был у Отшельника дома. Такая странная большая кошка с человеческим лицом...

– Вот-вот, – перебил Дмитрия Серебряный, – идемте, друзья, это и обсудим.

Капитан и его гости двинулись к дому, за стол. Капитан был еще слаб, его поддерживал за руку Пестрый. Шли в гробовой тишине – процессия чем-то напомнила Дмитрию траурную. Перемена настроения была разительной: еще несколько минут назад Капитан с восторгом демонстрировал дары стражей. И на тебе. Перемену настроения почувствовала и Раорира: длинные листья дерева обвисли, белые блики-огоньки на них погасли. Серебряный на какое-то время задержался у дерева, попросив друзей идти за стол.

– Так что все-таки пропало? – спросил отец Иван стражей и Капитана, после того как все, кроме Серебряного, вернулись под навес.

– Кристалл, – вздохнул Капитан, – третий дар.

– Чему быть, того не миновать, – философски заметил Пестрый. – Никто не мог знать, что кто-то сможет пройти защиту Раориры. Мы даже об этом не думали, представить такое не могли! Но раз так произошло, очевидно, что в этом есть определенный смысл, который откроется в будущем.

– Спасибо, друг Пестрый. Ты меня успокаиваешь. Само собой, все что ни делается, все к лучшему. Но все же многих вещей можно избежать, если быть осторожным.

– Если и была ошибка, – сказал Клен, – то только с нашей стороны, Капитан. Мы поторопились с третьим даром. Вот и все. Дар был преждевременен.

– Так что это за кристалл? Или тайна? – вновь спросил отец Иван.

– Живой кристалл, – ответил Пестрый. – Капитан его так и назвал «Живоглаз». Это кристалл, который может научить ваш народ общаться и видеть друг друга на любом расстоянии, путешествовать в другие миры, без всякой вашей техники. Так в свое время учился народ стражей.

– Общаться на расстоянии, летать в другие миры, – поморщился батюшка, – извините, но дешевой эзотерикой отдаст.

– Отдает, – согласился Капитан. – Но есть одно «но»: Живоглаз делится своей силой только по мере нравственного роста личности, по мере развития чистоты и ясности сознания. И никак иначе. А это уже далеко не дешевая эзотерика, которая обещает, что будешь, мол, летать в астрал, как к себе домой.

– Можно, конечно, заставить Живоглаз служить себе насильно, – добавил Клен. – Но для этого надо самому обладать очень сильным духом. Вряд ли такие есть среди человеков. А вот среди пришельцев – есть.

– Хорошо, – не сдавался отец Иван, – а как можно одним камнем облагодетельствовать все человечество?

– Живоглаз способен воспроизводить самого себя.

– Размножаться? – спросил Дмитрий.

– Нет. Воспроизводить... пожалуй, ближе всего это к делению... м-да... В этом кристалле столько загадок... Только где он теперь, – Капитан мучительно вздохнул, – в чьих руках, сколько бед это принесет?

– Живоглаз обладает собственным сознанием, – невозмутимо сказал Клен, – и со временем, в плохих руках, он заблокирует свои свойства. Только вот, сколько на это уйдет времени, у кристаллов очень медленная реакция.

Появился Серебряный.

– Отдыхаем, молодая поросль, – сказал он немного повеселевшим голосом, – ну что ж, новости не самые плохие. Да, кристалл в руках у Серого. И кристалл был им похищен, можно сказать, по подсказке пришельцев. Это плохо. А хорошо то, что этот бедняга, который, кстати, копал почти месяц со стороны кривого овражка; он теперь очень, очень не хочет кристалл кому-либо отдавать.

– Пока кристалл в руках Серого, это не страшно, – продолжил Серебряный. – Неподготовленному серому сознанию это ничего не даст, кроме, это, как его...

– Галлюцинаций, – подсказал Капитан.

– Да, галлюцинаций, не больше. Но вот если кристалл в руки темных попадет... о друзья, каждый наш шаг тогда будет им известен. Поэтому надо во что бы то ни стало этого Серого найти быстрее, чем его обнаружат пришельцы...

Теплые приятные волны бежали по гибкому худому телу Шимассы. Он смотрел на играющие в свете луны блики и грани кристалла и вспоминал свое детство. Прошло уже немало лет, и очень многое в памяти стерлось. Память стала особенно подводить его после Кургана, где он почти год провел в рабстве у пришельцев. Пришельцы пичкают

своих рабов «плесенью забвения». После нее обычны провалы в воспоминаниях. И вот волшебная сила кристалла воскрешает то, что он потерял в первую очередь – память детства.

Как будто бы все было только вчера, а не много лет назад: большой человеческий город – они жили на его окраине, возле прекрасного своей запущенностью пустыря, прямо под городской библиотекой. Да, папа знал, где обустраивать нору, папа предвидел – лишний ум тебе в будущем не помешает, – говорил папа и был как всегда прав. Мозги у Шимассы отменные, не раз его выручали. Вот что значит детство под библиотекой.

Шимасса вглядывался в играющие загадочными колдовскими огоньками грани кристалла. Перед его глазами вставали яркие картины из давно забытой жизни, каждая картинка несла в себе целый букет эмоций, также давно забытых. И все это давало такую полноту жизни, о которой он и не подозревал.

Вот папа где-то украл детский калейдоскоп. Трубка из толстого картона, как подозрительная труба, только вместо объектива цветные стеклышки. Он вспомнил ее так отчетливо, вспомнил даже, какой рисунок был на трубке. И как он целыми днями разглядывал загадочные колдовские узоры. И кристалл у них в норе был. По форме похож на этот, но меньших размеров. Его мамаша украла еще до его рождения. Впрочем, сравнивать нельзя; то была обычная стеклянная подделка, а здесь...

Шимасса оторвал глаза от играющих колдовских бликов и едва не закричал от ужаса – он был не один. На обрывке тонкой металлической трубы, что торчала из стены, сидел местный поп Борис и сурово смотрел на него. (Краснокутовский батюшка каким-то немыслимым образом разместился на крохотном кусочке тонкой трубы.) Шимасса быстро закрыл кристалл лапами.

– Отдай его мне, – сказал отец Борис монотонным замогильным голосом. Не меняя своего положения на трубе, он протянул в сторону Шимассы руку. Рука каким-то неестественным образом стала удлиняться, растягиваться, словно резиновая. Шимасса схватил кристалл и кинулся с ним к выходу из норы. Но перед тем как покинуть нору, он оглянулся – никакого отца Бориса на трубе не было.

Какое-то время Шимасса стоял, боясь пошевелиться и слушая, как бешено колотится сердце. Поп Борис больше не появлялся. Шимасса осторожно вернулся к столику. Еще немного посидел, держа завернутый в тряпку кристалл в лапе, чтобы сразу с ним бежать, если появится поп. Однако тот так и не появился.

Постепенно к нему вернулась способность думать. Включив свои «отменные библиотечные мозги», он сразу же понял, что с ним только что было. Он даже слово об этом знает, из умных человеческих книжек – галлюцинация. Конечно, это она, сколько он этих галлюцинаций в Кургане пережил. Обманные образы кажутся такими настоящими, даже говорящими и осязаемыми; однако стоит прекратить их воспринимать всерьез или просто поменять свое положение в пространстве (как он сейчас сделал), и обманные образы тают.

Все ясно, – заключил Шимасса, – Живоглаз (так тебя называют) испытывает меня на прочность. Мол, а достоин ли ты, Шимасса, хранить такую дорогую вещь? Одно ведь дело украсть, другое сохранить... Что ж, я докажу, что достоин, Шимасса теперь никого не будет бояться.

Он снова извлек Живоглаз, положил на него свои лапы и попытался войти в прежнее состояние. Увы, воспоминаний из детства больше не было. Вместо этого Шимасса обнаружил себя в пустом и пыльном коридоре, с высоким сводчатым потолком. Это был Коридор Забвения, он сразу его узнал. Так этот коридор называют пришельцы. Он и другие пленники Кургана много раз по нему бродили под воздействием плесени. И вот опять Шимасса в том же коридоре, опять он бесцельно бредет куда-то, и в голове гвоздем

сидит одна мысль: выхода нет, ибо выход отсюда один – смерть и полное забвение. Забвение...

Обычно Шимасса доходил по Коридору до определенного места – это был внезапно открывшийся ему какой-нибудь уютный закуток, застеленный тряпьем, – он зарывался в тряпье и сладко засыпал, чтобы опять проснуться в ненавистном Кургане.

Вот и в этот раз Шимасса дошел до такого закутка и собирался, было, лечь спать, как вдруг его пронзила необычно острая мысль: из коридора есть выход, а значит, есть выход и из Кургана. Надо только найти дверь. Только он подумал о двери, как увидел эту дверь в стене (как же он раньше ее не видел!), дверь была приоткрыта, яркий солнечный свет струился из-за неё, свет остро пах детством.

Шимасса ринулся к спасительной двери и вдруг почувствовал, как кто-то держит его за левое плечо. Он попытался освободиться, дернулся и обнаружил себя в своей норе. На его плече лежала холодная лягушачья лапа. Шимасса медленно повернулся, странное существо стояло за его спиной. У этого существа были перепончатые лягушачьи лапы, длинные тонкие ноги, короткое туловище с большой головой и огромная беззубая пасть.

– Отдай мне Живоглаз, – прошамкало чудовищное существо.

В первое мгновение Шимасса не на шутку испугался. Но потом страх как рукой сняло: тут, видимо, Живоглаз стал ему помогать, Шимасса не узнавал самого себя.

– Ты призрак, ты мой собственный страх, брысь! – зашипел он и плюнул на чудище. И чудище исчезло. А он, забыв всякую осторожность, дерзко захохотал: – Нет, никому я тебя не отдам, – сказал он кристаллу, – ты мой, мой!

Шимасса закрыл глаза и крепко прижал Живоглаз к груди. Под его ногами качнулся пол. Он полетел, но не вниз, как бывало под плесенью, а вверх, сквозь потолок своей норы, сквозь крышу, выше и выше, прямо к далеким мерцающим звездам.

Шимасса был свободен.

Восход Антареса

Вдоволь накупавшись, я выбрался на берег. Гроза давно ушла на запад, слышался только ее отдаленный гул. На той стороне лимана, очень далеко, что-то горело, и сильно горело. Западный горизонт был словно окрашен кровью. Красноватые блики мешались с отдаленными беловатыми вспышками молний.

Заметно похолодало. Поеживаясь, я осторожно двинулся по тропинке обратно. Под ногами хлюпала дождевая вода; она казалась ледяной. Ноги то и дело скользили по грязи и стеблям поваленного ветром камыша. Шагов через двадцать, наткнулся на вывороченное ураганом дерево. Дерево упало прямо на тропинку, по которой я так весело бежал сюда. Пробираясь через мокрые ветви, я внезапно ощутил острый приступ жалости к погибшему дереву – неприятная щемящая тоска разлилась внутри меня, словно вместе с деревом погибла часть моей души. Перебравшись через упавшую маслину, я ускорил шаг. Захотелось как можно быстрее отсюда уйти.

На той стороне лимана горело все сильнее и сильнее. Беловатые вспышки молний пропали, теперь вся западная часть неба была залита ровным кровавым цветом. Мысли о конце света лезли в голову сами собой – на какое-то мгновение мне показалось, что это не пожар, это восход зловещего апокалиптического светила, новой звезды, красного сверхгиганта, уже сожравшего солнце и готового пожрать мир.

Добравшись до своих вещей (слава Богу, мое дерево устояло под напором стихии), я торопливо оделся и двинулся к далеким огням города. По Косе словно стреляли крупной картечью. Тропинка была завалена оборванными ветками деревьев, сломанным камышом. Ноги натыкались на неразличимый в темноте мусор... Нет, теперь мне было не до

Белодрева и даже не до Капитана с Отшельником. Теперь я хотел как можно быстрее покинуть Косу.

Меньше чем через час я достиг «спального» микрорайона. К тому времени небо успело полностью очиститься от облаков. Появилась луна, зажглись тусклые предутренние звезды. Я вытащил мобильник, глянул на часы. Было полпятого. Ждать первого транспорта совсем недолго.

В городе таких разрушений, как на Косе, не было. Да, повалило несколько рекламных щитов у торгового центра, раскидало мусор из баков. Ливень оставил после себя огромные черные лужи, в которых тускло отражалась луна и плавали бумажки, пластиковые бутылки и прочий мусор. Все остальное осталось прежним.

В ожидании маршрутки я смутно размышлял о чудовищной мощи Стихий Природы:

Мы не одни на планете, более того, мы далеко не главные тут. Есть силы гораздо мощнее нас, и эти силы нас точно когда-нибудь сметут со всеми нашими армиями, научными технологиями и мусором.... Впрочем, почему обязательно сметут? Это страх, банальный человеческий страх, который так любит эксплуатировать Голливуд, страх перед неизбежным изменением мира, страх пред неизвестностью. Нас научили видеть в Стихиях Земли: в великом Океане, воздухе, полях и лесах – только бездушную демоническую стихию. По вере нашей да будет нам. Как мы относимся к окружающим нас силам Земли, так и они к нам. Только они сильнее нас. – Я с тоской посмотрел на плавающий в луже мусор, – не может быть, чтобы мы были им безразличны. Никогда не поверю! Не может быть, чтобы среди них не было тех, кто любит нас и стремится к союзу с нами. Вот как мои стражи с их идеей союза.

Тут же вспомнился Отшельник, вспомнился приснившийся Белодрев. И главное, вспомнилось начало нового Капитана. Я вынул записную книжку и в тусклом свете уличного фонаря набросал несколько сцен увиденных перед самой грозой... Ну вот, теперь я был совершенно спокоен.

Пробудился в середине дня с тяжелой головой, еще сказывалось похмелье. После холодного душа и крепкого зеленого чая сел к компьютеру. В голове потихоньку прояснялось. Я занялся привычным просмотром новостей. Никогда не смотрю местные новости, но тут решил начать именно с них.

Новостные сайты пестрели сообщениями о последствиях вчерашнего урагана: это-то меня и интересовало. Город подсчитывал убытки. Хорошо, обошлось без человеческих жертв. Около семи человек обратились за медицинской помощью, они получили легкие травмы. Один случай тяжелый – мужчину средних лет придавило упавшим деревом. С переломами и сильным сотрясением мозга он доставлен в больницу. Врачи говорят – будет жить.

Сообщалось и о крупном пожаре на складах возле села Борениха. Склады были со стройматериалами. Сгорело все подчистую. Пожарные, которые добрались до места, когда тушить уже было особенно нечего, предположили, что склады загорелись из-за попадания молнии. Что ж, «смелая версия». После того что вчера творилось, звучит правдоподобно. Дальше шло разглагольствование насчет халатности начальства складов, пренебрежения банальными нормами противопожарной безопасности.

Я быстро открыл спутниковую карту: так и есть, Борениха почти напротив того места, где я был ночью, на другом берегу лимана. Значит, горели склады... Почему-то последняя мысль принесла мне некоторое успокоение. Стал просматривать сообщения дальше. Где-то оборвало линии электропередач, несколько населенных пунктов обесточено. Больше всего пострадал небольшой районный город на северо-западе области. По нему прошел смерч – редкое у нас явление, а такой силы впервые за всю, как говорят, историю

наблюдений. И произошла на Небе война, – вспомнились мне строчки Апокалипсиса, – да, Великие Стихии волнуются. Природная аномалия бушевала не более пяти минут, но дел наделала много: выбитые стекла, сорванные крыши, поваленные деревья и, что больше всего меня удивило, поваленные бетонные столбы. Это же какая сила! Какая сила!

Заквакал «скайп». На линии – мой старый приятель Максим. «Привет», – отбил я ему на клавиатуре, и в который раз подумал: когда уже, наконец, приобрету микрофон и камеру? Наверное, никогда. «Как ты там, не смыло; как посидели у Индуиста?» – спрашивает меня Максим.

Стоит ли сообщать ему о том, где я провел ночь? Максим прекрасный военный историк, тут ничего не скажешь. Когда-то он вел даже на нашем местном телеканале военно-историческую передачу. Максим замечательный собеседник, свой человек; и все же у нас немного разные с ним интересы. Меня интересует мистика (в хорошем смысле слова), Космос, метаистория и тому подобное. Максима привлекает, как он сам выражается, «исторический стук пулемета», то есть, бесконечные человеческие войны и конфликты, к которым у меня либо равнодушие, либо омерзение. Немного объединяет тема Космоса, чуть-чуть политика... И все же мы прекрасно общаемся; есть что-то родственное между нами, что-то необъяснимое словами.

От Максима новое сообщение на тему вчерашнего урагана. Пишет, что у них повыбивало стекла в подъезде, у соседа с пристройки на первом этаже посрывало весь шифер, на рынке перевернуло несколько киосков.

Удивительно, когда все произошло? А я ведь попал под ураган на открытом месте. И даже не успел испугаться. Просто ничего не понял. Да, были порывы ветра, но не такие, чтобы подхватило тебя и унесло; был ливень, были молнии, красивые молнии. Хорошо помню огромные пузыри на воде и бурный восторг, внезапно охвативший меня. Откуда этот восторг взялся?! Я по природе совсем не герой, скорее трусоват. А может, так душа ощутила близкое присутствие детей грозы и урагана? Их дыхание для кого-то, может быть, и смертельно. Но, видимо, не для меня. Не зря я вчера к Отшельнику обращался.

Господи, что за бред, – я сжал пальцами виски. – С Отшельником он общался. Нет, такое Максиму сообщать нельзя. Он ведь что подумает – напился, вместо того чтобы ехать домой, зачем-то глупо пошел на Косу, на Косе добавил, ну и дальше нечто вроде алкогольного бреда под ураган...

О, вот и Хоббит в Сети появился. Сразу кинул мне ссылку. Хоббит – человеческое имя у него Сергей – парень очень интересный. Во-первых, почему Хоббит? а потому, что все тащит в свою двухкомнатную норку, ну, всякие там железки, радиодетали, микросхемы. Все чего-то мастерит, оно ломается, но он все равно мастерит, мастерит с упорством гнома (гномье упорство, это у него от папы, так Максим считает).

Во-вторых, квартира Сергея – это самая натуральная нора, причем нора интеллигентного хоббита. Не мешки с крупой в ней хранятся, а вся наша недавняя советская эпоха, канувшая в пучину. Только у Хоббита я могу полистать пожелтевшую газету «Правда» с портретом Гагарина на первой странице и сообщением о первом полете человека в Космос. Или послушать Шаляпина на вполне сносной грампластинке.

В-третьих, внутри самого Хоббита легко уживаются самые разные противоположности, например: чувство собственности (все в норку, в норку!) легко сочетается с таким же обостренным чувством социальной справедливости. Вот еще пример: постоянная беготня по религиозным организациям и сектам и постоянная критика этих же организаций и сект. Главный упрек Хоббита всем религиям земли – это отсутствие у них жажды социального переустройства мира. Что ж, здесь я почти с ним согласен. Спорим мы обычно о деталях – мне не нравится огульная критика, критика без разбора. Вот сейчас Сергей громит православную церковь: мол, сплошная мамона, слияние с олигархической властью,

показные молебны, колоссальная оторванность церковной верхушки от народа, ненависть к инакомыслию и т.д.

Да-да-да, где-то оно так... и все же, не так это просто. Церковь – живой многомерный организм, со своими болезнями. Нельзя всех под одну гребенку... Вот вчера опять спорили на эту тему. Хоббит читал с ноутбука Индуиста о каком-то попе, что не верит в Христа, но прекрасно служит. То есть, он не то что в Бога совсем не верит, он не верит в то, что Христос – Бог и Второе Лицо Троицы. При этом нормально служит – красивый голос, все возгласения во время службы, все как положено. Никакого внутреннего дискомфорта, верней, вначале был, теперь прошел.

Пока он это вчера читал, у меня четкий такой образ перед глазами стоял: коротко стриженный, ежиком, со щетиной вместо бороды батюшка стоит в алтаре и тихонько, про себя, иронично так посмеивается над бабками... Вот и сейчас этот образ пред глазами возник. Кстати, что там Хоббит по ссылке прислал, не статью ли про того попа?

Открываю ссылку. Нет, тема вчерашнего урагана. Сняли и выложили на «ютубе». Снято, видимо, с мобильного телефона. Смутный контур решетки на переднем плане, танцующие в объятиях ураганного ветра деревья, словно зыбкие колышущиеся тени, вспышки молний, и что-то красное периодически наползающее на экран и пропадающее. То что наползало на экран, было вначале похоже на зарево пожара (я еще подумал, видео снято в Боренихе, возле горящих складов), но потом оно превратилось в огромный багрово-красный шар, который медленно поплыл через экран и пропал. Шар напомнил мне восход Антарес над одной из планет этой звезды (рисунок, виденный мной на каком-то космическом сайте).

Красный шар появился вновь. Я решил рассмотреть его как можно лучше и вдруг поймал себя на нелепой мысли: интересно, как бы смотрелся неверующий во Христа священник на фоне восходящей звезды Антарес. Я взгляделся в плывущий по экрану багровый шар, шар доплыл почти до края экрана и внезапно пропал. Вместе с ним пропало все, осталась только черная пустота монитора.

Сновидящий

Отец Борис покинул пределы села и теперь стремительно двигался над какой-то лесополосой, наслаждаясь свободным полетом. И вдруг ему вспомнилась главная цель путешествия – он же хотел получше изучить эту тварь!

С тварью он столкнулся совершенно случайно, во время прошлого путешествия. Прямо в собственной церкви. Что-то гибкое, похожее на очень большую кошку, метнулось тогда на него из алтаря, он не на шутку испугался. Но тварь испугалась гораздо больше его. Она отчаянно заметалась по церкви, пока не провалилась под пол. Отец Борис последовал за ней. И оказался в небольшой комнатке, кажется, это была подклеть под лестницей в церковь.

Интерьер комнатки просматривался очень смутно, все сливалось в серой пелене. Отец Борис долго тер свои ладони, пристально всматривался в окружающие его предметы; зрение немного обострилось, он с трудом разглядел нечто похожее на столик и топчан. Наконец, увидел саму тварь. Она притаилась у противоположной стены, за топчаном.

– Киса, иди сюда, – сказал отец Борис как можно более мягким голосом, – кс, кс, кс...

«Киса» в ответ зашипела и кинулась прямо сквозь стену прочь. Как оказалось, у твари была потаенная дверь...

Отец Борис остановился и попытался восстановить в памяти комнату, из которой тогда ускользнуло это существо. Это удалось ему без труда (на память он никогда не жаловался), он вспомнил все, вплоть до мельчайших подробностей. А потом дал себе

мысленную команду. И тут же почувствовал, как стремительно перемещается в пространстве.

Через несколько секунд он оказался в подклети. Тварь была на месте и, что странно, никак на него не реагировала. Она сидела на стульчике (совсем как человек) и покачивалась, словно в трансе. Лапы у существа лежали на столике, и в этих лапах что-то ослепительно блестело.

Это был сияющий камень, многогранный кристалл. Грани кристалла переливались и манили едва выносимым для глаз сиянием, притягивали запредельной тайной и глубиной – в это сияние, в эту небесную глубину было невозможно не влюбиться. Отец Борис забыл обо всем, он, не отрываясь, смотрел на чудесный камень. Смотрел, зная (хотя и не мог понять откуда), что это за камень!

Нет, это не простой камень, с помощью этого камушка можно такие дела вершить, путешествовать по таким непредставимым мирам; можно творить такое, что его фаза по сравнению с возможностями этого кристалла – детский лепет. Да это же!.. И камень, конечно же, этой «киске» не принадлежит. Камень краденый.

Отец Борис и сам не понял, когда успел переместиться к стене напротив сидящей твари. Еще и примостился на торчащей из стены трубе. Дальше все произошло стремительно: существо открыло глаза и увидело его. А он выкинул вперед руку (совершенно не обдумывая свои действия) и грозным голосом потребовал отдать ему кристалл. Рука при этом как-то неестественно стала удлиняться, однако это его совсем не беспокоило. Тварь вскочила и дико завизжала. Это был невыносимый визг! Этим визгом отца Бориса сбilo с трубы, закрутило, и через мгновение он очнулся в собственной постели... Он лежал с открытыми глазами, на правом боку. Надо бы снова попытаться по горячим следам войти в «фазу»² и достать эту тварь... точнее, то что у нее было в лапах – камень, кристалл! Надо, но на него внезапно навалилось ватное бессилие и даже какой-то безотчетный страх. Нет, ему явно было не по себе.

Отец Борис закрыл глаза и сразу же перед ним заиграли грани этого проклятого камня. Он хотел его. И одновременно этот непонятный страх, как предупреждение, что ли. Чем больше он желал камень, тем сильнее на него из ночной тьмы надвигался страх. Он резко открыл глаза. Какое-то мгновение на него смотрело нечто – оно было похоже на черную оскаленную африканскую маску (такие маски коллекционировал на его прежнем приходе один из прихожан). Мираж растаял.

Отец Борис несколько раз глубоко вздохнул и даже перекрестился. Неужели я угодил на крючок к темной силе, – с тоской подумал он, – вот так вот банально и просто. Заигрался. И мои собратья, батюшки-ортодоксы, правы. Получается, правы! Нельзя туда лезть, нельзя. Ничего нельзя. Путь закрыт. Воздух во власти духов злобы поднебесной, да и в космос они же не пускают нас. На луну, хе-хе, и то не пустили. И, конечно же, все эзотерические практики от сатаны. Ничего нельзя. Остается безмерное терпение и смирение – изо дня в день однообразное служение, требы, бабки, глушь. Изо дня в день, изо дня в день одно и то же, одно и то же. Замкнутый круг!.. Ничего-ничего, разберемся. С чего все началось, где может быть ошибка или, наоборот, знак судьбы?

Отец Борис занялся уже привычным просмотром своей жизни. К тому же это занятие сейчас и успокаивало. Он листал свою память как книгу. Каждая глава – целая эпоха, безвозвратно канувшая в пучину, словно сновидение, словно одна из прожитых жизней. И в то же время – это все он, сновидящий отец Борис, сосланный епископом в эту дыру.

² Фаза (практика фазы) – данный термин введен Михаилом Радугой, он же автор серии книг по фазе. Фаза объединяет в себе внетелесные путешествия, осознанные сновидения и астральные проекции. Суть фазы в том, что человек при полном осознании понимает, что находится вне своего физического тела; он помнит о своем физическом теле, но никак его не чувствует.

Он листал книгу своей жизни: студент авиационного института, инженер на советском авиаремонтном заводе, примерный семьянин. Еще немного – и на дворе горбачевская перестройка, смутные надежды и ожидания. А потом случилось знакомство с книгами Блаватской и Штейнера, после этого у него началась другая жизнь и совсем другая глава книги. Вот короткие страницы духовного поиска: «ивановцы», «рериховцы», Шри Чинмой, Шри Ауробиндо, Ошо, Кришнамурти; наконец, долгая пристань – Карлос Кастанеда, осознанные сновидения, неповторимый вкус свободы. И горечь поражения.

Следующая глава: церковь, священство, жажда миссионерства. Увы, миссионерство оказалось иллюзией, даже вредной, никому в епархии ненужной ересью. Жажда миссионерства вылилась в книжный бизнес... Бизнес. Вот откуда идет роковая полоса, приведшая его сюда, в аномальную, кстати, зону. Да, но какой ценой... Книги поначалу не приносили большого дохода, а вот когда полноценная церковная торговля пошла, тогда и пошли деньги и все, что с ними связано, – зависть, ненависть, трения с епископом. А потом, почти восемь лет назад, ночью, он потерял в автокатастрофе всю свою семью.

Полгода ходил как мертвый. Но эти полгода стали его первой, по-настоящему серьезной переоценкой всего, во что он верил. Сюжет его книги жизни как будто совершил спиральный виток – он снова вернулся к своей сновидческой практике, только теперь делал все осторожно, это стало частью его ночной, тщательно скрываемой от всех жизни. Он реанимировал свой бизнес. И вот здесь как раз потерял всякую осторожность, даже шел на риск намеренно. В итоге, окончательный разлад с епископом, и вот он в Красном Куту, уже почти год...

Отец Борис занялся просмотром книги жизни в обратном направлении и незаметно задремал. Ему снился самый обыкновенный сон, в котором он был студентом авиационного института, и на дворе была брежневская эпоха, и они пили в общаге вино, и кто-то из его собутыльников рассказывал ему о каком-то Живоглазе...

Дымчатое тело

Шимасса почти достал рукой до звезд, почти дотянулся. И вдруг звезды пропали, все заволокло бесцветной, беспредметной мглой. Он услышал свое имя, произнесенное с длинным змеиным шипением. И тут же стал стремительно падать в самую гущу мглы. Бледные лиловые огоньки носились вокруг него, падая вместе с ним. Огоньки противно свистели, сквозь свист отчетливо пробивались слова: «Шимасса вор, Шимасса вор, вор и раб...» Вот и конец, – обреченно подумал Шимасса.

Очнулся он у себя в подклети, под топчаном. Живоглаз был с ним, он сжимал его в лапах. Долго Шимасса лежал, боясь пошевелиться, соображая, чтобы все это значило, почему он не в Кургане, почему пришельцы его отпустили. Волшебный кристалл, Живоглаз, – догадался он, – им нужен кристалл, а не бедный Шимасса. А кристалл оставался здесь. Ведь он летал к звездам в своем дымчатом теле. Дымчатое тело... Благодаря кристаллу он нашел свое дымчатое тело! Вот это да! Мало кто из его народа может подобным похвастаться. Да почти уже никто! А когда-то многие умели пользоваться дымчатым телом.

Шимасса вздохнул: гордись, не гордись собой, а положение у него отчаянное, непонятное. Если пришельцам нужен кристалл, то что им мешает войти в нору и взять у бедного Шимассы его сокровище? Он вспомнил: пришельцы не любят попов. Эту странную весть поведал ему еще дедушка. То есть, не любят даже не столько самих попов, сколько эти здания, в которых попы дымят своими штуками и бубнят заклинания.

Вот почему его народ, те немногие, кто не стал рабами у пришельцев, стараются селиться рядом с такими местами. Так сделал и Шимасса, когда бежал из Кургана.

Пришел сюда, место оказалось незанятым. Он даже не удивился, он знал, что местные здесь давно у пришельцев в рабах. Безмозглые создания.

Шимасса свернулся клубком вокруг кристалла, зевнул. Чувство острой опасности после пережитого им ужаса почти прошло, навалилась усталость, апатия.

Как жестока судьба к его народу, – отстраненно размышлял Шимасса. – Они вынуждены селиться рядом с теми, кто убил их былое величие. Да-да, именно попы с их религией вышвырнули его народ на задворки! Люди перестали их чтить как хранителей очага. Они вынуждены были голодать и скитаться. Им пришлось научиться воровать. Они стали легкой добычей темных сил. Они даже забыли собственное название, они стали Серыми. Боязливые и всюду гонимые, бесцветные создания, несчастный народ. Шимасса едва не заголосил: бедные мы, несчастные, уа-а! уа-а! Несчастные мы-ы-ы! Уа-а!.. Вовремя опомнился – он опять не о том! Нужно думать, что делать? Положение хуже некуда. Собственная нора теперь ему тюрьма. Пришельцы будут караулить днем и ночью. Они не едят, не спят. Рано или поздно они своего добьются.

Может, не мучиться, может, отдать Живоглаз пришельцам?.. Нет, никогда. Никогда! Шимасса ненавидит пришельцев! Он уже научен горьким опытом – кристалл заберут, а его в рабство, в самую глубину Кургана, откуда никто и никогда не сбежал.

Шимасса еще раз зевнул, он чувствовал, что неудержимо засыпает. Вязкая усталость стремительно наваливалась на него. Как же он устал в эту ночь. Очень устал. Он не может связно думать. Но ничего. Время еще есть. Он немного поспит, а потом что-нибудь придумает.

Засыпая, Шимасса вспомнил про местного попа. Поп был сейчас даже опаснее, чем пришельцы, ведь он мог явиться в любой момент. Шимасса дернул лапами от страха. Но пробудиться уже не смог. Сон окончательно овладел им, очень плохой сон! В этом сне к нему явился местный поп. Он схватил его за горло и прижал к полу своей огромной лапой. Другой лапой он шарил возле Шимассы, искал Живоглаз. Шимасса задыхался, хрипел, отчаянно вырывался, пока не провалился в забытье.

Народ Лэйи

Птицы напоминали стремительно летящие языки огня в темно-синем утреннем небе. И все же это были птицы, самые обычные птицы; с причудливыми кисточками на головах и длинными роскошными хвостами.

Немного не долетев до Брам, стая огненных птиц стала круто разворачиваться. Птицы курлыкали, как журавли, только гораздо красивее, мелодичней. Дмитрий понял, что так птицы приветствуют их. И точно: стражи и Капитан стали махать в ответ руками, а Серебряный с Кленом еще и прокурлыкали, точь-в-точь как огненные птицы.

В этот миг Дмитрий почувствовал, как внутри него что-то сместилось. На какое-то мгновение он увидел себя в стае огненных птиц, он стал огненной птицей. Ему казалось, что он внутри беспредельного светящегося шара. И этот шар – все мироздание, которое он видел одновременно, как бы из множества точек. Он видел Брам и стоящие возле нее фигурки, Холм, небо, гаснущие утренние звезды. Он видел за пределами далекие, как бы скрытые за слоями тумана Хрустальные Горы Другого Берега. Именно туда стремилась его огненная душа.

Райское наваждение прошло. Дмитрий снова стал самим собой. А огненные птицы стремительно растворились в юго-восточном направлении.

– Хороший знак, – повторил Серебряный, – знак Другого Берега.

Дмитрий с изумлением смотрел на Серебряного – прежний «фермерский облик» стража вместе с соломенной шляпой растаял без следа. Перед Дмитрием сияла высокая

серебристая фигура, хорошо знакомая ему по прошлому путешествию. Рядом с Серебряным стоял Клен, облик его не изменился, разве что зеленый плащ приобрел изумрудный оттенок.

Но самым удивительным было то, что и на Капитане, и на отце Иване, и на нем самом были длинные плащи, светло-серого цвета. Цвет плащей не то струился, не то светился – Дмитрий так и не смог подобрать подходящие слова к тому, что видел. Дмитрий потрогал руками свой плащ. Ничего необычного, только приятная на ощупь материя, мягкая и очень эластичная. Он посмотрел на Капитана, Капитан все еще стоял, сложив молитвенно руки на груди. Дмитрий заметил, что лицо Капитана помолодело, кожа лба натянулась, разгладилась морщинка, ушла болезненность. А вот на лице отца Ивана было детское изумление, даже некоторый испуг. Широко открыв глаза, молча и ни на кого не глядя, он ощупывал руками свою новую одежду.

– Пора, – тихо сказал Клен.

Они спустились в низину и подошли к лесу. На этот раз тропинку отыскивали без труда. Тропинка бежала мимо величественных и стройных тополей, буков, кленов, грабов – деревья внимательно и дружелюбно наблюдали за путешественниками. Дмитрию все время казалось, что еще чуть-чуть и деревья заговорят с ними или сойдут с места в священном танце. Верхушки самых рослых тополей уже горели, пронзенные первыми солнечными стрелами. От древесных стволов исходило мягкое теплое зеленое пламя. А у подножий еще клубился, свиваясь кольцами, ночной голубовато-лунный туман. И непередаваемый запах...

– Лес стал еще чище и лучше, – тихо сказал Дмитрий и поразился, как и в прошлый раз, собственному голосу, как бы многократно повторенному деревьями

– Лес остался прежним, дорогой Дима, – ответил Капитан, – просто твое восприятие стало более четким.

– А плащи на нас, тоже восприятие? – поинтересовался отец Иван.

– Скорее, батюшка, плащи знак того, что наше восприятие этого мира стало лучше.

– Как все мудрено, – проворчал отец Иван, – понимаю Василия, решившего стать гномом.

Лес кончился. Друзья пересекали луг, весь заросший большими и дивными цветами. Над цветами плавно кружились огоньки – синие, желтые, фиолетовые. Огоньков было бесчисленное множество. Дмитрий остановился.

– Что это? – спросил он идущего позади Капитана.

– Ага, ты и это теперь видишь! – обрадовался Капитан.

– Да, а что здесь такого?

– Дело в том, что это не совсем светлячки, как ты, наверное, подумал. Это целый народ, очень хороший, но увидеть его непросто. Я сам не так давно их заметил, хотя ходил по лугу много раз. Рад за тебя, Дмитрий, ты делаешь успехи... Хочешь поближе с огоньками познакомиться?

– Так это не просто огоньки... И какое у этого народа имя?

– Это народ Лэйи, – ответил Капитан, – Ну, пошли знакомиться.

Дмитрий и Капитан сошли с тропинки, осторожно приблизились к огромным цветам. Стражи с отцом Иваном остановились. Стражи улыбались, отец Иван глядел немного рассеяно. В отличие от Дмитрия, он огоньков почти не видел и не придавал им никакого значения, приняв за случайные блики. Отец Иван был не здесь – он думал о Золотом Веретене, похищенном Живоглазе, о событиях последней ночи. Он пытался понять: дары стражей – это всерьез, это не растает словно сон, как только они вернутся к своей обычной жизни?

Капитан и Дмитрий присели возле одного из цветков. Цветок был густого фиолетового цвета и чем-то напоминал гвоздику, только размерами крупнее. Огоньки теперь

кружились совсем рядом, однако понять было ничего нельзя: как раз вблизи огоньки напоминали призрачные блики.

– Не смотри на огоньки, смотри на цветок, это их мир, – услышал он голос Капитана, – постарайся ни о чем не думать, только смотри.

Дмитрий смотрел на цветок. Долгое время ничего не происходило, пока цветок не стал стремительно увеличиваться в размерах. Вскоре во Вселенной не осталось никого, кроме цветка и Дмитрия. В самой сердцевине цветка открылась дорога, выложенная фиолетовым камнем. Дмитрий не задумываясь пошел по ней.

Дорога плавно опускалась, потом поднималась, потом проходила мимо причудливых скалистых выступов, похожих на огромные бледно-фиолетовые лепестки, и упиралась в невероятное нагромождение цветочных башен, разноцветных куполов, полупрозрачных зданий, напоминающих то многогранные кристаллы с овальными боками, то пчелиные соты.

Все это многоцветное великолепие было окружено высокой ярко-зеленой оградой. Дорога бежала прямо к ограде, проходила под аркой, отсюда еле различимой. Дмитрий, наконец, понял, что перед ним город – самый странный город, что когда-либо ему доводилось видеть. И тут же в глазах у него зарябило от множества вспышек. Он зажмурился. Вокруг него, с немыслимой скоростью, носились те самые «огоньки» над цветами, или народ Лэйи – теперь они выглядели как огромные коконы, шары света.

Все продолжалось какие-то секунды. Яркие, режущие зрение блики погасли. Дмитрий открыл глаза. Перед ним стоял народ Лэйи – огромная, пестрая толпа почти человеческих существ с неестественно тонкой талией, тонкими и длинным конечностями, прозрачными стрекозиными крыльями за спиной. Больше всего они напоминали сказочных фей или эльфов из немецких сказаний (какими их рисовали в старых голливудских мультфильмах).

Один из народа Лэйи выдвинулся вперед; он кутался в плащ густого фиолетового цвета и был выше своих собратьев. На голове у него сияла золотом самая настоящая корона, как у сказочного принца. Дмитрий не поверил своим глазам, вначале принял ее за ауру, пригляделся – нет, не аура, самая настоящая корона!

Принц, – подумал Дмитрий, – да, конечно же, Принц.

Фиолетовый Принц улыбнулся Дмитрию и поклонился. Вслед за ним поклонился стоящий за ним народ Лэйи.

Принц что-то сказал. Его речь напоминала мелодичное звучание колокольчика и легкий шелест ветра, но Дмитрий не мог понять ничего. Принц виновато развел руками. Через какую-то секунду в его руках появился большой цветок подсолнуха, только там, где должны быть семечки, было зеркало. Принц посмотрел в зеркало, лицо его нахмурилось. Он жестом подозвал Дмитрия. Дмитрий подошел и тут только заметил, что глаза у Принца фасеточные, как у насекомого. По форме глаза были почти человеческие (только больше размером) – и в тоже время это были глаза насекомого, пусть очень мудрого и высокоорганизованного. Принц смотрел на Дмитрия – и сотни дмитриев отражались в его глазах. Зрелище было настолько завораживающим, что Дмитрий забыл, зачем его позвали. Тогда Принц что-то сказал тихим шелестящим голосом и повернул к нему зеркало-подсолнух.

В зеркале появились огненные птицы, затем Дмитрий увидел самого себя, сидящего перед цветами, рядом был Капитан, поодаль стояли стражи с отцом Иваном. Поверхность зеркала подернулась рябью, появилась новая картинка: блеснула гладь реки, опять Дмитрий увидел себя и своих друзей, они сидели у реки под деревом и что-то обсуждали.

Показался Холм (кажется, это был северный склон, по которому они девять лет назад поднимались). Внезапно на картинку нашла тьма. Дмитрий увидел темный провал в земле. Из провала веяло смертельной тоской вперемешку с ужасом.

Кромешную тьму разрезало лицо молодой женщины – узкий овал, длинные темно-русые волосы, большие темные глаза, длинные и чуть полноватые губы, прямой, немного мясистый нос (как у Капитана – подумал Дмитрий). Женщина что-то беззвучно говорила, губы ее улыбались, тьма постепенно таяла. Страх и тоска уходили.

Показался кусочек голубого неба – ломаная линия в недостижимой высоте. Но вот небо стало приближаться – ближе, ближе... Небо заполнило собой все...

Принц убрал зеркало-подсолнух и вновь обратился к Дмитрию. Вместе с Принцем зашелестел, зазвенел тихими мелодичными голосами весь народ Лэйи. Видимо, они хотели сообщить ему нечто важное.

Дмитрий так ничего и не понял, только почувствовал, как его куда-то неудержимо тянет. Мгновение – и все пропало. Дмитрий очнулся, он по-прежнему сидел у цветка. Но никаких огоньков уже не было.

– Ну, что? – спросил Капитан.

– Как в сказке побывал, – ответил Дмитрий.

– Дима, ты опять там что-то увидел? – спросил очнувшийся от своих дум отец Иван.

– А ты разве не видел огоньки над цветами?

– Нет, – честно ответил отец Иван, – наверное, не обратил внимания.

Странно, почему Дмитрий видит, а я нет, – подумал отец Иван. – Нет, я не против, я рад за друга, но почему он видит, а я нет? Неужели это потому, что я сам же отрекся от этого мира, объявив его сном и галлюцинацией?

Последняя мысль неприятно кольнула – все в руках Божьих, все мы на что-то сгодимся. И я сгожусь, раз я тут, – упрекнул себя батюшка и подумал о смирении.

– Дима, дорогой, так ты все-таки видел этот народ, они тебе что-то говорили или показывали? – спросил Серебряный.

Дмитрий кивнул головой.

– И говорили, и показывали. Что говорили, не понял ничего. А вот показывали... тут в двух словах не объяснишь.

– Идемте, – сказал Серебряный, – осталось немного. Возле речки сделаем небольшой привал. Там Дмитрий нам все и расскажет.

Друзья тронулись в путь. Местность продолжала понижаться, вот уже показались ряды плакучих ив, за ними река. Холм теперь был совсем рядом, он надвинулся на путешественников как гигантская волна, заслонил всю восточную часть неба. Еще немного – и они вошли под сень ив, и через длинный коридор попали в нерукотворный лесной храм. Блеснула долгожданная гладь реки. Река радостно приветствовала их нежным голубоватым туманом, ласковым говором и свежестью воды. Река стала совсем мелкой, – отметил про себя Дмитрий.

– Чуть не умерла этим жарким летом, – сказал Клен. – Спасла реку Игуменья. Вы помните Игуменью? – обратился Клен к Дмитрию и отцу Ивану.

– Теперь помним, – ответил Дмитрий.

Друзья умылись в реке и, кутаясь в плащи, поднялись в лесной храм. Сели на земляные ступеньки алтаря. Дмитрий рассказал о своем общении с народом Лэйи.

– Ну, и что все это значит? – спросил отец Иван после затянувшегося молчания. – Это предсказание будущего?

– Лэйи удивительный народ, – сказал Капитан, – да, они умеют предсказывать, но делают это не очень охотно. Ты им, видимо, понравился.

– А тот, кто с тобой говорил: ты его совершенно верно Принцем назвал. Он и есть Принц, это у него и имя, и титул. Фактически он сейчас правит народом. Его отец, – Клен возвел глаза к небесам, – почти отошел от дел. Теперь большую часть времени он проводит в космических путешествиях. А может, уже отправился в свое последнее путешествие. На Вегу.

– Они, что, еще и в космос летают?! – оживился отец Иван.
– Да, представьте себе, – ответил Клен, – летают. Без всяких ваших космических кораблей. Могут перемещаться на лучах света, а могут и мгновенно.
– Тогда это серьезно, – задумчиво проговорил отец Иван, – только как понять их туманное предсказание, что еще за женское лицо, Дима, может, твоя знакомая?
– Нет, я ее не знаю.
– И не страж, точно не страж? – спросил Серебряный.
– Точно не страж, – подтвердил Дмитрий.
– Вот так загадка, – Серебряный почесал бороду, – наше знание здесь бессильно. Надо идти, чтобы эту загадку разгадать. Иного пути нет. Конечно, северный склон под защитой Серебряных Деревьев. Но кто знает... У меня нехорошее предчувствие... Тьма ожесточенно надвигается. Ощущает близость союза. Друзья! – Серебряный резво вскочил, лицо его было бледным и решительным. – Я чувствую, как на Холм надвигается тьма. Надо спешить. Промедление смерти подобно. Идти по северному склону небезопасно, но надо идти именно по нему.

Тревога и решительность Серебряного передалась всей компании. Они дружно встали и, несмотря на усталость, бодро зашагали по берегу реки, в северном направлении. Через полчаса достигли деревянного мостика. Перешли речку и двинулись на восток, к Холму. Вошли в овраг. Клен с Серебряным долго прислушивались. Присутствие пришельцев пока никак не обнаруживалось. Друзья быстро миновали овраг, вышли на северный склон Холма. Здесь все было как и девять лет назад – исполинский склон и змеящаяся на юго-восток дорога, кусочек синего неба над вершиной.

– Смотрите! – воскликнул Капитан.

На северо-востоке от Холма, в нескольких километрах, зловеще возвышалась центральная цитадель пришельцев – Курган тьмы. На вершине Кургана мигал темно-багровый огонек. Их как будто увидели. Дмитрий почувствовал, как подступает к горлу тошнотворный комок.

Отец Иван быстро отвернулся от зловещего Кургана и даже перекрестился. И тут же он заметил, как по склону Холма в их сторону прыгает нечто похожее на солнечный зайчик, только черного цвета.

– Что это? – сказал отец Иван. Все повернулись. Раздался страшный грохот. Все вокруг заволочло кромешной тьмой.

Чайка

Передо мной был черный квадрат монитора. Отключили электричество – медленно дошло до меня. Я встал, пощелкал выключателями – так и есть. Побродив по квартире, я переместился на диван. Открыл свои черновые наброски по Капитану, сделанные последней ночью на Косе, и более ранние записи. «Ранние записи» показались мне аморфными – вода, одним словом. А вот наброски с Дмитрием и отцом Иваном – тут чувствовалось, это оно! Настоящее.

Но как соединить эти разрозненные картинки? Ясно: стоящий на балконе и ожидающий прихода грозы Дмитрий – начало. А входящий во двор к Капитану отец Иван – совершенно другая глава. Но что между ними, какова связь, где другие герои?

Я с тоской откинулся на спинку дивана, зевнул. Вдруг перед глазами всплыл образ священника, того самого, которого я вообразил на фоне восходящей звезды Антарес, перед тем как выключили свет. Четкий такой образ: коротко стриженный, ежиком, со щетиной вместо бороды батюшка, лет пятидесяти, может, чуть больше.

Что о нем известно?.. Так, служит он прохладно, как бы «сквозь зубы». Не Богу служит, а каторжную повинность отбывает. Зовут его?.. Зовут?.. Ну, конечно же, отец Борис! Да будет так!

Отец Борис показался мне прекрасным антиподом иеромонаху Василию. Тот ревностный служитель, этот не служит – работает. Тот монархист – этот либерал. Тот бессеребренник (ну, почти... после общения с гномами остаться бессеребренником крайне сложно). Этот бизнесмен.

Итак, в первой истории «Капитана Браммы» – огненный фанатик. Здесь же будет «теплохладный» бизнесмен. Две крайние точки на логической линии, две формы извращения священнического служения... Я едва не захлопал в ладоши от восторга: какое оригинальное сюжетное решение!

Набросал образ отца Бориса в черновик и с чувством выполненного (на сегодня) «творческого долга» закрыл тетрадку, решив немного подремать (мне сегодня в ночь на смену). Сон долго не шел, я стал размышлять об образе отца Бориса. Вдруг меня постигло сильнейшее разочарование от моего «оригинального сюжетного решения». Ничего оригинального, кроме линейной логической глупости, в нем я теперь не видел. Я понял: делать отца Бориса только антиподом иеромонаха Василия, значит и на десять процентов не раскрыть образ.

Нет, отец Борис имеет самостоятельное глубинное бытие, ни в какие схемы и противостояния, как и все живое, он не укладывается! Должна быть загадка в этом «либеральном» священнике, должно быть «второе дно»... Отец Борис тут же появился перед моим мысленным взором – он смотрел на меня и как бы говорил: да, во мне есть загадка, не так я прост, как кажусь...

А если отец Борис сновидец? – подумал я, вытягиваясь на диване. – Не начинающий, как я, а опытный сновидец. Священник и практик-сновидец? А почему бы и нет! Есть же батюшки каратисты, модернисты, бизнесмены. Я знал батюшку рокера и одного эзотерика. Так почему бы не быть сновидцу?

Я «посмотрел» на образ отца Бориса. «Батюшка-либерал» покоился в глубоком «вольтеровском» кресле, он дремал. Он был в тонком шелковом подряснике, а на груди у него, вместо священнического креста, блестел голубовато-синеватыми отливами чудесный камень, в золотистой оправе и на цепочке.

Камень вместо креста?! Что бы это значило? Ладно, это мы поймем потом. Потом... Спать...

Я принялся отслеживать момент засыпания и, как обычно, упустил его. Незаметно задремал. Был, видимо, провал в глубокую фазу сна. Потом сон – не очень четкий, обрывками. Кто-то пел песню о некой даме, что обиделась на индуистских богов и теперь читает Коран. Слова и музыка завораживали. Но конкретно не запомнил ничего.

Католический епископ снился; он был с окладистой, такой «православной бородой» и в «зэковской фуфайке». Он все просил меня проверить карманы его фуфайки. Я шарил замерзшими пальцами по карманам, вытаскивал мятые бумажки. Разворачивал их, там были какие-то знаки, но я все никак не мог их прочесть.

Снился еще некто, похожий не то на Владимира Соловьева, не то на кого-то еще, смутно мне знакомого, я все никак не мог припомнить – кто это? В руках у «Владимира Соловьева» был деревянный посох, странно изогнутый, словно молния, запечатлевшая себя в дереве. От громового раската я и проснулся. Как оказалось, кто-то взорвал во дворе петарду.

День понемногу клонился к вечеру. Свет уже давно дали. Немного посидел в Интернете, пообщался со Славой Сумалётовым. Пора было собираться на работу...

За окном маршрутного такси безбрежная темно-сиреневая, уже почти черная гладь лимана (мы как раз едем по мосту через него). Позади вечерние огни города. Впереди

темная полоска лесопосадки на том берегу лимана. Там, в лесопосадке, спряталась «местная Рублевка», мое рабочее место охранника. По другую сторону моста (здесь берег подходит значительно ближе к городу) – элеватор и поселок городского типа вокруг него. Поселок хорошо освещен – гирлянды фонарей ровными рядами взбегают от лимана на холм. Каждый раз, когда еду на ночную смену, вижу эти ровные ряды взбирающихся наверх фонарей. И каждый раз в душе поднимается щемящая, едкая грусть.

Мою печаль прервал писк телефона. СМС-ка. Я глазам своим не поверил – от Чайки! «Встречай, приезжаю завтра в девять, автовокзал.»

Как неожиданно! Наверное, все настоящее совершается неожиданно... Она писала мне письма, по старинке, в бумажных конвертах. Почти в каждом письме было ее стихотворение.

Я звал ее в гости. Она не обещала, но и не говорила «нет». В последнем письме было стихотворение, совершенно откровенное. Она писала, что постель ее без меня холодна. М-да, замужняя женщина: семилетняя дочь, муж помощник машиниста поезда. Неплохо зарабатывает. И тут я, совершенно непрактичный, неприспособленный к жизни. Что тут говорить: поколение дворников и сторожей.

Показал письмо своему старому знакомому, отцу Ивану. Ну, батюшка, так, похихикал. А вот его супруга, то бишь матушка (кстати, ее зовут Ирина, точно так же как и Чайку – вот ирония судьбы!) была настроена крайне радикально. Мол, это тяжкий грех блудить с замужней женщиной, письмо надо сжечь и не отвечать ничего.

Письмо я так и не сжег, даже ответ написал. Но ответ невразумительный какой-то (лучше бы ничего не писал!) Больше от нее писем не было.

Чайка. Она же Незнакомка, она же Ирина. Но больше все же – Чайка; название птицы слилось с ней. Даже не знаю, когда это произошло. Она почти все свои письма подписывала – Чайка. В самом начале – Незнакомка, потом только Чайка. Теперь всякий раз, когда я вижу парящих над лиманом чаек, я думаю о ней.

Утро следующего дня, теплое и солнечное. Сдав смену, мчусь на автовокзал. Вот и она – легкая и стройная – выпархивает из автобуса. Почти десять лет ее не видел – она совсем не изменилась, практически никак не изменилась! Я даже немного растерялся: все такая же! Те же длинные и чуть полноватые губы, губы очень красивые. Мясистый, немного большой нос, но он не безобразит лицо (хотя, помню, как Чайка переживала по поводу своего носа). Большие карие глаза, немного разные – левый светлее, правый темнее. Темно-русые волосы свободно струятся по спине. Одета просто и легко: светлые джинсы, легкая клетчатая рубашка и небольшая шляпа. Шляпа показалась мне немного старомодной, но в этом-то и шик.

– Привет! Как ты?

– А ты? Как добралась?

Вместо ответа Чайка смеется. Потом вдруг серьезно спрашивает про отца Ивана. Незаметно, как-то само собой мы движемся на остановку, в сторону моего дома. Вот уже едем ко мне, она сидит напротив меня, задумчиво смотрит то в окно, то на меня. Я делаю вид, что разглядываю пейзаж за окном; сам люблю ее лицом. С удовольствием отмечаю – в лице Чайки сохранилась та загадочная двойственность – нет, лучше сказать многомерность – что так обескураживала меня при нашем знакомстве.

Вот смотришь на нее – вроде как обычная «простушка» из села. И вдруг в лице «дивчины с села», особенно в глазах, появляется неожиданная, как бы затаенная глубина. И даже в этой глубине – двойственность! Как в многослойное озеро смотришь – то поверхностная рябь: шаловливая игра помыслов, образов... маски, маски, маски. То такая звездная глубь, глубь в которой спит сама Мирровая Женственность; там великая сила жертвенности – вряд ли ее сама Чайка осознает. Быть может, выбранная ею профессия

обыкновенной санитарки, а не учителя, как родители, вот возможное проявление этой самой женственности.

Эта глубь в сочетании с непонятной мне игривостью (маски, маски, маски...) всегда меня немного пугала... А может, я все это себе придумал, в качестве оправдания за то, что не женился на ней 10 лет назад, не увез в город?

Вот мы и у меня дома: вспоминаем, как все начиналось десять лет назад, как мы с отцом Иваном миссионерствовали у них в селе, открывали очередной приход. Она пришла, тогда шестнадцатилетняя девушка, еще школьница – пришла петь к нам в церковный хор. Было это утром, хотя с хором занимались вечерами. Понятно, что она пришла из чистого любопытства. Назвалась Ирой. Мы с батюшкой как раз не очень хорошо себя чувствовали. Перед этим, дома у местного председателя сельсовета, обильно отметили мое прибытие. Отец Иван тогда попросил ее что-нибудь нам спеть, а то головы у нас болят. И она запела чистым девичьим голосом: «у солдата выходной, пуговицы в ряд...» Это было так по-женски жертвенно, так трогательно, так искренне.

Чайка опять спрашивает меня про отца Ивана. (Неприятно кольнуло под сердцем – она ко мне или к отцу Ивану приехала?) Я говорю: давай ему позвоню, сам все расскажет. Звоню. Трубку берет Ирина (та, которая матушка), сообщает, что отца Ивана епископ срочно отправил в Матвеевку, в кратковременную командировку, в монастырь. Это знак, – думаю я. Тут же вспоминаются слова матушки Ирины про блуд с замужней женщиной: мол, хуже этого только война. Даже убийство человека человеком может быть еще как-то оправдано в глазах Божьих, но не блуд с замужней женщиной!

И померкло Солнце за окном. Чайка сразу стала отстраненной и далекой. И опять – маски, маски... Зачем ты приехала?.. Чушь собачья! Разве обязательно надо блудить с замужней женщиной? Почему нельзя просто пообщаться! Но ведь она за этим приехала. Сама писала, что постель ее холодна... Вот я себя накрутил. Даже если и случится тот самый страшный ужасный блуд – что такого? Диктатор Вселенной меня покарает? Зачем тогда мужчина и женщина тянутся друг к другу? Ах, да, конечно же, она в браке. А что, разве все браки счастливые?.. Всё, всё! Просто общаемся. Как будет, так будет.

Спрашиваю Чайку о том, как у них там, в родном селе, дела, когда последний раз была дома? Она говорит, что люди очень недовольны новым священником, часто вспоминают отца Ивана (опять отец Иван!) Новый батюшка к службе абсолютно холоден, в церковь мало кто ходит. Говорят, у него какой-то бизнес в Кривом Роге. Она все это мне рассказывает, а у меня перед глазами четкий такой образ отца Бориса, в глубоком «вольтеровском» кресле с чудесным камнем на груди.

– Ну, а как жизнь в городе? Как работа?

Чайка отвечает рассеянно, она думает о чем-то своем. Внутри нее, кажется, идет сильная борьба. Разговор наш опять обрывается. У меня четкое чувство, что мы все время говорим не о том. Весь наш разговор – одно сплошное лукавство. Не ради же разговора она приехала сюда, за сотню километров?!

– Прости, – произносит Чайка, с усилием, как бы скидывая с души камень, – мне пора, прости, провожать не надо.

За окном окончательно тускнеет Солнце. Она не должна так уйти! Срочно надо что-то предпринять! Не дать ей уйти! Я готов убить себя за ватное бессилие. Другая Ирина, та, которая матушка, победила.

– Подожди, прошу тебя! – с трудом поднимаюсь со стула, – дай хоть до остановки провожу. Ты же дороги не знаешь.

Провожу Чайку в траурном молчании. Подходит маршрутное такси. Чайка бросается мне на шею, целует меня, страстно, жарко.

– Прости, – шепчет она. – Я напишу.

– Простить! За что? Наоборот, спасибо тебе...

Чайка впархивает в салон «маршрутки», машет мне рукой. Вот и все что было, не было и нету! Вот и все! Все!

Чувствую себя словно на лезвии ножа. Мучительная раздвоенность. С одной стороны, ясное чувство – она уехала навсегда. Все. Больше даже писать не будет, останется только зыбкая память. Жила-была Чайка... А я? Мучительно хочется выть. С другой стороны – глубокое внутреннее чувство покоя – все так, как должно быть. Чайка поможет мне, но не здесь....

С этими душевными муками я и заснул. Точнее, провалился в небытие, рухнул в темный колодец сознания.

Охота за Живоглазом

Отец Борис проснулся от собственного крика. Ему снилось, будто он падает в темный колодец, летит в бездну и все никак не может достичь дна. Он немного полежал без движения, пытаясь восстановить сбившееся дыхание, и тут услышал осторожный стук в дверь.

Отец Борис нехотя поднялся, оделся и вышел в прихожую. Пришла прихожанка, одна из немногих, кто еще ходит в церковь, учительница. Кто-то у кого-то умер, требуют на завтра батюшку... Он уже не слушал, он внезапно обнаружил, что думает о своей последней «фазе». И об этом проклятом кристалле.

Глаз – тут же вторглось в его сознание. – Кристалл очень похож на огромный неземной глаз: небесно-голубой и одновременно лазурный, перламутровый и еще Бог весть какой – непостижимый, дороже всех земных сокровищ. Какая сила в тебе таится?! Как ты оказался у этой твари?! Я должен тебя забрать! Это будет абсолютно справедливо, это будет даже по-христиански: избавлю скользкую тварь от лишних искушений. Зачем твари небесно-голубой глаз, сияющий лазурью и перламутром? Что тварь понимает в мистических гранях глаза?.. Да, глаза... глаза, глаз... какое приятное слово, никогда бы не подумал; глаз. – Слово ему нравилось все больше, – глаз, я буду звать тебя – Глаз...

– Отец Борис, что с Вами? – прихожанка вывела его из оцепенения. Оказывается, он совсем не слушал. Пришлось вежливо переспросить, делая «дежурно-служебное» лицо. Но работа есть работа. Каждая треба на счету. Денег у него не так уж и много осталось. Это в селе почему-то думают, что он на сундуках с золотом сидит, с местным головой великие дела крутит. Увы, это далеко не так. Это совсем не так!

Женщина ушла. Отец Борис прошел на кухню, сделал себе кофе. Он вдруг почувствовал нарастающее беспокойство и почти непреодолимое желание навестить этого чудаковатого Николая. Он и раньше пытался с ним свести знакомство. Все же этот Николай связан с аномальной зоной (не зря его в селе называют «Колькой из Браны»), к Бране отец Борис проявлял некоторый, но не очень большой интерес.

Гораздо больше его интересовала история, происшедшая здесь почти 10 лет назад. С двумя священниками – один, кажется, сошел с ума на почве церковного фанатизма и ограбил собственную церковь, второй как бы это дело расследовал и якобы украденные вещи были возвращены. Каким-то образом история была связана с Браной. Об этом смутно говорят в селе. Поп, что расследовал дело сбежавшего иеромонаха, был в очень хороших отношениях с Николаем. Колькой из Браны! Вот беда, познакомиться с Николаем ближе никак не получалось. В церковь Николай ходит редко и быстро ускользает после службы. И нет никакого предлога для знакомства!

Отец Борис выпил чашку кофе и почувствовал, что больше не может сидеть на месте. Он идет к Николаю вот так вот, без всяких причин, просто в гости...

На краю улицы отец Борис огляделся, словно опасаясь «хвоста» за собой. Село казалось вымершим. Сразу за селом начинался неровный, будто перепаханный множеством бульдозеров пустырь, заросший редкой колючей травой. Дорога превращалась в хорошо утоптанную тропинку.

Отец Борис уверенно двинулся вперед. Однако уже шагов через двадцать от его уверенности и след простыл. Каждый новый шаг давался ему все с большим трудом, словно между ним и домом Николая из Браммы возник невидимый барьер.

Чего это я решил идти в гости к почти незнакомому человеку? – спросил себя с некоторым удивлением отец Борис. – Зачем, с какой целью? Что я скажу, когда приду? Я буду выглядеть идиотом, а учитывая мое положение – то, что я поп, – вдвойне идиотом.

Условности! Чего ты боишься? – настойчиво вопрошала другая половина сознания отца Бориса, голосом его старого приятеля по духовным практикам. – Тоже мне, исследователь мистических глубин, – в голосе звучала насмешка, – придумал себе кучу пустых условностей; иди и знакомься, не думай, о чем говорить, слова сами придут на ум...

Отец Борис вздохнул и, стараясь ни о чем не думать, двинулся дальше. Ямы кончились. Теперь его от дома Николая отделял небольшой и ровный луг. Но дома не было видно: он скрывался за рядом высоких деревьев, словно прятался от села.

Дойдя до деревьев, отец Борис остановился в сильнейшем душевном смятении. Смятение усиливалось еще и тем, что он совершенно не понимал его причину. Верней, причину он прекрасно понимал, но отказывался в нее верить. Получается, какая-то чертова магия разлита вокруг дома Николая и так просто сюда не попасть, если ты непрошенный гость. Но вот беда – в черта он не верит, хоть и батюшка; и над магией смеется: вопреки тому, что занимается всякими такими практиками... Хорошо, но как тогда объяснить то, что сейчас с ним происходит? Почему он не может подойти к дому? Почему?!

Отец Борис почувствовал, что сходит с ума. Он еще раз огляделся – подозрительная тишина, дьявольская тишина! Как перед появлением Воланда в Мастерере и Маргарите. Двор Николая выглядит пустынным и вымершим. Вся атмосфера вокруг настороженная, откровенно враждебная. Надо быть деревяшкой, чтобы это не чувствовать! Каждое дерево здесь, каждая былинка будто вопит ему в лицо: что пришел, иди домой, иди домой!

Внезапно отец Борис вспомнил, что забыл выключить газ. То есть, «турку» с кофе он снял, газ увернул, а вот выключить забыл. Он развернулся и почти бегом кинулся домой. Испытывая, впрочем, большое душевное облегчение. Поход к Николаю не состоялся.

Поиски по «горячим следам» ничего не дали. Все что выяснили – Живоглаз находится в этом человеческом селении. Вот только никак не удавалось увидеть точное местонахождение кристалла. Возможности Капитана пока были ограничены, а стражи и Раорира еще очень плохо ориентировались на местности.

Все время видели какой-то темный чулан, или подклеть, или каморку; но что это и где оно – совсем непонятно. Сколько таких подклетей и каморок разбросано по селу? Логично предположить, что убежище Серого находится в заброшенном детском садике, возле церкви – исходя из психологии этого народца. К тому же, лучшего места затаиться от пришельцев не найти. Но не исключено, что Серый может оказаться гораздо хитрее. Да и не припоминал Капитан подклетей или каморок в том месте. Он еще десять лет назад вместе с иеромонахом Василием весь садик обходил – всюду заброшенные и пустые комнаты с остатками поломанных кроваток и игрушек, вызывающих тяжкое чувство оборванного детства.

Пестрый и Клен хотели, было, проникнуть осторожно в заброшенный садик и все там досконально проверить, но Серебряный возражал: нет ничего глупее, чем обнаружить себя перед пришельцами. Возможно там вообще ловушка. Да и времени в обрез. Желтый диск луны окончательно перевалил в западную часть неба. Приближался рассвет. Пора было идти к Бrame.

Друзья покинули дом Капитана, оставив на хозяйстве Пестрого. Из всех стражей он, пожалуй, лучше всего вжился в человеческий образ. Когда все ушли, Пестрый лег спать. Но спал он недолго: еще не научился полноценно отдыхать в человеческом мире и к тому же он сильно скучал по своему древесному облику. Увы, принять древесный облик здесь было пока никак нельзя.

Пестрый проснулся, умылся и вышел в сад. Стояла прекрасная, солнечная, теплая погода позднего утра. После прошедших дождей жара спала. Наступило то, что люди здесь называют «бархатным сезоном». Страж поздоровался с фруктовыми деревьями в саду, пообщался с Раорирой, затем прошел под навес и, сев в плетеное кресло, взял учебник по зоологии. Это был старый советский учебник за 6-7 класс с рассыпающимися страничками. Пестрый и сам не мог понять, почему выбрал именно эту книгу, у Капитана было немало и других.

Пестрый листал учебник и мысленно восклицал: расчлененка, одни трупы, ужас, сплошная расчлененка (слово это он случайно услышал по телевизору в какой-то криминальной передаче, и слово ему запомнилось). Странно устроены люди, – размышлял он, – неужели для того, чтобы понять, надо обязательно умертвить и разрезать?

Страж дошел до класса членистоногих, как почувствовал тревожный сигнал Раориры. Тут же в голове возникла картинка: он увидел, как со стороны села к дому приближается человек – среднего роста, чуть плотного телосложения, стрижка «ежиком», на глазах очки с затемненными стеклами, короткая борода, почти щетина. Непрошенный гость чем-то напоминал плохого человека, мафиози (Пестрый таких тоже по телевизору видел). Однако первое впечатление быстро оказалось обманчивым. Проникнув во «внутреннюю суть» идущего, он быстро понял, что это никто иной, как местный священник. И что в голове у него изрядное смятение – идет к дому как слепой, будто что-то тащит его сюда.

Какие они все разные, эти батюшки, – подумал Пестрый, вспомнив отца Ивана и Василия. – Раньше мне казалось, что служители Кон-Аз-у деревья одного сада, но теперь вижу, что это совсем не так... Но зачем отец Борис идет сюда? Чего он хочет?.. Как же жаль, что я не могу выйти и познакомиться с новым служителем Кон-Аз-у; я должен прятаться в доме Капитана, как Серый – хуже, как темный дух с Кургана... Но что надо служителю Кон-Аз-у? Почему он так бледен и напряжен?

Тут Пестрый увидел то, что заставило его сердце похолодеть. Сзади от левой части головы отца Бориса шли тонкие темные спирали, протянутые прямо с Кургана. Он увидел, как дымчатое тело Бориса борется с опутавшим его темным клубком, не в силах одолеть и прервать свой кошмарный сон... Увы, отец Борис, Вы не должны войти сюда, не должны...

Пестрый и Раорира сосредоточили все свои силы. Отец Борис дошел до сторожевых деревьев и остановился. Минуту, две, три продолжалась яростная борьба Раориры и Пестрого с темной паутиной Кургана. Наконец удалось освободить крохотный участок сознания внутри отца Бориса. В образовавшуюся брешь хлынул тонкий луч серебристого света. Темные нити скукожились и на мгновение ослабили хватку. Отец Борис очнулся и быстро пошел прочь.

Придя домой, он какое-то время сидел неподвижно на кухне, смотря невидящими глазами в пустоту. Газ, конечно же, оказался выключенным. Только дело не в газе – зачем ему самому нужен был этот визит?! Отец Борис едва не подскочил на стуле. Ему внезапно

стало все понятно, словно кто-то вложил в него файл с информацией. Конечно же, тварь украла Глаз у Николая! А Николай нашел эту штуку где-то в аномальной зоне. Все сходится. И эта тварь...

Отец Борис схватился руками за голову и вскочил:

– Все, все! – крикнул он злобно в пустоту, – я не желаю больше ничего знать об этой твари, Глазе, аномальной зоне, Николае, ни-че-го... – он закрыл себе рукой рот. – Тише, услышат... Боже, я схожу с ума. И это я, я, сторонник прагматического подхода к жизни, религии, духовным практикам. Допрактиковался, сновидец...

Отцу Борису стало страшно, так страшно ему еще никогда не было. На лбу у него выступила испарина, спина покрылась липким потом.

– Ехать, – сказал он вслух, – ехать отсюда немедленно! Бежать! Валить! Спасаться! Он кинулся собирать вещи. И вдруг всем его телом овладело ватное бессилие. В изнеможении он опустился на кровать. Страх постепенно отпускал... Ехать, бежать, куда? – иронично спросил самого себя отец Борис. – Перепуганный идиот. Куда бежать, куда?! От себя не уйдешь...

Внезапно ему в голову пришло очень простое, но гениальное решение. Как только раньше он об этом не подумал – многие вещи, особенно те, которые что-то значат, имеют свое отражение в разных мирах. Кристалл он обнаружил в тонком мире, следовательно, должен быть какой-то предмет в нашем мире, в котором заключен кристалл из тонкого мира. А значит... Боже, как я раньше не догадался!

Отец Борис вскочил и кинулся к своей церкви в заброшенном детском садике. Надо найти ту самую подклеть, и там искать вещь, в которой заключен Глаз. Это может быть все, что угодно, но скорее всего, будет какая-нибудь брошь. Скорее всего... Он проскользнул тенью в здание. Воровато оглянулся – никого. Вот она, подклеть под лестницей. Он постучал по перегородке – глухой звук, говорящий о том, что там пустота, значит, жилище той твари. Однако со стороны, где когда-то были комнаты для детей, там, где в сновидении была потаенная дверь, – сплошная стена. А вот с противоположной стороны, со стороны бывшей кухни, обнаружилась дверь. На ней пыльный заржавевший замок.

Ломать – молниеносно пронеслось в голове отца Бориса. Тут же, неподалеку, нашлась арматура. Он вставил толстый стальной прут в душку замка... Боже, что я делаю?! Только бы никто не застал меня сейчас... Отец Борис дернул, раз, другой. Дверь поддалась. Замок остался на месте, а вот скоба, на которой он крепился, сорвалась. Поставив железный прут к стене, отец Борис юркнул в подклеть. Дверь за ним предательски скрипнула. Он стоял не двигаясь, присматриваясь, прислушиваясь к своим ощущениям.

Подклеть представляла собой длинное и узкое пространство, в форме острого угла. Угол начинался от начала лестницы, и по мере подъема лестницы поднимался потолок подклети, пока все не упиралось в стену. В стене было маленькое тусклое от пыли окошко – единственный источник света. Отец Борис огляделся – в дневном мире жилище твари было похоже на свалку. Всюду лежал толстый слой пыли (видимо, помещение не открывали с самого дня закрытия садика), на полу были в беспорядке свалены какие-то тюки, тумбочка со сломанной дверцей, разбитый телефон, шкафчик без дверей и, наконец, посреди свалки стоял небольшой диванчик. Диван был продавленный, с обгоревшей обшивкой, но целый. Он как бы являл собой центральную часть всей композиции.

Отец Борис вспомнил и диван, и шкафчик, и даже телефон: все это стояло у твари в подклети. Значит, он на верном пути... Диван, – вспыхнуло в его мозгу. Переступив через тюки, он шагнул к дивану. Постоял, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Потом внезапно нагнулся. Достал мобильный телефон и, включив фонарик, осветил под диван. Там что-то определенно блестело.

Отец Борис почувствовал, как сердце подскочило к горлу. Он аккуратно просунул руку, нащупал предмет (холодное стекло). Потянул руку обратно и тут ощутил чью-то хватку, нечто схватило его за кисть. Он в ужасе вскрикнул и резко дернул руку. Ему почудилось, что под диваном кто-то зашипел. А затем что-то упало, но уже не в подклети, на том конце здания. Он разжал кисть. На ладони лежал декоративный стеклянный камень (обычная дешевая подделка). Камень был овальной формы, со множеством граней. Отец Борис точно знал, это он, Глаз! Охота завершена. Он быстро сунул стекляшку во внутренний карман и вышел из подклети.

Инспиратор

Все произошло мгновенно. Дмитрий почувствовал резкий толчок в грудь: его подбросило, перевернуло, покатило по земле. Потом земля пропала. Он полетел вниз. Ударился. Что-то упало на него сверху, он потерял сознание.

Сквозь забытие послышался голос Клена:

– Все живы?

Дмитрий медленно открыл глаза: было темно, кто-то тяжелый лежал на нем. Дмитрий попытался пошевелиться, тут же почувствовал боль в боку и легкое головокружение. Тот, кто лежал на нем, застонал и отполз в сторону. Это был отец Иван. Дмитрий огляделся: они свалились на дно глубокой, длинной и узкой ямы, похожей на раздавшуюся вширь трещину в земле. Далеко вверху сиял голубизной кусочек неба. Все, как он и видел в зеркале Принца.

– Попались, как мыши в мышеловку, – сказал Серебряный, – простите меня, не надо было идти по северному склону.

Серебряный с Кленом сидели в противоположном углу ямы на корточках.

– Никто не мог предвидеть, что эта дорога теперь небезопасна, – ответил Клен. – На моей памяти пришельцы никогда не дерзали проникать на северный склон.

– Никто не мог предвидеть, никто не мог предвидеть, – проворчал Серебряный, – не слишком ли часто в последнее время с нами случается непредвиденное? Друзья, или мы теряем свои способности, или, действительно, наступает новое время...

– Где Капитан? – тревожно спросил Клен, перебив Серебряного.

Все стали суматошно ползать по дну ямы, искать Капитана так, словно он был монетой или брошью.

– Капитана нигде нет, – подвел итог поисков отец Иван.

– Плохо, – вздохнул Клен, – или, наоборот, хорошо. Гм, здесь растут два совершенно разных побега: либо Капитану удалось не упасть в яму. Либо...

Повисла зловещая тишина.

– Либо он в плену у пришельцев Кургана, – сказал Серебряный и закрыл руками лицо, – это, конечно, очень нехорошо.

– Но он мог свалиться и в другую яму, – возразил отец Иван. – Нас, скорее всего, бросило смерчем вниз, под Холм. А там полно ям.

– Это бы было еще не так плохо, – сказал Клен, – но любая яма, особенно если она была заранее готова для нас, может оказаться не просто ямой, но и ходом в другой мир. И желательно, для наших врагов, чтобы этот мир был как можно дальше от Холма. От цели нашего пути.

– Предсказание народа Лэйи начинает сбываться, – Дмитрий посмотрел на кусочек неба над головой, – примерно как мне показывал Принц. Только все хуже оказалось на самом деле.

– Да, предсказание народа Лэйи, как же я забыл?! – воскликнул Серебряный и попросил еще раз вспомнить Дмитрия все, что он увидел в подсолнухе Принца. Однако сколько он ни вспоминал, про исчезновение Капитана ничего так и не вспомнил. В памяти остался темный глубокий колодец, с кусочком синего неба в недостижимой высоте (колодец оказался ямой), и женское лицо, разгоняющее своим смехом тьму колодца.

– Осталось дожидаться прекрасную незнакомку, – вздохнул отец Иван, – если, конечно, это не символ какой.

– Что же делать? – спросил Дмитрий у стражей и голос его слегка дрогнул.

– Сначала понять, где мы, – сказал Серебряный и улыбнулся Дмитрию, – а там что-нибудь придумаем; пока же, друзья, посидим в тишине, мы с Кленом попробуем хоть что-то выяснить, – Серебряный и Клен закрыли глаза и погрузились в молчание.

Могильная тишина ямы поглотила все вокруг. Прошло не менее часа (так показалось Дмитрию и отцу Ивану), прежде чем Серебряный пошевелился и извлек из-за пазухи свою прежнюю соломенную шляпу.

– Шляпа из мира людей опять нашла меня, – сказал он и любовно ее погладил. – Ну что ж, друзья, несложно догадаться, что нас обратно выбросило в мир людей.

И Серебряный принял свой прежний «фермерский облик». Дмитрий и отец Иван только тут заметили, что их плащи бесследно пропали. Дмитрий был в тех же самых летних штанах и рубашке, в которых он стоял во время грозы на балконе. Только теперь штаны изрядно помяты и запачканы.

– Не самый худший вариант, мир людей, – добавил Клен, – но и не самый лучший.

– Да, – продолжил Серебряный, – поясню. Худший вариант, если бы нас затянуло к Кургану, в Сумеречную Землю. Лучший, если бы мы остались там, где были. На склоне Холма. Тогда бы нам помогли. А так, боюсь, остается рассчитывать на свои силы или на незнакомку.

– Своими силами... – присвистнул отец Иван и грустно посмотрел вверх. – Хорошо хоть целы остались.

– Ты мне весь бок отбил, – пожаловался Дмитрий.

– Прости, брат, кто знал. Ребра-то хоть целы?

Дмитрий пощупал ребра:

– Вроде целы.

– Сейчас мы попробуем позвать на помощь, кого-нибудь из наших, – сказал Клен. – Дело непростое, нужна полная тишина. Ну и, надеюсь, не привлечем пришельцев.

Серебряный и Клен опять погрузились в медитацию – и снова пропали все звуки. Прошла вечность (как теперь показалось Дмитрию и отцу Ивану), необычная и густая тьма, похожая на едва уловимый для глаз черный туман, медленно поднялась со дна ямы. В голове у Дмитрия все помутилось, он едва не потерял сознание от внезапно накатившего удушья. В себя его привел голос отца Ивана. Голос казался отдаленным, как бы звучащим из другого мира, но на самом деле батюшка шептал Дмитрию на ухо:

– Душно как здесь и нехорошо. И стражи странно себя ведут. Очень странно... Со стражами действительно творилось что-то неладное. Они уже вышли из медитации и теперь тарачились испуганными, детскими, ничего непонимающими глазами на Дмитрия и отца Ивана.

– Не получается ничего, – тихо, с усилием прошептал Серебряный, – наша магия бессильна, мы... в ловушке... мы... – Серебряный запнулся, словно забыл все человеческие слова. Прощебетав что-то на своем языке, он стал энергично махать руками, как крыльями. Помахав так несколько минут, он свернулся на дне ямы клубком и заснул.

– Мы бессильны! – воскликнул Клен неожиданно тонким, детским голосом и с ужасом посмотрел на спящего Серебряного. – Мы обречены на медленную смерть, – Клен вдруг заплакал.

Это было как удар грома. Дмитрий и отец Иван вытаращили глаза. Разум отказывался понимать увиденное: они нас разыгрывают, они дурачатся, – успокаивал себя Дмитрий. Примерно об этом же думал и отец Иван.

Это казалось невозможным! Стражи – невозмутимые солнечные создания, бесстрастные, веселые... и тут... Но с каждой секундой Дмитрий и отец Иван убеждались, что с их светлыми друзьями происходит что-то страшное. Серебряный на глазах становился белым. Дышал он очень редко и с трудом – это было похоже на какое-то глубокое оцепенение, а не на сон.

Клен напоминал смертельно перепуганного ребенка. Потрогав Серебряного, он завыл от отчаянья:

– Мы пропали, мы пропали, помогите, кто-нибудь, помогите! – Клен кричал в пустоту перед собой. Дмитрия и отца Ивана он почему-то не воспринимал или не видел.

– Больно и душно, как невыносимо душно, они убили лес, деревья умерли и мы умираем, – четко и раздельно сказал Серебряный, не открывая глаз. И опять погрузился в свое «мертвецкое состояние».

Слова Серебряного произвели на Клена уничтожающее действие. Испустив крик, полный запредельного отчаянья, Клен забился в самый дальний угол ямы. Он мелко дрожал, его плач стал переходить в страшный хрип, похожий на скрип сухого мертвого дерева. Клен задыхался. Дело приобретало совсем дурной оборот.

Дмитрий с отцом Иваном заметались по дну ямы, не зная, что предпринять. Вдруг Дмитрий от отчаянья, сам не понимая как, стал громко читать стихи. Это был Блок, когда-то Дмитрий очень любил его поэзию. Пописывал и сам стихата. Потом они превратились в песни. Даже рок-группа своя у него была. Но все это было так давно, в какой-то другой жизни. Уже больше пятнадцати лет он не писал стихов и не интересовался поэзией. И тут его прорвало:

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,

– читал Дмитрий громким, немного торопливым голосом, но внятно, –

О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою!

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче!

– Дмитрий ощутил чувство полноты: как-то одновременно ему вспомнилось и давно забытое романтическое, восторженное ощущение надмирной красоты от чтения хорошей поэзии; это чувство совместилось в нем с воспоминанием о том, как девять лет назад он стоял на северном склоне Холма, залитый беспредельным Светом:

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели!

И голос был сладок, и луч был тонок,

И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, плакал ребенок
О том, что никто не придет назад!

Чтение стихов подействовало на стражей магически. Клен перестал хрипеть, а Серебряный медленно открыл глаза. Стояла полная тишина. И тут послышался голос снаружи ямы, женский голос, он что-то напевал, но слов было не разобрать.

– Слышите! – воскликнул Дмитрий, – слышите? Это идет она, незнакомка.

– Игуменья идет нас спасать, – сказал Клен и засмеялся.

– Что мы стоим? Надо действовать. Девушка! Ау! Помогите! Мы здесь! Помогите! – закричал отец Иван.

Пение смолкло. Послышались осторожные шаги. На фоне небесной голубизны возникла фигура девушки с любопытным, немного испуганным лицом:

– Как вы там очутились?

Дмитрий и отец Иван пожали плечами.

– А вы неопасные? – в голосе незнакомки мелькнула тревога.

– Нет, что Вы! – воскликнули Дмитрий и отец Иван в один голос, а Клен смешно закивал головой. И даже Серебряный, еще бледный, улыбнулся девушке и помахал рукой.

– Странные вы, чудные, – подытожила незнакомка и рассмеялась чистым и звонким голосом. Дмитрий тут же вспомнил, как видел все это в зеркале Принца.

– Я знаю, как вам помочь, подождите. – Незнакомка скрылась. Через несколько минут на дно ямы опустился конец веревки.

Капитан падал. Как молния он прорезал Курган. Прошил насквозь сложные лабиринты, что тянулись на многие километры под Курганом – непреступные темно-серые бастионы тюрем и рядом с ними, словно в насмешку, разноцветные балаганы, аттракционы, гигантские карусели, мигающие тусклыми огоньками огромные, тихо позвякивающие странные машины – радость и наслаждение для послушных жителей Кургана. Мелькнули багрово-лиловые плантации с плесенью забвения на краю бесконечной серо-пепельной пустыни, с молчаливыми, монументальными останками чего-то, похожего на руины фантастического завода.

Вот и загадочные нагромождения исполинских камней, на берегу беспросветно черного, неподвижного словно ртуть, моря. Капитан условно называл это нагромождение «Городом», но что это, так и не успел узнать.

Область, находящаяся непосредственно под Курганом и вблизи от него, была изучена сносно. За девять лет, прошедших после первого похода с Дмитрием и отцом Иваном к Истоку, ему неоднократно доводилось спускаться под Курган, инкогнито, со светлым Вожатым. Последний раз он был здесь с Белодревом, и они как раз видели эти глыбы, только издалека. Капитан не помнил, спрашивал ли он у Белодрева про Город... Впрочем, сейчас это уже неважно.

Теперь он один, и его затягивает дальше и глубже. Вот и Город исчез. Вокруг него непроглядная тьма, в которой угрожающе вспыхивают красно-багровые молнии. Где-то там впереди Нечто (он это точно знает) – огромное, неопишемое: без формы, образа, лица, размера. Нечто втягивает его в себя, всасывает. Вот уже ничего нет, кроме ледяного ужаса – впереди сама смерть, абсолютная тьма, безвозвратное небытие.

Внезапно все пропало. Капитан неподвижно висел в темно-сером пространстве. Не было ничего, никаких ориентиров, верха и низа; только темно-серая пустота. Из этой

пустоты медленно соткалась человеческая фигура, без лица. Фигура напоминала черную кляксу на грязно-сером листе пространства.

– Зови меня Инспиратор, – сказал голос внутри Капитана.

Капитан попытался собраться с мыслями: Инспиратор? Кто он? Важный демон? Начальник пришельцев? И где я? Зачем я здесь?

– Почти угадал, – монотонно сказал Инспиратор (голос звучал прямо в голове Капитана). – Вот ответ на вторую часть твоего вопрошания, надеюсь, он тебе понравится. Где ты? Ты в своем новом вечном доме. Твое глупое путешествие закончено.

– Как закончено?! Почему?! – Капитан в отчаянье дернул в пустоте ногами – где все остальные?!

– Сколько сентиментальности, – продолжил Инспиратор. – Очень трогательно. Где же наши деревянные друзья? Смотри сюда, глупец. – Черная фигура махнула рукой. Прямо из пустоты возникла картинка: Клен и Серебряный лежат на дне глубокой ямы с бледными, как бы бумажными лицами. Они мертвы, или кажутся мертвыми. Но самое страшное не это – на их лицах четко выражена печать безумия.

Но отца Ивана и Дмитрия на картинке Инспиратора почему-то нет. Капитан это сразу заметил. Их отсутствие вселило в него смутную надежду (это значит, что их, возможно, нет в планах главного демона).

Капитан постарался больше не думать на эту тему, чтобы скрыть от Инспиратора свои мысли и чувства.

– А вот тот камушек, который вы так прятали от людей, – спокойно продолжил Инспиратор. – Хотели камушком людей облагодетельствовать? Глупцы.

На картинке появился Живоглаз. Сверху на нем лежало что-то мохнатое. Нечто вроде кошачьей лапы.

– Скоро он будет принадлежать вот этому человеку. Так что я сделаю вашу работу за вас. Облагодетельствую человечество.

Из клубящейся мглы медленно выплыла фигура, закутанная в черный кокон, как в паутину. Наружу торчала только голова, человек был в глубоком сне. Капитан чуть не вскрикнул от изумления – это же отец Борис!

– Узнал? – Инспиратор торжествовал. – Он не из моего отряда, но послужит мне. И за это я дам ему возможность поиграть с вашим камушком. Пускай играет. Главное не менять правила игры. А ты и твои деревянные друзья, жалкие бунтари, хотите своей детской идеей Союза посеять в людях хаос. Нет, этого не будет. Поэтому ваше Золотое Веретено мы уничтожим, как вещь для людей лишнюю. Я об этом позабочусь.

– Ты лжешь! Я тебе не верю! Не верю! Не верю! – Капитана охватила ярость, но ярость была от отчаянья. Он прекрасно понимал, что ничего не может противопоставить Инспиратору. Одна надежда на Дмитрия и отца Ивана, может быть они доведут дело до конца.

– Я никогда не лгу, – сказал Инспиратор. – Я всегда объективен. А ты, глупец, жестоко пожалеешь о своих словах. Я разобью тебя на мелкие кусочки. Осколки твоего жалкого «Я» будут бесконечно метаться в серой пустоте, пребывая в нескончаемом ужасе смерти и распада. Это не пустые слова. Ты уже как-то испытывал состояние раздвоения, вспомни?

Капитан тут же вспомнил, как давно, в бурной молодости он, экспериментируя с расширением сознания, пережил мучительное раздвоение собственной личности. Он даже не предполагал, что это так мучительно.

– А теперь тебя будет не два и даже не четыре. Тебе понравится.

Он потянул руки к Капитану и вдруг в ужасе отпрянул. Тут только Капитан заметил, что его обвивает тонкая, едва видимая серебряная нить, которая сразу натянулась. Капитана резко бросило назад. Мгновение – и он очнулся на склоне Холма. Он лежал,

зацепившись ногой за чудом выросшее здесь маленькое Серебряное Дерево. Его лицо было обращено к Кургану.

Курган молчал, затаившись, словно зверь перед прыжком.

Внучка колдуна

– Какие вы все-таки странные, – еще раз повторила незнакомка, оглаживая стражей и людей.

– Мы, это, гуляли, – многозначительно сказал отец Иван.

– Ага, – подхватила Незнакомка, – гуляли и в яму упали.

Незнакомка засмеялась чистым и звонким смехом. Дмитрий посмотрел на свои «пятнистые», некогда белые джинсы, теперь заляпанные глиной и грязью, на помятого отца Ивана, бледных и еще не до конца пришедших в себя стражей и подумал: ну и вид же у нас – грязные, подозрительные типы с бородами. Стражи вдвойне подозрительно выглядят, словно ряженные актеры из сумасшедшего дома. Серебряный, например, сейчас мне напоминает обезумевшего Льва Толстого, как если бы великий писатель зачем-то покрыл свою бороду серебром. И Клен – этот его плащ, он в нем как колдун из дешевого фэнтезийного блокбастера. И эти «пушкинские» бакенбарды... Весьма, весьма подозрительная компания!..

Стражи почти пришли в себя, вид у них был усталый, но живой.

– Разрешите поблагодарить Вас, прекрасная незнакомка, – сказал Серебряный и, сняв соломенную шляпу, почтительно склонил голову. – Простите, что не знаю Вашего имени.

– Лариса мое имя, – сказала незнакомка и немного покраснела, как бы от небольшого смущения. – А Вы похожи на Гендальфа, извините, вы тут не в ролевые игры играли?

– Гендальф, – повторил Серебряный, – здорово, мне нравится.

– Но Вас же не Гендальф зовут? – возразила незнакомка.

– Да, меня зовут Сер... Сергей, Сергей Серебрянович.

– Какое странное отчество, – сказала Лариса.

– Да, папа моего папы был большой чудаком, – нашелся Серебряный.

Клен, видимо, уже успел разобраться в человеческих именах-отчествах. Откинув капюшон, он поклонился и сказал:

– Николай Николаевич, к Вашим услугам.

– К моим услугам? – переспросила Лариса и рассмеялась. – Нет, вы точно еще в игре, благородные жители волшебного мира. Вот Николай Николаевич очень напоминает благородного фавна.

– И Пушкина, – добавил Дмитрий.

– Точно, Пушкина! – воскликнула Лариса.

Тут уже засмеялись все. Серебряный, подмигнув Дмитрию и отцу Ивану, поднялся.

– Прошу прощения, – обратился он к Ларисе, – мы тут немного отлучимся, а Вы посидите в компании с благородным фавном Николай Николаевичем.

– А, понимаю, – кивнула головой девушка, – но Вы не слишком долго, вдруг мне скучно станет с вашим благородным фавном Николаем.

Серебряный, Дмитрий и отец Иван поднялись на небольшой пригорок, огляделись. На юг и юго-восток однообразная и пустынная местность плавно взбиралась на очень пологий, почти незаметный холм. На вершине холма торчали ржавые остовы каких-то металлических конструкций. В юго-западном направлении они увидели Брамму, не меньше чем в полутора-двух километрах. Вокруг не было ни души, даже птицы не летали, стояла гробовая тишина. На север тянулась такая же непаханая степь, только чересчур вздыбленная и дикая – редкие купы кустов, еще более редкие кривые деревца;

нагромождение овражков, пригорков, ям. В отдалении, по лесополосе, угадывалась трасса на Черноморку. На северо-востоке виднелся темный холм с усеченной вершиной – Курган Тьмы. Люди и страж с минуту молчали. Первым заговорил Серебряный.

– Друзья, – сказал он, – вам тоже огромное спасибо. Считайте, что час назад, в яме, наш союз стал еще более зримым. Дерево уже по-настоящему пошло в рост. Теперь это никаким силам тьмы не остановить. – Серебряный положил руку на плечо отца Ивана и Дмитрия. – Я счастлив, хоть и смертельно устал.

– Мы тоже смертельно устали, – ответил отец Иван. – Я ведь еще и к Капитану пешком шел, а потом этот переход, яма; я удивлен сам себе, удивлен, что еще стою на ногах. Но пока стою, задам вопрос: что с вами было в яме, это серьезно, не игра?

Серебряный помрачнел, а потом внезапно расхохотался:

– Друзья, во мне взойшло Солнце, как бы я хотел разделить его с вами и с прекрасной Ларисой-незнакомкой... Глупцы, – сказал он вдруг в сторону Кургана Тьмы и вновь засмеялся, – все ваши просчитанные схемы дали обратный результат, теперь мы многое понимаем... Но по порядку. И давайте покинем это открытое место.

Они сошли с пригорка и сели на теплую, прогретую солнцем землю, лицом к Бrame. Серебряный продолжил:

– За свою долгую жизнь я имел много битв с пришельцами. Несколько раз был на волоске от смерти, один раз был пленен, но то, что было со мной и Кленом в яме – такой ядовитый росток я вижу первый раз... Понимаете, нас можно убить, и вы видели смерти Брата и Белодрева, а я видел гибель целых селений и садов; нас можно пленить, это труднее, но можно – но свести с ума?! Мы ведь были на грани безумия. Друзья! – Серебряный внезапно схватился за голову, как от резкой мучительной боли.

– Что же вышло из этой их черной затеи? – тихо продолжил он. – Выяснилось, что вы, человеки, вы, такие податливые на лесть темных, на их искушения, почти не восприимчивы к их прямой магии! Мы с Кленом как только это поняли, сразу взяли весь фокус на себя. И они вас вообще не увидели!

– Так вы все-таки подыграли немного! – воскликнул Дмитрий.

– Ну, да, – простодушно признался Серебряный, – но сходили мы с ума по-настоящему. И очень здорово, что ты, Дима, не растерялся, запел такую песню, что она ослабила пути темных.

– Да, – вздохнул Дмитрий, – кто бы мог подумать, что стихотворение Блока способно на такое!

– Вначале было Слово, – сказал отец Иван.

– И слово, сказанное вовремя, – подхватил Серебряный, – может иметь невиданную силу. А пока, человеки, многие слова у вас лежат не востребуемыми, как зерна под амбарным замком. Но я вот о чем еще хотел сказать, эта Лариса, незнакомка, что вы о ней думаете? Смотрите, друзья, вокруг безлюдная земля, аномальная зона, и вдруг девушка гуляет. Мало того что гуляет, еще и веревка, чтобы нас вытащить у нее имеется. Как специально. Что скажете?

– Не хочется быть подозрительным, – медленно, как бы с неохотой проговорил отец Иван, – но может ли эта Лариса быть как-то связанной с теми силами, что нас кинули в яму?

– И мне не хочется подозревать, – согласился Серебряный. – Пока ни я, ни Клен не видим в ней печатей Кургана. Нет, скорее всего, наоборот, она послана нам свыше. Это знак. К тому же, не надо забывать и о предсказании народа Лэйи Диме. Ведь все, что этот прекрасный народ предсказал, сбылось.

– Сбылось все, кроме одного, – сказал Дмитрий. – Капитана рядом с нами нет. А про это в зеркале Принца не было ничего.

Серебряный посмотрел на небо и к чему-то прислушался:

– Капитана рядом с нами нет. Это верно. Но есть кое-что другое. И ко мне, и к Клену вернулись наши способности, убитые ямой. Теперь они стали еще сильнее! Так что и здесь все хорошо, и с Капитаном темные просчитались! Я не могу пока сказать как, – поспешно добавил Серебряный, отвечая на наш немой вопрос, – но я знаю точно, что Капитан теперь вне опасности... А теперь, друзья, минуточку тишины.

Серебряный долго смотрел в небо, он словно ожидал знака.

– Идемте, – внезапно сказал страж, – пора открыть Ларисе, кто мы такие. Сказать все надо сейчас.

– Вперед, правдорубы, – пошутил Дмитрий, однако никто не засмеялся.

Они вернулись назад. Лариса и Клен мило беседовали.

– Я уже немного рассказал о нас, – с улыбкой сообщил Клен.

Дмитрий посмотрел на Ларису, он был уверен, что она воспримет правду о стражах как шутку, в лучшем случае. Темные глаза девушки загадочно блестели, она с восторгом и любопытством смотрела то на Клена, то на Серебряного.

– Наверное, я дура, – тихо сказала незнакомка, – но я поверила вашему Николаю... точнее, Клену. Да, я вам верю! Я сразу поняла, я догадалась!

Лариса замолчала, закрыла ладонями глаза. Друзья тихо сидели, боясь пошевелиться, словно любое, самое незначительное движение может разрушить веру незнакомки. Лариса заговорила снова, заговорила с жаром, как бы сама с собой, сама себя убеждая:

– Конечно же, это было видно сразу: Вы, Клен, и Вы, Серебрянович – Вы из другого мира. Я вначале подумала: грим, актеры, ролевые игры. Но оно все само собой быстро прояснилось. Нельзя загримировать вот такой разрез глаз, как у Вас, – Лариса показала рукой на Клена и с тем же жаром продолжила. – Да и не в разрезе глаз дело! Разве только в этом! Сама ваша суть, ваша сердцевина, душа, эмоции вас выдают. Нет такой солнечной веселости у существ нашего мира, такого радостного сопереживания и... и... впрочем, ясно все, простите за многословие, я вам верю.

Лариса перевела дух и снова заговорила, видимо, не в силах сдержать чувства:

– Я, наверное, сплю. Подумать только – волшебный народ! Как я когда-то мечтала встретиться с волшебным народом. И вот теперь, когда мечта моя давно сгорела и я уже взрослая тетя, вдруг, она сбывается. Да, так оно обычно и бывает в жизни. Все настоящее приходит чуть позже, когда, кажется, надежды нет. Так мой дед говорил. А он знал про волшебный народ, он в детстве мне рассказывал кое-что. А люди над ним смеялись, называли сумасшедшим. За глаза, правда. А дед говорил: волшебные существа есть, они рядом с нами.

– Вот и чудненько, друзья-человеки, вот и чудненько, – Серебряный весело хлопнул в ладоши и засмеялся. – Итак, прекрасная Лариса, Вы теперь знаете, что мы прошли через Брамю. И сегодня рано утром через Брамю и ушли. Мы были в своем мире, но злая сила швырнула нас обратно в ваш мир. Так мы очнулись в яме и чуть не погибли, но Вы нас спасли, благородная Лариса. Но еще прекраснее нашего спасения то, что Вы нам поверили. А это значит, наша встреча не просто так. В нашей встрече есть свое зерно. Но скажите и Вы нам, если не секрет, что Вы делали в столь безлюдной земле?

– Не секрет, – сказала Лариса, – я сюда прихожу не первый раз. По профессии я археолог. Но мне нравится исследовать эту аномальную зону...

– А Вам, случайно, Николай из Красного Кута незнаком? Он давно исследует Брамю, – спросил Дмитрий.

Лариса с удивлением посмотрела на Дмитрия, посмотрела на отца Ивана. Она, видимо, была настолько увлечена встречей со стражами, что совсем не подумала о людях, которые запросто здесь с волшебными существами разгуливают.

– Я слышала о нем. И хотела бы с ним познакомиться. Говорят, он большой чудак... А Вы, простите, Вас как зовут? Вы же обычные люди? Правда?

– Да, мы обычные люди, живем в городе. Здесь же в гостях у Николая. Можно сказать, мы тоже небольшие исследователи аномальной зоны, по имени Брама... Меня зовут Дмитрий. А это мой друг отец...

– Иван, – быстро перебил Дмитрия батюшка. И протянул Ларисе руку. – Давай на ты, – сказал он.

Какое-то время они молчали. Вдруг Лариса спросила:

– Вы есть хотите?

Друзья в ответ скромно промолчали.

– Не стесняйтесь, мне все равно это уже не понадобится.

Лариса порылась в рюкзаке, достала бутерброды, термос с чаем. Бутерброды и чай поделили на всех. Лариса есть отказалась. Она сидела задумчивая и грустная. Несколько раз доставала «мобильник», смотрела на часы. Наконец, сказала:

– То что Брама непростая аномалия, я давно знаю. Да и не аномалия это, если в классическом ключе подойти. Я догадывалась, что тут нечто совершенно другое, я догадывалась, что секрет в самом названии: Брама – ворота, проход в иные измерения. А нечеткая аномальность – побочный эффект.

– Очень интересно, – сказал Клен, жуя бутерброд.

Лариса оглядела друзей и рассмеялась:

– Что здесь может быть интересного, для тех, кто давно использует Брам, как мы используем двери? Смешно это. Вы, уважаемый Клен, это из вежливого благородства сказали. Но я на самом деле не о том говорю.

Лариса стала серьезной:

– Девять лет назад, в этой самой аномальной зоне, пропал без вести мой дед. Дед говорил, что где-то в этих местах был скрытый катакомбный монастырь, в котором послушниками были не люди, а существа иного мира. И он его последнее время часто посещал. Вот я и хожу, как дурочка, а вдруг, вдруг наткнусь, обнаружу хотя бы следы. Вдруг дед в монастыре остался, и я его найду. Глупо, конечно.

Какое-то недоброе воспоминание зашевелилось внутри Дмитрия и отца Ивана при рассказе Ларисы. Стражи поняли больше, они прочитали мысли и увидели образ. Стражи долго молчали. Наконец, Серебряный сказал:

– То, что Вы называете катакомбным монастырем, это не здесь. Это вон туда, – Серебряный махнул рукой в сторону юго-востока, – почти к самому морю, возле брошенного человеческого селения. Но это надо идти сквозь Брам. Идти несколько дней.

– Несколько дней... – почти прошептала Лариса.

– Да, прекрасная незнакомка, – сказал Серебряный. – Я думаю, что Вы вскоре побываете по ту сторону Брам. Наша встреча неслучайна, особенно в свете наступающих времен. Но пока наши тропинки на какое-то время разойдутся. Девушка опять посмотрела на часы. В глазах ее блеснули слезы.

– Да, разойдутся! И мне уже пора, – обреченно сказала она, – меня ждет машина на трассе. Мне еще до ночи в городе быть надо... Боже! Боже, как не хочется с вами со всеми прощаться, волшебный народ. Как я боюсь, что этого больше не повторится, что наша встреча растает как сон!

Лариса заплакала. Клен гладил ее по голове, что-то шептал. Серебряный взял ее за руки.

– Мы увидимся, увидимся! Ты наша спасительница! Ну, не плачь, милая, иди, иди.

Лариса поднялась. На лице ее была решимость, слезы просохли. Она молча пожала руки друзьям и пошла в сторону трассы. Несколько раз она останавливалась, махала рукой, пока не скрылась.

– Что ж, друзья, и нам пора, – сказал Серебряный.

– Опять в Брамму? – спросил Дмитрий.

– Да, иного пути пока нет. И идти надо сейчас. Хорошо, чтобы нас поменьше глаз видело. Мы больше не можем ждать.

Друзья с трудом поднялись и двинулись в юго-западном направлении. Тут только они почувствовали, насколько устали.

– Ничего, – подбодрил всех Клен, – нам главное перейти Брамму и войти в наш мир. Там нам сразу помогут.

Перед Браммой Дмитрий и отец Иван немного прошли вперед, чтобы убедиться, что поблизости нет людей. Людей не оказалось. Друзья почти бегом устремились к Брамме, буквально валясь с ног от усталости. У Дмитрия вновь заболел отбитый при падении в яму бок. Даже дышать стало тяжело. Брамму Дмитрий проходил как во сне. Мысли путались. Несколько раз Дмитрий себя ловил на том, что все его мысли блуждают около Ларисы. В какой-то момент он вспомнил о катакомбном монастыре. Он догадался, кто был дедом Ларисы. И тут же забыл о своей догадке.

Они вывалились по ту сторону Браммы. В теплом, приветливом мире. Немного прибавилось сил, их хватило, чтобы дойти до леса. И там путешественники опустились в изнеможении на одну из полян. Друзья молча лежали на траве. Дмитрию казалось, что Земля качает его на своих материнских коленях, убаюкивает. Вдруг Дмитрий услышал, как Клен объясняет отцу Ивану, что Лариса была любимой внучкой Пастуха. Единственным существом во Вселенной, кого он любил.

Дмитрий попытался представить Ларису и Пастуха вместе. Человек с ледяными глазами и заразительно смеющаяся незнакомка – дед и его внучка, – это казалось невозможным. Вместо Пастуха и Ларисы Дмитрий увидел ангелов. Они спустились сверху, со стороны Холма, окружили и стали поднимать, возносить его на своих белых крыльях на небеса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мы разделенные существа

Герои мира Браммы снова в гостях у стражей, на Холме. Впереди большой Совет, на котором стражи и другие создания мира Браммы должны решить, как им лучше осуществить союз с людьми. Разделённость между миром автора и мифом Браммы хоть ещё и остаётся, но уже становится текучей, порою до нераздельности.

Пришельцы

Голова краснокутовского сельсовета открыл глаза и обнаружил, что висит в воздухе, прямо над собственной кроватью. Это необычное состояние он переживал уже в третий раз (перед каждым контактом с пришельцами). Странность была даже не в том, что он висит, презрев закон тяготения, сколько в устойчивом ощущении, будто находишься между сном и явью, в каком-то параллельном мире. Ощущение абсолютно реальное! И в тоже время ум отказывался признать это состояние реальностью. Где в реальности можно висеть над собственной кроватью, – спрашивал себя голова, – а потом еще и ногами вперед через закрытое окно?!

Едва голова подумал об окне, как тут же ощутил, что его неумолимо тянет к окну. Именно ногами вперед! Вот он снова прошел через стекло, при этом не почувствовав ничего. Во дворе, в глубине сада тускло светил мертвый неоновый свет.

Это была его третья встреча с пришельцами. Первая состоялось весной, где-то спустя месяц после погрома на стройке. Тогда же от него ушла жена. Он с горя запил. Ну, и потом они явились. Конечно, после он пытался себе все объяснить выходом алкогольных паров, но все было так реально, а самым реальным был ужас, что он испытал тогда. Непередаваемый ужас! Пришельцы положили его на какой-то крутящийся диск, что-то с ним делали, больно не было. Ледяные когти страха постепенно отпустили душу. И больше ничего он с той первой встречи не помнил.

В начале лета была вторая встреча. Все совсем иначе. Во-первых, в тот день он очень ясно почувствовал, на уровне интуиции – сегодня придут опять они. В глубине души он уже желал контакта. Он уже не боялся пришельцев; ну, почти не боялся. Во время второго контакта пришельцы общались с ним на чистом земном языке. Слова звучали прямо внутри него. Они ему сказали, что прилетели из звездной системы Сириуса. (Звезда Сириус А.) Они его даже на корабль свой брали. Это он помнил совсем смутно: в космической пустоте висело огромное нечто, похожее на чудовищное яйцо, гигантский кокон размерами с крупный астероид. Его, кажется, втянуло прямо в стену корабля, он долго летел по мрачноватому коридору, с серыми пористыми стенами и высоким сводчатым потолком. Куда-то влетел... Что было дальше, он уже совсем не помнил.

Теперь он не сомневался в том, что это контакт. Космос, НЛО, пришельцы, Сириус – председатель с головой погрузился в Интернет. До этого он почти не интересовался космосом. Ну, разве что с гордостью помнил первого советского космонавта Гагарина и первого советского космонавта, совершившего выход в открытый космос, Леонова. Космос у головы был прочно связан с Советским Союзом. Это был именно советский космос. И когда Союза не стало, то как бы и космоса не стало. Голова перестал даже на звезды глядеть. Но теперь он прекрасно знает, где на ночном небе находится Сириус (еще каких-то две-три недели, и красавец Сириус появится на осеннем небе)... Да, и не забыть спросить: кто они и что им, собственно, надо?

Пришельцы ждали его возле летней беседки в центре сада, беседка была хорошо скрыта от посторонних глаз. Тусклый мертвящий свет исходил от большой сигарообразной платформы, она висела в метре над землей. Три темных кокона, похожие на большие, чуть больше человеческого роста яйца, неподвижно покоились на матовой поверхности платформы-диска. Голова уже знал, что в таких коконах пришельцы прибывают на землю со своего корабля.

Пришельцы синхронно помахали голове руками, в знак приветствия – отточенные, механические движения. Затем сделали шаг и сразу же оказались около головы, а тускло-мерцающая платформа с коконами куда-то исчезла. Теперь пришельцы и сами тускло замерцали таким же светом, что и исчезнувшая платформа. Около минуты гости из космоса молчали. Они словно давали возможность разглядеть их лучше, чем голова и воспользовался.

После первого контакта он вообще не запомнил пришельцев. Немного разглядел после второй встречи. И вот тоже чувство, что и в прошлый раз: какое-то совершенно ненормальное, неестественное человекоподобие. Да, есть две руки и две ноги, прямоходящие, рост человеческий. Дальше сходство с чем-либо человеческим кончается. Фигуры инопланетян «затянуты» в нечто вроде черных непроницаемых комбинезонов. Но сами «комбинезоны» выглядят как-то зыбко и не совсем материально проявлено, как кляксы. Голограмма, виртуальный образ – решил про себя председатель. А вот головы космических гостей, «лица» – вполне реалистичны. Но как раз в них нет человекоподобия. И выглядят они жутковато: рта нет, ушей нет, волосяного покрова также нет. Вместо носа

хоботы, длиной сантиметров 30-40. Глаза огромные, круглые, без век и бровей; жуткие. Глаза тускло светятся изнутри, как будто внутри черепа у пришельцев небольшая лампочка.

«Лица» пришельцев напомнили председателю противогазные маски, с обрезанными болтающимися шлангами. Скафандры – догадался голова и подивился своей сообразительности. Наверное, пришельцы лишены какого-либо сходства с людьми, кроме формы голов. Вот почему тело они делают виртуальным, голограммой, а головы реальные, но облачены в скафандры...

– Народ Дорн приветствует тебя, землянин, – голос звучал глубоко внутри, где-то на уровне затылка; обычный земной голос, и говорил он на чистом русском.

– Дорн, – тихо повторил голова. – Значит, вас можно называть – дорны. Как мы – земляне.

– Нет, – отрезал пришелец. – Мы Дорн. Вместе, коллективно: один большой Дорн. Каждый, в отдельности, маленький дорн, часть большого Дорн. Поэтому каждый и все вместе всегда – Дорн. И больше никак.

– Не понимаю, – замотал головой председатель. – Дорн, это название вашего народа, планеты, или что-то другое?

– Вам тяжело понять, землянам, вы порабощены индивидуальностью, вы разобщены на враждующие классы, партии, на бедных и богатых...

– А у вас, – обрадовался голова знакомой теме, – у вас, значит, нет эксплуатации, нет этих проклятых финансовых пирамид, капиталистических корпораций и гражданских войн... Кажется, я понял, Дорн это нечто вроде того, что у нас, в Советском Союзе, называлось коммунистическое человечество.

– Да, землянин, ты начинаешь понимать. Но Дорн больше, чем ты сказал. И все потому, что мы давно отказались от порабощения индивидуальностью, поэтому мы теперь Дорн... Но пусть лучше скажет тот, кто может говорить как весь Дорн, в целом. Идем, землянин, он ждет тебя на корабле, Дорн в целом, Дорн в Нуле.

Они почти мгновенно переместились на тускло-матовую сигарообразную платформу. Стало темно, видимо голову погрузили в кокон. Короткое беспмятство. Очнулся он уже в знакомом коридоре, он стремительно летел сквозь него – серые, пористые стены, плавные изгибы. Он влетел в просторное помещение, очень большой зал с полусферическим куполом и гигантским обзорным экраном, на котором ярко горели, не мигая, звезды. В середине зала вращался, изгибаясь, огромный черный смерч. Слышался сухой шелест, как от струящегося песка.

Смерч состоит из тысячи, десятков тысяч Дорн. Более странную картину голове не доводилось видеть – смерч не просто состоял из множества Дорн, он сам являлся самостоятельным, живым существом. Председатель сразу понял, что это и есть Дорн в Нуле.

Каждое отдельное дорн, из которого состоял смерч, было размерами с очень крупную летучую мышь. Хорошо было видно головы с огромными круглыми глазами без век; головы были теперь без хоботов. А вместо зыбких тел – темно-серая дымка, как туман.

Смерч изогнулся, принял шарообразную форму, вытянулся и превратился в огромную человеческую фигуру в сутане. И исчез. Голова был один среди огромного молчаливого зала. И вдруг стоящее на возвышении кресло повернулось. В кресле сидело существо в сутане – на этот раз обычных человеческих размеров, во плоти, только лица не было видно. Председателю показалось, что лица там нет совсем, вместо лица бездонная космическая пустота.

Существо в сутане встало и приветливо протянуло руки навстречу голове. Послышался спокойный, ровный голос:

– Здравствуй, землянин, тебя приветствует Дорн в Нуле.

Опережая немой вопрос головы, Дорн в Нуле сказал:

– Ты находишься в командной рубке нашего космического корабля. А я, Дорн в Нуле, есть энергетический разум, мозговой центр корабля.

– Вы капитан корабля?

Голове показалось, что существо иронично усмехнулось.

– Нет, конечно. Ты мыслишь в понятиях земной индивидуальности. Я являюсь целым; и в тоже время частью целого. Как каждый дорн этого корабля.

– А почему Дорн в Нуле?

– Нуль объединяет бесчисленные множества отдельных единиц. Но сам нуль не претендует ни на что. Он – пустота, полное отсутствие индивидуальности. И в тоже время в нем, нуле, заключена вся полнота отдельных единиц.

– Ах, да, – сказал голова, – понимаю. У вас, кажется, полный коммунизм, только математически выраженный. Как-то так.

– Хотя бы так, – согласился Дорн в Нуле, – но давай, землянин, перейдем к более конкретным делам. Мы не просто так здесь. И не просто так связались с тобой. Уже много тысяч лет наша цивилизация Сириуса А помогает вашей. У ваших писателей-фантастов это названо прогрессорством. На самом деле все гораздо сложнее, но суть схвачена верно: помощь нижестоящим цивилизациям. Корабль, на котором ты сейчас, уже давно находится в вашей Солнечной Системе. Мы наблюдаем за вами, и не только наблюдаем, но и помогаем вам строить более совершенное общество. Да, помогаем строить, а не стоим в сторонке. Мы вмешиваемся в ваши дела, но не так, как кажется вашим исследователем НЛЮ. Мы гораздо активнее и ближе, чем они думают.

Дорн в Нуле замолчал. Голова поразился мертвой, абсолютной тишине, что стояла на корабле. Он посмотрел на немигающие россыпи звезд – ему представилось, что звезды внимательно слушают их разговор и ждут от него, обычного землянина, какого-то судьбоносного, космического решения. Дорн в Нуле заговорил снова.

– Надеюсь, после всего сказанного ты не удивишься тому, что, например, Советский Союз – это был наш проект помощи вам. Ленин, кстати, был Дорн в Нуле. Вы первыми вышли в Космос. И должны были осваивать Космос дальше. Ваш великий изобретатель Королев, а он напрямую контролировался нами, так и хотел. Штурм космического пространства мобилизовал бы силы человечества, отвлек бы от гонки вооружений, открыл бы новые возможности, которые дремлют внутри вас. Люди, живущие в противоположном капиталистическом лагере, поняли бы, что в жизни есть вещи интереснее, чем погоня за материальными удовольствиями и деньгами. Лет через двести-триста вы бы и сами стали прогрессорами, как мы. Увы. Так не случилось. Королев умер. И ваши руководители отказались от освоения Космоса. По подсказке советников из вражеского лагеря они решили делать военные ракеты. Они поставили на гонку вооружения и проиграли. Советский Союз рухнул, победила противоположная система. Что она принесла вам, ты знаешь лучше меня. Уже больше 20 лет эмиссары этой системы управляют вами.

– Да, уж, – вздохнул голова, – разруха, нищета, бандитизм, цинизм... и много-много еще чего. Плоды очень горькие.

– Совершенно верно, – согласился Дорн в Нуле. – Они не просто горькие, они смертоносные. Но главное не в этом. Противоположная система социального устройства, построенная на хищничестве, конкуренции и обмане, так же является плодом неземного разума. Не так давно ваши писатели-фантасты спорили на тему, может ли высокоразвитая цивилизация нести семя зла. Да, может! Как ваши хищники рыщут по лесу, так и эти цивилизации рыщут по космическому пространству в поисках объекта вторжения. Таким объектом и стала ваша Земля. В отличие от нас эти существа не любят исследовать Космос. Найдя подходящую планету, они незаметно поселяются на ней, как правило, в

аномальных или труднодоступных зонах. И живут, пока не убьют планету. Убив, отправляются на поиски новой.

При словах «аномальная зона» голова похолодел от дурного предчувствия. Ему показалось, что Дорн в Нуле хищно усмехнулся, довольный произведенным эффектом (если бы черная пустота под капюшоном могла усмехаться).

– Ты правильно подумал, аномальная зона Браммы, рядом с которой ты живешь. Вот почему мы обратились именно к тебе.

Дорн в Нуле махнул рукой, приглашая голову следовать за собой. Они поднялись на возвышение, на котором в одиночестве стояло самое обычное земное кресло. Прошли на выступающую вперед площадку. Теперь огромный обзорный экран окружал их со всех сторон.

– Смотри, – сказал Дорн в Нуле.

Черная бездна с россыпью ярких немигающих звезд пропала. Перед ними расстилалась окраина Красного Кута, виднелся дом Кольки из Браммы. Дом стремительно приблизился, «отъехал» вбок. Показалась пристройка. К двери пристройки подошел Колька из Браммы, вид у него был болезненный. Вот он открыл дверь, брызнули золотые искры. Внутри пристройки вращалось что-то странное, какая-то молния – яркий, золотистый смерч. Через несколько секунд картинка пропала. Вокруг опять была черная бездна Космоса.

– Это что, это во дворе у нашего чудика из Браммы? – голос у головы дрожал от волнения.

– Совершенно верно. Красивое золотистое вращение, что ты сейчас видел, – он называет его Золотое Веретено – один из враждебных артефактов хищнической цивилизации. Нечто вроде Золотого Тельца, описанного в вашей Библии. Почитай на досуге. А пока главное. Этот артефакт надо уничтожить, сжечь. Ваш Колька нашел эту штуку в аномальной зоне. Он, бедный, и сам не знает, насколько она опасна. Видел, какой болезненный вид у него? Но сам, добровольно, он никогда с ней не расстанется. Посему надо осторожно, ночью, сжечь всю эту пристройку вместе с артефактом.

– То есть, сжечь? – растерялся голова, – Это ж криминал.

– Не бойся, землянин. Ты хозяин села, так ведь? Почему мы к тебе обратились. В твоих руках все. Найми людей, заплати. Насчет денег не беспокойся. У тебя в письменном столе есть деревянная шкатулка. Откроешь ее, там деньги, тебе хватит. Будет мало, дадим еще. А пока, друг, время контакта истекает. Более подробную информацию мы дадим тебе телепатически. Пора, землянин, пора. До встречи.

Дорн в Нуле взмахнул руками и мгновенно превратился в огромный черный смерч. Голову закрутило в этом смерче, все завертелось перед его глазами. Мгновение – он очнулся в собственной постели, с открытыми глазами. В окно мягко светила идущая на ущерб луна. Была вторая половина ночи.

А вдруг мне все приснилось: не было никакого контакта, корабля, Дорна в Нуле, был очень яркий, необычный сон? – подумал голова с ужасом и облегчением одновременно. – Впрочем, это же легко проверить.

Председатель встал с кровати, прошел в соседнюю комнату и, включив настольную лампу, полез в письменный стол за шкатулкой. Руки его слегка дрожали. Вот она, деревянная шкатулка, украшенная декоративной резьбой. Голова откинул крышку – на дне шкатулки лежала пачка денег, перевязанная бумажной лентой. Голова нервно сглотнул – значит не сон, все на самом деле! Он аккуратно извлек деньги. Это были доллары, сотенные купюры. Приличная сумма. А для обычных жителей Кута – огромная!

Доллары. Как он ненавидел эту резаную зеленую бумагу, поработившую мир. Как он ее ненавидел, и в то же время – любил. Ненавидел и любил одновременно. Нет, об этом противоречии он старался не думать.

– Ну, чудик, ну, дохлак, Колька из Браммы, – тихо сказал голова, пересчитывая деньги.

В Доме Мертвых

– Рита?!

–Здравствуй, любимый! Ты узнал меня?!

Голос звучал из большого яйцевидного овала, сияющего мягким, матовым светом.

–Да, узнал, но как непривычно...

–Подожди, я приму земной облик.

–Это возможно?

– Конечно, – мягко сказала она, – это часть моей памяти о жизни на земле с тобой, это часть меня.

В матовом сиянии возникла его возлюбленная – она! она! Его Рита! Борис смотрел и не мог наглядеться на ту, которой уже почти восемь лет не было среди живых. Рита, жена, матушка. Она сейчас такая, какая была незадолго после их свадьбы – длинные русые волосы, румяная, немного полноватая, но свежая, подвижная, добрая – классическая матушка, как он тогда шутил. А как она заразительно смеялась...

– А Наташа где? – спросил он, очнувшись. – Почему ее нет с тобой, с ней все хорошо?

– С Наташей все хорошо, но она в особом месте. Далеко отсюда. Наташа – очень высокая душа. Она должна была нас вести, а не мы ее. Она не может быть здесь, как я, но она все равно с нами. Здесь это не имеет значения, где ты находишься в материальном смысле. Ты потом поймешь. А пока я тебе передам короткое послание от Наташи.

В уме отца Бориса тут же возникла картинка-воспоминание, мгновение – и он оказался внутри картинки. Он увидел свою дочь и увидел самого себя. Дочери тогда было четыре года, они гуляли в городском парке. Наташа была в своем джинсовом костюмчике, со слониками, на трехколесном велосипеде. Рядом с дочерью шел он; еще молодой, недавно ставший батюшкой. Отец Борис смотрел на самого себя и испытывал странное, малопонятное чувство. Он перевел взгляд на свою дочь. Наташа обернулась в его сторону. Она посмотрела прямо ему в глаза и сказала детским, но очень осмысленным голосом:

– Папа, со мной все хорошо. Я вернулась домой, к тем, кто очень давно меня знает и любит. Папа, ты не плачь, скоро мы увидимся, и ты все поймешь.

Картинка пропала. Перед ним опять была Рита.

– Наша смерть стала внезапной, там, в тоннеле, – сказала она. – Я тогда была сильно потрясена, я ничего не понимала. И дочь мне очень помогла, утешила меня. А потом явились сияющие существа, дочь с ними говорила. Потом ты приехал, серый от горя. Я пыталась тебе сказать: с нами теперь все хорошо. Не переживай за нас. Ты помнишь?

– Да, вспоминаю, я чувствовал тебя, чуть-чуть. Потом все пропало. Позже видел тебя и Наташу, в каком-то бредовом видении: вы молча стояли в сером, тоскливом тумане. Вокруг вас было пусто и уныло – я чуть тогда ума не лишился. Потом видел вас еще раз, во сне. Ты сказала мне тогда – у вас все хорошо. Мне было радостно за вас и тоскливо за себя; так не хотелось покидать вас и возвращаться в обычный серый мир. Вот почему я возобновил свою старую эзотерическую практику, с тайной надеждой видеть вас снова.

– Ты сделал правильно, – улыбнулась Рита. – И ты достиг больших успехов, ты здесь, в Доме Мертвых, но ты еще не умер на Земле... Любимый, я вижу красивый камень в твоём уме. Расскажи мне о нем, – внезапно попросила она.

Отец Борис тут же вспомнил ту тварь, в своей церкви. Охоту за камнем. Вспомнил, как нашел под старой рухлядью дешевую стеклянную брошь, в которую был заключен его тайный кристалл, камень, его Глаз. Охота была завершена, но что надо делать дальше, он не знал. И спросить было не у кого.

Он носился словно сумасшедший со своей дешевой стеклянной поделкой. Все время хранил брошь в кармане, тайно потирал ее пальцами; даже во время службы и исполнения треб. Во время сна зажимал брошь в кулаке, клал под подушку, под левое и правое ухо, привязывал ко лбу – тщетно. Ничего не менялось! Он выл от отчаянья, обвинял себя в безумии: как это так, степенный, уважающий себя батюшка носится со стеклянной брошью в кулаке! На шестой день, когда он окончательно себя извел и был готов выбросить стекляшку вон, собрать сумку и бежать из этой дыры куда подальше – внезапно пришло решение. Надо положить брошь под язык. Вначале решение показалось ему сомнительным – еще одно безумие. Но глубоко внутри он чувствовал, что именно так и стоит поступить.

Результат был ошеломляющим! Отец Борис с поразительной легкостью вышел из тела. Он парил над своим домом, селом: на этот раз видел все вокруг предельно четко и реалистично. Отец Борис ощущал безграничную свободу и силу. И яркий звездный ковер над головой манил его к себе.

А не посетить ли мне околоземное космическое пространство? – подумал отец Борис и, медленно подняв руки над головой, дал себе мысленную команду. И тут же взмыл ввысь, умчался ракетой в черную бездну.

Он почти уже достиг околоземного пространства (так ему казалось), как внезапно очутился в тоннеле. Это был мрачный, пустой коридор с дымчатыми темно-серыми стенами и высоким сводчатым потолком. От коридора веяло безутешной тоской. Отец Борис метнулся обратно и к своему ужасу обнаружил, что не может найти вход, через который попал в тоннель. Он долго летел в одну сторону, потом в другую – выхода не было, всюду был однообразный пустой коридор.

Отцу Борису стало жутко. Вся его жизнь промелькнула перед мысленным оком в какие-то секунды. А дальше представилось, как находят его мертвое тело с дешевой стеклянной брошью во рту (явный признак безумия перед смертью), и никто из живых не будет знать, что его подлинное «Я» обречено остаться в этом проклятом тоннеле навечно!

Ход его трагических мыслей прервало обнаруженное им бесформенное тряпье на полу. Отец Борис даже обрадовался своей находке – хоть какое-то разнообразие и напоминание об остатках жизни. Интересно, откуда здесь это, кто принес эти вещи сюда? Устало опустившись на дырявый матрас, он дал себе команду успокоиться. Сидел ли он на матрасе или лежал, спал ли, бодрствовал? Казалось, будто воды вечности сомкнулись над головой, прошли дни, недели. Внезапно он уловил отдаленное пятнышко света в конце коридора. Не раздумывая, кинулся к нему. Это был выход.

Отец Борис вылетел из тоннеля, словно пуля из ружейного ствола. И оказался в беспредметном светло-сером тумане. Он быстро двигался сквозь туман. Вскоре туман пропал. Открылся захватывающий душу простор, но кроме величественных облаков в этом просторе не было ничего. Облака парили друг над другом (ему почудилось, будто он попал внутрь гигантского слоистого пирога), он двинулся сквозь слои облаков. Каждый новый слой был все светлее и светлее. Где-то в отдалении звучала прекрасная музыка. Сложно было сказать, что это за музыка: хор, струнные инструменты, духовые, ветер или все вместе. Отцу Борису вспомнились райские облака, с ангелочками, святыми и Богом в виде старца. Такая роспись есть на одной из стен в кафедральном Соборе. Какую иронию у него эта картинка вызывала, особенно в начале служения. Детские, смешные представления о Боге и Рае. Но сейчас ему было не до иронии: а вдруг эти самые облака и есть Рай – еще немного и откроется величественный трон с Божеством. И Всеведающее грозное Божество вынесет ему окончательный приговор, за все его еретические мысли и деяния, за всю его эзотерику.

Облака и впрямь кончились, он вылетел в беспредельное пространство, освещенное ровным светом. Прямо перед ним парил в воздухе огромный прозрачный замок, похожий

на кристалл, на его Глаз. Он пролетел под большой хрустальной аркой и оказался внутри Замка. Но ни стен, ни потолка, ни комнат он не увидел. Над головой было пронзительно-синее, дневное небо с белыми барашками облаков. Яркие, сияющие шары, отдаленно напоминающие новогодние гирлянды, стремительно двигались среди облаков.

Один из шаров медленно спускался с «небес», по направлению к нему. Вблизи шар оказался яйцевидным овалом, излучающим матовый, как неоновая лампа, свет. В нескольких метрах от него овал-яйцо остановилось. Матовое сияние слегка потускнело. Отец Борис увидел глаза, они были в верхней, яйцевидной части овала. Глаза внимательно смотрели на него. Отца Бориса пронзило будто молнией. Он узнал эти единственные во Вселенной глаза, этот единственный взгляд...

Все это пронеслось в его уме за какие-то секунды. Пока он вспоминал, Рита читала его как раскрытую книгу. Какое-то время она молчала.

– Этот кристалл зовут Живоглаз, – сказала Она, – такая информация, больше ничего не знаю.

– Живоглаз, – медленно повторил отец Борис, – живой глаз, Живоглаз, очень интересное название... действительно, Глаз, только живой, мне нравится.

– Я боюсь за тебя – сказала Рита. – Будь осторожен с Живоглазом. Странными путями пришел к тебе этот камень. Ты знаешь, что кристалл тварь украла у вашего Николая, а где взял его Николай? Информация закрыта. Я боюсь, очень боюсь, как бы за всем этим не стояли недобрые силы.

– Черти с рогами, бесы, дьявол, – пытался пошутить отец Борис. Но Рита не была расположена шутить. На ее лице появилось беспокойство:

– Не призывай темную силу, любимый. Увы, ты всегда легкомысленно к этому относился, но хотя бы теперь не призывай.

– Прости, мне сложно привыкнуть к реальности сил зла. Ты же знаешь, я старый неисправимый прагматик. Мне все время кажется, будто все эти темные силы не больше чем наши ночные страхи... но да ты теперь лучше меня знаешь ответ на вопрос о существовании сил зла...

Она приложила палец к его губам.

– Не будем об этом, прости, дорогой. Все не так просто. Но ты со временем поймешь. Да, я знаю. Но и ты мог бы догадаться, ты же был в тоннеле.

На лице возлюбленной беспокойство сменилось тревогой. Нечто темное быстро прошло над ними, словно тень, словно стремительно летящее грозовое облако. Образ Риты подернулся зыбью.

– Будь острожен, – сказала она, – береги себя, любимый, приходи еще, но постарайся найти другой путь, в обход тоннеля. А если попросят Живоглаз, отдай. Не держи его ради того, чтобы видеть меня и Наташу. Сделаешь хуже и себе, и нам. Придет время, увидимся все. А пока, прощай.

– Рита! – крикнул он в отчаянье.

Все пропало. Он очнулся в том самом тоннеле, на грязном, дырявом матрасе, словно бож. Он с трудом поднялся и вместо того, чтобы лететь, побрел, еле-еле переставляя ноги, как тяжелобольной старик. Он брел наугад, в его голове беспорядочным роем носились хаотические мысли: образ его возлюбленной, подпернутый зыбью, странная тень, еще более странные намеки Риты по поводу сил зла... О, это все он спокойно обдумает, когда-нибудь. Главное, он встретил свою возлюбленную, да, и с Наташей все хорошо.

Отец Борис остановился. Сбоку, в стене, он заметил полоску света. Это была слегка приоткрытая дверь. Он толкнул ее. И очутился в своей комнате, где увидел самого себя, лежащего на кровати, на боку. На столе горел ночник. Мгновение – он вошел в тело. И тут же выплюнул изо рта Живоглаз.

Девять лет – десять дней

Ангелы превратились в больших огненных птиц с белыми крыльями, длинными оранжевыми хвостами и роскошными розовыми кисточками позади голов. Несколько мгновений белые огненные птицы смотрели на Дмитрия и его друзей, выгнув длинные, лебединые шеи – Дмитрий видел большие синие глаза, полные мудрости, аккуратные, чуть загнутые клювы.

Птицы взмахнули своими огромными крыльями. Ярко-красные лучи пронизали взвихрившийся воздух – Дмитрий и его друзья оказались как бы внутри огненного кольца, но огонь не жег, огонь был теплым, он навевал сон. Засыпая Дмитрий чувствовал, как его плавно поднимают на воздушных покрывалах. Все выше и выше...

– Вставайте, сони, восход солнца проспите.

Это был голос Капитана. Дмитрий открыл глаза. Он лежал на чистой и белой кровати. Рядом, на такой же кровати заворочался отец Иван, пробуждаясь. Чуть поодаль виднелась высокая фигура Капитана, он стоял, кутаясь в плащ, почти неотличимый от стража.

– Рад вас видеть снова, друзья.

– Капитан, ты?! – воскликнул Дмитрий.

Капитан молча кивнул.

– Мы на Холме?

Капитан опять кивнул.

– Долго спали? – поинтересовался отец Иван.

– Всю вторую половину дня, вечер и ночь.

– А ты как?

– Все расскажу. Но вначале встаньте, омойтесь и пойдем встречать солнце.

Они вышли на улицу. Это был северный склон Холма, хорошо знакомое место. За ними высилось здание – тот самый «замок», в котором они уже ночевали девять лет назад. Над замком «парил» огромный прозрачный купол, а еще выше вращалось ослепительное Золотое Веретено. Перед ними была та же лужайка с фонтаном в виде цветка иллюнурии.

Дмитрий огляделся – ничего не изменилось, такое ощущение, что они отсутствовали не девять лет, а девять дней.

Они вошли в лес и двинулись в сторону восточного склона. И тут же столкнулись с целой группой спешащих куда-то стражей.

– Кого мы видим, – воскликнул один из стражей, останавливаясь, – наши друзья-человеки идут встречать Солнце.

– Вот здорово, – воскликнули другие стражи и закружились вокруг людей, что-то напевая. Дмитрию на мгновение показалось, будто вокруг него закружился молодой весенний лес, запахло цветами.

Пропев свою песню, стражи остановились и обнялись с людьми, словно они были старыми друзьями, но ни один из стражей не был знаком Дмитрию и отцу Ивану. Капитан кое-кого знал и даже пытался приветствовать их на птичьем наречии этого народа. Стражи весело смеялись и хлопали Капитана по плечу.

Попрощавшись со стражами, друзья двинулись дальше, на восточный склон Холма. Какое-то время шли молча. Дмитрий первым нарушил молчание:

– Капитан, а ты здесь со многими стражами знаком? Ты даже что-то там пытался на их языке говорить.

– Знаком, – просто ответил Капитан. – Я тут неоднократно бывал без вас. Особенно в последние годы. Ну, а говорить на их языке пока совсем чуть-чуть получается. Слишком

уж наши органы речи не приспособлены для этих звуков. Гораздо легче мысленно звуки речи воспроизводить. Но я пока мысленно плохо улавливаю их речь, так, кое-что.

Отец Иван остановился.

– Ого, Капитан, это ты уже мысли можешь читать?! Ты становишься опасным собеседником, – батюшка захохотал.

– Пока нет, – отмахнулся Капитан, – не совсем еще могу. Да и главное не в чтении мыслей, главное понять, почувствовать стражей, это... это словно в сказку попадаешь. А слушать там какие-то мысли, зачем?

– Все же, как мало мы знаем об этом чудесном народе, – сказал Дмитрий.

– Ничего, – ответил Капитан, – теперь вы многое узнаете. Ну, идемте, Солнце просим.

Они вышли на Восточный склон, прошли немного вниз, у самой кромки леса сели на скамейку. Вид с восточного склона Холма также почти не изменился. По-прежнему колыхалась завеса, защитный покров мира стражей, спускаясь по крутому склону почти к подножью. И там, на границе светлого мира, виднелся все тот же домик Отшельника. А за Холмом, за защитной завесой лежал совсем другой мир – плоская свинцовая гладь Сумрачных земель. Тут тоже ничего не изменилось. Ну, разве что стало чуть меньше серого фона, четче выделялись отдельные фрагменты пейзажа и не так сильно клубились черные облака над Могильниками.

Далеко за Сумрачными землями восходило Солнце, прекрасное Солнце этого мира. Встающее светило раскрасило разноцветными красками линию холмов на горизонте. Друзья увидели Исток и лазурные воды Верхнего Моря. Казалось, лучи Истока льют свою силу прямо в восходящее светило, и сразу два солнца поднимаются над миром – одно на востоке, второе – немного южнее. И то, второе солнце, переливает свои благодатные лучи в первое. Друзья неподвижно и молча смотрели на завораживающую игру света, пока Солнце не поднялось выше, благословенное Истоком.

Дмитрий заметил одинокую птицу. Птица летела над Сумрачными землями – белая точка на фоне серой мглы. Тут же вспомнилось, как Отшельник превращался в чайку, вспомнились огненные Жар-птицы, вспомнились птицы, что поднимали их на Холм.

– Кстати, – нарушил молчание Дмитрий, – видите птицу, – он показал рукой. – Капитан, как тут вообще с птицами? В прошлое путешествие я помню только Отшельника в образе чайки. В это – огненные Жар-птицы. И сюда мы попали очень интересно. Вначале были ангелы, потом ангелы превратились в Жар-птиц. И стали нас поднимать вверх, каким-то непонятным способом; то ли на крыльях, то ли на воздушных потоках, что крылья создавали. Дальше я заснул.

Отец Иван удивленно посмотрел на Дмитрия.

– А я опять ничего не помню. Помню только, как говорили с Кленом про эту, про внучку колдуна. Потом заснул. И уже Капитан разбудил. Так что там за птицы с ангелами?

– Да это все стражи были, не переживайте, – засмеялся Капитан.

– Стражи?!

– Ну, ангелы, это твоя, Дмитрий, фантазия, а в птиц стражи умеют превращаться. Это для них немного сложнее, чем становиться деревьями. Деревья более соответствуют их внутренней сущности, чем птицы.

Дмитрий тут же вспомнил, что видел уже стражей в птичьем облике, только это было в Могильниках, девять лет назад. И птички те совсем не казались райскими. Тех птичек он поначалу принял за демонов. М-да. Место, кстати, тоже было очень жутким.

– Капитан, – сказал отец Иван, – что мы все о себе, да о себе, а ты как? Что с тобой было?

Капитан вкратце рассказал о том, как его затащило в Курган. О стремительном падении в бездну, о встрече с безликим Инспиратором, о маленьком Серебряном Деревце, которое вытащило его из ада. Стражи нашли его у подножия северного склона Холма, рядом с деревцем. Он был без сознания.

Какое-то время друзья молчали. Первым заговорил отец Иван:

– Бедный отец Борис. Крепко он влип со своей ночной эзотерикой и кражей Живоглаза... Друзья, получается, планы врага теперь частично нам известны?

– Да, – кивнул Капитан, – и главное, Инспиратор не видел вас.

– Как это понимать?

– Вы пока не входите в его замыслы. Он не воспринимает вас всерьез. Это, несомненно, удача... Скоро будет большой совет, здесь, на Холме. И мы будем на нем обязательно. А пока идемте завтракать.

Днем их посетил Серебряный с Кленом. И опять говорили о планах Инспиратора и о том, что отца Ивана и Дмитрия нет в его черном зеркале. И это тоже знак Союза. А вечером был торжественный ужин, в том самом зале, в котором они уже ужинали девять лет назад, перед походом в Сумрачные Земли. И опять Дмитрия не покидало чувство, будто прошло не девять лет, а всего-то девять дней. В мире стражей ничего не изменилось. И прекрасные напитки, и вкуснейшая печеная рыба, и изумительные песни – все было прежним. Если и произошли какие-то незначительные перемены, то эти перемены принесли именно они, гости. Да, теперь они были полноценными гостями. Теперь им незачем было спешить. Инспиратор недооценил не только их. Почему-то он недооценил и Живоглаз. Это давало небольшую передышку.

– Через одиннадцать дней, – сказал им Серебряный, – будет большой Совет. Если враг не вмешается и не сорвет планы. Будем надеяться на лучшее. Эти дни, до совета, очень важны для вас... для всех нас, для будущего Союза. Друзья-человеки научатся понимать стражей, и поняв нас, лучше поймут самих себя. Ведь мы имеем единый ствол. И этот единый ствол нашего дерева даст вам целостность, вы станете выше к Солнцу и глубже корнями в свою землю. Как могучие, мудрые деревья...

В самом конце ужина стражи подарили Дмитрию и отцу Ивану по живоглазу. Вручала камни сама Игуменья. Сияющие, многогранные кристаллы, и по форме, и по размерам напоминающие крупную каплю воды, были вставлены в изящную оправу, с двумя дужками на концах. К дужкам крепилась тонкая, почти незаметная веревка из приятного и очень упругого неизвестного материала.

– Эти камни живые, – сказала Игуменья. – Капитан дал им хорошее имя – Живоглаз. У этих камней есть еще свои, личные имена. Вы узнаете их, как только подружитесь с камнями. Прошу вас, друзья, оденьте их на кисть правой руки и не расставайтесь с ними. Это важно. У нас так мало времени. Камни помогут вам многое понять.

– У меня такой уже есть, – Капитан закатал рукав, на тыльной стороне кисти блеснул очень красивый, с голубоватыми отливами камень.

Дмитрий заметил, что его Живоглаз сияет цветом, напоминающим фиолетовый; у отца Ивана камень пылает пурпурными всполохами, как будто внутри камня горит огонь. Когда прохладные грани камня коснулись тыльной стороны руки Дмитрия, он почувствовал странное спокойствие и едва уловимую внутреннюю тишину.

Перед сном они обсудили с Капитаном дар стражей.

– Инспиратор сильно недооценивает Живоглаз, – сказал им Капитан. – Инспиратор боится Золотое Веретено: как же, новый невиданный источник энергии. В случае успешного внедрения возможны политические и экономические потрясения. Новая энергия, новые горизонты, кто его знает, как оно сложится. А вдруг люди обратятся к своим внутренним пространствам, вдруг деньги, страсти и страхи, на которых паразитируют пришельцы, утратят смысл... А Живоглаз, что? Инспиратор думает: один

единственный кристалл, пусть опасный и непредсказуемый; но один единственный. Инспиратор относится к камню как редкому оккультному артефакту или забавной игрушке. Как-нибудь он обязательно его изучит, на досуге. А пока он попытается использовать Живоглаз в руках бедного отца Бориса как приманку. Пусть поп-эзотерик поиграет с камнем, естественно под бдительным присмотром слуг Инспиратора... А ведь именно Живоглаза надо опасаться Инспиратору, Живоглаза, а не Веретено! – воскликнул Капитан. – Этот кристалл живой, и как все живое – непредсказуемый. Все что известно нам, это то, что как только Живоглаз привыкнет к нашему обыденному миру, он начнет стремительно распространяться, делиться, распадаться. Как бы разлетаться на мелкие солнечные брызги... Не знаю, как правильно объяснить... Но те, кого эти брызги коснутся, начнут меняться, обнаруживать в себе внутренние пространства, духовные дары. О, это будет большой процесс! Да, большой. Но как он будет идти, никто не знает, даже Серебряные Деревья.

Повисло минутное молчание.

– И что, все это будет? – спросил Дмитрий.

– Обязательно, – с жаром сказал Капитан, – но только, конечно, в случае если Союз людей и стражей состоится.

Больше друзья о Живоглазе и Союзе не говорили. Они легли спать. И вот тут-то проявились удивительные свойства камня. Засыпая, Дмитрий ощутил необычное безмолвие и сосредоточенность; он мог отстраненно наблюдать за первыми, неуловимыми образами, предшествующими сновидению. Образы растаяли, Дмитрий обнаружил себя в коридоре. Это был очень длинный коридор, похожий на офисный, если бы не высокий сводчатый потолок, в сумрачном готическом стиле. Дмитрий дошел до конца коридора и уперся в дверь – самая обычная дверь, обшитая темным дерматином. Потянув вниз ручку, он толкнул дверь. Она открылась. Дмитрий увидел небольшую комнату, освещенную тусклым, матовым светом. Он шагнул вперед и оказался в собственной квартире.

Зазвонил мобильный телефон. Звонил какой-то индуист. Дмитрий разговаривал с этим индуистом, как со старым знакомым. Разговор шел о практике сновидений, весьма странный разговор. Индуист советовал Дмитрию лечь на диван, полностью расслабиться и в момент близкий к засыпанию не забыть нарисовать в воображении коридор и дверь, дверь в сновидение.

Дмитрий лег на диван и тут же (даже не успел ничего вообразить) оказался на берегу реки, на набережной какого-то города. Дмитрий не спеша прогуливался по набережной, он был не один. Его попутчиком был сам Белодрев. Дмитрий его не видел, но точно знал, что это Белодрев. И еще он знал, что эта встреча с Белодревом у него не первая, вот тут, на этой самой набережной.

– Другой Берег, это то место, которое мы называем раем? – спросил его Дмитрий, продолжая прерванный в прошлый раз разговор.

– Пошли, – беззвучно ответил Белодрев, – и увидишь сам.

По реке, догоняя их, шла огромная прозрачная волна. Дмитрий и Белодрев прыгнули на эту волну и стремительно вознеслись вверх. Дальше начались совсем удивительные события, которых Дмитрий пока не мог понять и осмыслить. Белодрев что-то ему показывал, но что? Был ли это Другой Берег или что-то иное? Дмитрию смутно припоминались величественные шатры, парящие над белоснежными горами; и горы также парили в воздухе, не касаясь земли. И уже совсем смутно он помнил миры, лишенные горизонта, в которых светили величественные, незабываемые солнца, и самые удивительные, невозможные создания славили в этих мирах Творца.

И еще многое-много видел Дмитрий, и ночь казалась ему бесконечной. Но она окончилась. За ней потекли другие, насыщенные бесконечностью дни и ночи. Это была самая радостная и легкая бесконечность, бесконечность, пролетающая как миг, и миг,

длящийся как бесконечность. Все обычные измерения времени теряли свой смысл. Десять сказочных дней и ночей – до большого Совета и всех сопутствующих ему событий – длились как долгие и счастливые девять лет. А девять мучительных лет одиночества и расставания со стражами и Холмом казались теперь не длиннее, чем десять ненастных дней.

Смерть за левым плечом

Сегодня 18 февраля 2014 года, в центре Киева льется кровь и горит огонь, творится что-то невероятное. У нас пока спокойно, но атмосфера очень настороженная, под стать дню – пасмурному и промозглому.

Вчера я окончил первую часть второй истории Капитана. (Наконец-то!) А сегодня решил расслабиться, отвлечься от всего – и в первую очередь от того кошмара, что творится в центре Киева. Лучше всего это сделать в гостях у моего старого приятеля Индуиста (рассказ об этом замечательном человеке еще впереди). Только мы сели, только Индуист меня поздравил с прошедшим почти месяц назад днем рождения (для Индуиста сроки – полная условность, он может и через полгода поздравить), как нагрянул неожиданный гость, по имени Родион. А вместе с ним пришли новостные ленты... и все те «прелести», от которых я хотел спастись у Индуиста.

Родиону около сорока лет, он невысокого роста, плотного телосложения – смуглый, коротко стриженный, с круглым лицом и черными, немного бегающими глазами. Я знаю его уже больше двадцати лет, однако моим близким другом он так и не стал. Познакомил нас Кутерьма, или Игорь по паспорту.

О, давно это было. В нашем городе стали появляться книги Кастанеды (это были первые две книги, где автор описывал не столько еще «толтекскую магию», сколько свой опыт приема психоделиков). Кутерьма стал ярым «кастанедовцем». Меня Кастанеда как-то меньше пленил, а после того, как я прочитал «Розу Мира», стал к Кастанеде и вовсе настороженно относиться. Тем не менее, практики мы с Кутерьмой кое-какие делать пытались, под всякими доступными тогда нам веществами. Но быть единомышленником Кутерьме я не мог. Между нами были теплые душевные отношения, не больше. А вот Радик как раз и стал для Кутерьмы тем самым единомышленником.

Двадцать лет назад Родион был юношей с горящим взором – худющий, длинноволосый; потом бритый наголо, с кришнаитским хвостиком на затылке. Такой безумный типаж, я их называл «наши Джимми Морисоны» и недолго любил. Во всем их поведении мне виделась игра, желание шокировать во что бы то ни стало.

Через несколько лет после нашего знакомства Кутерьма, став обратно Игорем, уехал в Израиль. Родион сразу же пропал из моего поля общения. Встретились мы с ним спустя восемь лет, уже в другие времена, после «первой оранжевой революции». На тот момент все мои политические надежды рухнули. «Пророссийские силы», которые я поддерживал (на самом деле они даже и не были пророссийскими), проиграли. Даже внутри лагеря моих «единомышленников» не было единства. Я увидел, как политические страсти разобщают людей, делают их поверхностными. Я разочаровался в политике, разочаровался в самой идее быстрых и успешных социальных преобразований.

Я жаждал уединения, жаждал покоя. (Как раз только начал заниматься писательством, как мне тогда казалось – серьезно.) Я решил снова пойти работать сторожем, как в старые добрые «рокерские времена». Вскоре мне предложили охранять небольшую базу с цветным металлом. Место показалось спокойным (увы, чувство было ошибочным). Я согласился. И уже на второй смене увидел смутно знакомое лицо. Приглядевшись, не поверил своим глазам – это был Родион, и он работал на той же базе экспедитором.

Мир тесен – сказали мы тогда оба, пожимая руки друг другу. Родион изменился очень сильно, от прежнего «Радика» не осталось ничего – он пополнел, стал носить «нормальную» короткую стрижку и «нормальную» человеческую одежду, стал покупать дорогие мобильные телефоны и часами обсуждать со своими напарниками по работе эти самые телефоны, или «шмотки», «тачки», поездки на курорты. Мне с трудом верилось, что передо мной бывший безумный поклонник Кастанеды, тусовщик, «понтовик» и психонавт – Радик. Нет, передо мной была заурядная, скучная, мещанская личность.

Но я ошибся. «Радик» в Родионе не умер, только теперь для выхода Радика на сцену требовалась расслабляющая доза алкоголя. А еще лучше алкоголя с травой. Итак, стоило Родиону выпить и покурить, как он преображался в прежнего Радика. И начиналось представление. Родион вставал в картинную позу и громко заявлял, что все умрут, кроме него. Никто из присутствующих не думает о смерти, и потому их жизни бессмысленны, а смерть неизбежна. «Вы все обречены, – громко заявлял Радик пошатываясь и обводя рукой собутыльников. – Вы все умрете, а я не умру, я обману орла, того орла, что пожирает нашу энергию. Да, можно сказать, что я бессмертен, почти бессмертен...»

Окружающие собутыльники почти никак не реагировали на слова Радика. Видимо, уже привыкли к подобным сценам. Но на меня, при первом «просмотре» сцена произвела сильное впечатление. В «клоунаде Радика» было что-то очень трогательное, глубоко личное и интимное – по крайней мере, страх смерти был настоящим, его и пытался преодолеть Радик своими провокационными монологами – вы все умрете, а я бессмертен.

Для меня проблема смерти никогда остро не стояла. Я как-то всегда верил, что жизнь сознания и духа, моего высшего «Я» бесконечна, потому как вневременна. Родион же панически боялся того, что со смертью его тела исчезнет и он сам, превратится в ничто. Он считал, что все религии, обещающие бессмертие, подыгрывают человеческой слабости. И только в книгах Кастанеды он нашел то, что искал. Человек смертен, но он может стать бессмертным, развив в себе энергетические качества воина; такие как безупречность, второе внимание, неуязвимость перед миром, стирание личной истории и чувства собственной важности и смирение перед Бесконечностью. Все ради того, чтобы обмануть ненасытного орла и покинуть мир по своей воле, свободно, сгорев в тонком огне изнутри.

Иногда тему орла и бессмертия предваряла политическая тема. Политические разговоры были для меня подлинным мучением. Избегнуть подобных разговоров я не мог – не уходить же с рабочего места. А дело в том, что Родион оказался убежденным «оранжевым». Это было самым неприятным открытием. Узнав, что я поддерживал противоположный лагерь и вообще имею пророссийские настроения, Родион полностью переключился на мою персону. Он буквально не давал мне прохода. При всяком удобном случае он подчеркивал, насколько Россия грязная, неустроенная, тоталитарная и несвободная – больной зуб планеты, удалив который все заживут счастливо и демократично. А лучше всех заживет Украина, потому как больше всех пострадала от «российской оккупации».

Между разговорами на тему бессмертия и разговорами о политике зияла такая пропасть, что с трудом верилось, что все это произносит одна и та же личность. Когда Радик, пошатываясь, заявлял «вы все умрете», он был похож на героического клоуна, на юродивого; когда же разговор заходил о политике, я видел только мелкого мещанина.

За три года работы на «базе» мне так и не удалось пообщаться с Родионом нормально, наедине. Родион охотно критиковал меня прилюдно и в то же время всячески избегал личной встречи со мной. Возможно, я своей вопиющей творческой непрактичностью напоминал ему какие-то собственные упущенные возможности... Возможно. Не знаю.

Я уволился и не видел его несколько лет. Пока опять не произошла неожиданная встреча у одного моего церковного знакомого, занимающегося книжным бизнесом. Мы

сидели, пили чай, тут появился Родион, принес книгу святителя Игнатия Брянчанинова «Слово о смерти».

Я отметил про себя, что Радик еще чуть-чуть пополнил и стал выглядеть более респектабельно – на круглом лице небольшая аккуратная бородка, на глазах очки в дорогой оправе с дымчатыми стеклами. Родион поздоровался с нами и попросил на «два слова» хозяина квартиры. Они вышли в комнату. Минут через пять хозяин вернулся и сказал, что Радик ушел.

– Книга Брянчанинова о смерти ему понравилась. И он попросил еще что-то из творений этого святителя. Я ему дал книгу «О мире душевном». Думаю, это будет ему очень полезно, почитать о мире душевном.

– Мира нет в душе? – спросил я.

– Странный он какой-то, – ответил хозяин квартиры. Зациклило его на теме смерти и бессмертия, понимаемых в самом вульгарном оккультном смысле. Наподобие бессмертных монахов шаолиня. Он и меня спрашивал: мол, есть ли у нас в православных монастырях монахи, которые практикует физическое бессмертие.

– Бедняга, – снисходительно сказал один из присутствующих, по имени Олег, – это его Кастанеда до ручки довел.

– Но как он Брянчанинова читать начал? – спросил я. – Это же довольно сложный автор.

– Да так, – пожал плечами хозяин, – она лежала у меня на столе, он увидел в заглавии слово «смерть», ну и стал просить почитать. Я вначале не хотел давать, потом дал, думаю, все равно назад принесет, не сможет читать. Ну, Слава Богу, ошибся.

– Да, помни о смерти, – сказал я. – У Радика это как-то перехлестнулось с темой смерти по Кастанеде. Кастанеда называл смерть главным советчиком.

– Все смерть, смерть, – недовольно пробурчал Олег, – а где жизнь, где духовная радость, где духовный свет?!

Далее разговор пошел на тему – прав или не прав был дьякон Кураев, когда заявил, что книги святителя Игнатия Брянчанинова пора поставить на полку. Показного «монашеского смирения» и без того хватает – черные одеяния, опущенные в землю угрюмые лица, мысли о смерти...

И вот новая, и опять неожиданная встреча, на этот раз на кухне Индуиста.

– Радик, ты как, стал православным? – спрашиваю я.

– Да, я иногда хожу в церковь, – рассеянно отвечает Родион, – только не в вашу, эту, Московского Патриархата, а в нашу, украинскую, на Садовую.

– Ясно, к «*филаретовцам*»³. А «наша» чем тебе не нравится? Политика?

– При чем здесь политика? – обижается Радик. – Я вначале и пошел в вашу, как все. Хотел с епископом на духовные темы поговорить, а он сидит, развалился на скамейке, толстый, не объедешь. Вам чего? И смотрит так, будто я его холоп. И это духовный пастырь? Я развернулся и ушел, ничего не сказал.

– А на Садовой епископ лучше?

Радик морщится:

– Тоже еще тот, бандит.

– Так в чем тогда тема? – спрашивает Индуист, – везде так, даже у кришнаитов.

– Не хочу быть обусловленным вашим Московским Патриархатом и квасным российским патриотизмом.

– Хорошо, а Россия чем тебя лично обуславливает?

³ «Филаретовцы» – этим термином обозначают прихожан Украинской Православной Церкви «Киевского Патриархата», не признанной другими Поместными Церквями. Во главе УПЦ КП стоит раскольник «патриарх» Филарет. Отсюда и термин «Филаретовцы».

– Россия и вообще... так называемая любовь к Родине, это пустая иллюзия, потеря энергии... Впрочем, ваши проблемы, не мои. Я здесь свободен.

– Свободен? А майдан в Киеве разве тебя не обуславливает? – спрашивает Индуист. Ты только о нем и говоришь.

– Нет! – почти кричит Радик. – В отличии от дебилов и малолеток, играющих в бандеровцев, я не смотрю на майдан ради майдана.

– Так в чем причина? – спрашиваю я как можно более мягким голосом.

Родион несколько минут молчит, потом говорит тихим, глухим голосом.

– Причина в том, что вы верите в бессмертие, а я нет... Никто меня не понимает, ни христиане, ни кришнаиты, ни материалисты... даже любители Кастнеды не въезжают. Все мои поступки, они не просто так. Они руководствуются только тем, что смерть стоит за моим левым плечом. Да-да, прямо за моим левым плечом. И за вами стоит смерть, но вы это отрицаете, потому что верите в бессмертие. Но вы никак не поймете, что бессмертие, Рай, перевоплощения – это только слова. Слова! Никто не может это ни доказать, ни опровергнуть. А смерть она очевидна. Это самое очевидное, что есть в этом мире! Вот почему я играю, провоцирую. Я, как и все, могу в любую минуту умереть. Я знаю, что у меня почти нет шансов стать бессмертным. Поэтому я играю, я обманываю смерть...

Пищит телефон, Родиону приходит СМС сообщение. Прочитав его, он встает и быстро одевается. Уже в дверях машет нам рукой:

– Пора делать революцию. Бывайте. Бухайте дальше. Оставайтесь со своим серым быдлом. А я иду туда, где огонь, – пафосно заканчивает Родион и уходит.

Стоим с Индуистом на балконе, курим. В сквере с бюстом погибшего украинского националиста Чорновола, кажется, сход националистов. Сквер где-то метрах в ста от нас. В вечерних сумерках видно небольшую, но агрессивную толпу (пытаемся высмотреть в ней Родиона – бесполезно, ничего не разглядеть). Над сквером красные всполохи зловещего огня. Жгут файера, или что там у них. Индуист рассказывает мне о том, что даже в кришнаитском храме произошел раскол на сторонников и противников «майдана». А я закрываю глаза – передо мной все стоит «фото» из ноутбука Индуиста: стена огня перед каким-то зданием и в этом огне сгорает человек, в форме «беркутовца»... И никуда не деться от этой страшной картинки.

Два мира

Это был большой человеческий город, очень большой. Увиденное его потрясло. Пейзаж вокруг напоминал мрачные иллюминации Кургана Тьмы. Пестрый знал, что находится сейчас почти в самом центре города. Около него мельтешили человеки, много человеков, очень много! Человеки вели себя так, будто наелись плесени Забвения.

Одни из них скрывали лица под низко опущенными капюшонами и темными платками. В этом маскараде они чем-то напоминали агентов с Кургана, когда те принимают зримый образ – те же капюшоны и темные шлейфы вместо лиц. Другие были затянуты в одинаковые темно-синие и черные костюмы, с какими-то латами, как у гномов. В руках у них были щиты, на головах каски.

Над улицей клубился густой черный дым. Был день, но казалось, что на землю опустились глубокие вечерние сумерки. Всюду горел огонь, грубый злой огонь, что и выталкивал из себя клубы дыма. «Агенты Кургана» метали этот огонь в людей со щитами, касками и в латах. Те в ответ стреляли по толпе какими-то шариками, из шариков выходил ядовитый сизый дым. Но силы были неравны. «Агенты Кургана» постепенно оттесняли «закованных в латы» к дому, объятому огнем.

Пестрый увидел, как один из сосудов с огнем упал прямо на человека «в латах». Огонь тут же охватил ему голову и спину. Человек сорвал с себя каску и закричал, корчась и пытаясь сбить пламя. Его боль тут же передалась Пестрому. Страж задохнулся, упал на брусчатую мостовую, беззвучно открывая рот. Оранжевая стена огня рухнула на него прямо с черных небес, и он проснулся.

Но огонь так и стоял перед глазами, сквозь его оранжевые языки смутно проглядывала небольшая комнатка в доме Капитана. И крик продолжал звучать в ушах. Только теперь голос был ему знаком – это кричала Раорира. Огонь пришел сюда, прямо из его сновидения.

Пестрый выбежал во двор и едва не сел на землю от отчаянья. Полыхала пристройка с Золотым Веретеном. Огромные языки пламени с треском и гулом пожирали крышу зыбкого деревянного строения. Пестрый вспомнил сосуды с огнем из своего сновидения. Кажется, люди называют их коктейли... еще какое-то слово, впрочем, сейчас не важно. Видимо, один из таких коктейлей и угодил прямо на пристройку. В любой момент может произойти одно из двух – обвалится крыша и погребет под собой Золотое Веретено, или огонь перекинется на сам дом.

Что делать? Спасать дом или спасать Золотое Веретено? Нелегкий выбор. И на помощь никто не придет. Хоть село рядом, но завеса Раориры делает свое дело. Если огонь и виден с окраины села, то, скорее всего, его примут за самый обычный костер в ночной степи. И Холм далеко. Надеяться не на кого.

Раорира погрузилась в безмолвный разговор с Серебряными Деревьями на Холме. Где-то вдалеке раздался гул грома. Пестрый смутно подумал об Отшельнике (да, он бы мог помочь) и распахнул двери пристройки. Он принял решение – надо спасать Веретено.

В лицо ударили клубы едкого дыма. Огонь забушевал с новой силой. Закрыв лицо рукавом, Пестрый шагнул внутрь пристройки и тут же скрылся в дыму. Дальнейшее он помнил смутно. Помнил, что Веретено в густой дымной пелене напомнило ему едва различимую золотую ниточку. Помнил, как почти теряя сознание, отыскивал на ощупь главный кристалл, вмонтированный в стену. И отыскал, вывернул его. А затем окончательно погрузился в черное забытие.

Очнувшись, он почувствовал прохладные струи воды, что текли по его лицу. Совсем рядом грохотал гром. Чьи-то горячие, сильные руки бережно подняли его, повели в дом. Пестрый с трудом дышал, каждый вдох давался с болью и кашлем, ужасно болела голова, глаза застилал липкий белесый туман, вызывающий тошноту. Его уложили в постель. Дали какой-то напиток. Пестрый погрузился в глубокий сон без сновидений.

Проснулся он оттого, что услышал, как кто-то зовет его, называя по имени на родном языке. Пестрый медленно открыл глаза и увидел Отшельника. Он сидел у окна в легком, плетеном кресле. Лучи Солнца падали на копну волос на его голове, отчего казалось, что над головой золотая радуга.

Отшельник внимательно посмотрел на Пестрого и рассмеялся.

Минут через десять они пили чай. Отшельник, помешивая ложечкой мед, говорил:

– Это был поджог. Бутылка с зажигательной смесью упала прямо на крышу. Было еще три или четыре бутылки. Но они не долетели, они даже толком не загорелись. А одна – точно на крышу. Пристройка сгорела подчистую, но Золотое Веретено ты спас. Герой, герой!

– Все же, насчет поджога, – сказал Пестрый, – это ясно, я тоже так подумал. Но как же тогда завеса Раориры?

– А что завеса Раориры? Завеса не создает физическую преграду, ты это знаешь. Преграда возникает исключительно внутри ума; ну и на эмоциональном уровне. Внутри ума преграда действует как отвод мыслей, переключая мышление на что-то другое. А на эмоциональном уровне возникает тревога, беспокойство.

– Это я знаю, – грустно вздохнул Пестрый, – но ведь поджигатели как-то прошли.

– А вот тут самое главное, – Отшельник отхлебнул чай, сладко зажмурился. – Итак, для того чтобы пройти преграду, надо максимально погасить ум и отключить эмоции. Тогда Раорира бессильна. Но тут же растет другой вопрос: как можно, товарищ Пестрый, с отключенным умом действовать целенаправленно? Куда-то вообще идти? Оказывается, можно! Если телом управляют извне. Как куклой. В идеальном смысле это, как люди говорят...

– Зомби! – воскликнул Пестрый и закашлялся.

– Точно, зомби, – Отшельник засмеялся и похлопал Пестрого по спине. – Ну, друг мой, ты прекрасно в человеческий образ вжился. Молодец! Только не кашляй, береги себя. Итак, зомби. Вот и подобрался ключик к ларчику.

Отшельник яростно сверкнул глазами, прошелся по комнате и снова сел.

– Поджигатели были смертельно пьяны, они едва стояли на ногах. То есть, были близки к состоянию зомби. Еще удивительно, как они вообще попали в крышу. Ну, а кто управлял этими бедными куклами, думаю, не секрет. Пришельцы с Кургана. Гораздо интереснее, кто их нанимал. А нанимал местный голова сельсовета.

– Для Капитана это плохо, – сказал Пестрый, – Он же начальник села. И в сговоре с врагами.

– Плохо, – подтвердил Отшельник. – Но, думаю, местный голова сельсовета нам не будет вредить. Пришельцам он больше не нужен. Да и не дотога им сейчас. Тут дела интереснее начинаются. Это еще раз говорит: время Союза близко как никогда. А пока, вот, взгляни, может быть здесь наша надежда.

Отшельник извлек из внутреннего кармана аккуратно сложенный платок. Развернул. Внутри платка оказался маленький «новорожденный» Живоглаз, и по размерам, и по форме напоминающий крупную каплю воды.

– Это я нашел в сумочке, у одного из представителей серого народа. Серый был без сознания, буквально в ста метрах от этого дома. Как он там оказался и что делал, и главное: как у него оказался новорожденный кристалл – я не знаю. Знаю только, он не был с пришельцами. Это дает нам огромную надежду. Если это так.

– Да, если Живоглаз стал делиться, стал дарить себя, значит, все уже начинается! – воскликнул Пестрый и снова закашлялся.

– Верно, начинается – согласился Отшельник, – но вот только почему представитель серого народа нашел камень? Да, загадка. И мне надо срочно торопиться искать отгадку. Как только ее найду, я тебе скажу. А пока отдыхай, товарищ Пестрый, и до скорой встречи.

Дмитрий наслаждался неподвижностью. Телесная неподвижность давала ему незнакомое ранее ощущение покоя и внутренней силы, непередаваемое чувство единства со всем, что его окружало.

Он не был совсем неподвижным, он медленно рос. В движении роста проявляло себя неизменное стремление к Солнцу – высшей цели, высшему смыслу пути. Он видел Солнце как ослепительную, величественную сферу, заключающую в себе три равные сферы. Каждая из сфер вмещала в себя две остальные, сферы были совершенно различны и едины, одновременно. Каждая из них содержала в себе свой неповторимый блеск и являлась неразделимой частью целого. Рядом с Солнцем светили три яркие звезды, они будто венчали Солнце короной.

Дмитрий не только видел Солнце, он еще и слышал его. Каждая из сфер производила неповторимый, чудесный звук. Все вместе сливалось в величественную симфонию, не сравнимую ни с чем, ранее слышанным.

Дмитрий шел к Солнцу, и возрастал в любви к Матери-Земле. Чем ближе он был к светилу, тем сильнее чувствовал живительную прохладу Земли, Ее токи и силу. А вот движущиеся создания, ходящие на двух ногах или четырех лапах, он пока воспринимал с трудом, лишь улавливал их бледные, быстротекущие тени. Всевидящий взор Дмитрия выхватил одну тень, спешащую к нему. С этой тенью он был связан дружественными узами, она была дорога ему. Дмитрий покинул состояние неподвижности и снова стал собой. Вскоре раздался голос отца Ивана:

– А-а, Дима, друг мой, ты здесь.

Дмитрий молча махнул рукой, приглашая отца Ивана присесть рядом с ним. Батюшка внимательно посмотрел в лицо Дмитрию:

– Да ты весь светишься! Что-то такое пережил?

– Знаешь, – сказал Дмитрий, волнуясь и подбирая слова, – кажется, у меня только что получилось... я только что был деревом.

– Был деревом, как? Был в сознании дерева, или полностью, телесно, воплотился в дерево? Ну, как стражи делают.

– Не знаю, – пожал плечами Дмитрий, – ощущал неподвижность во всем теле, но не могу сказать, что тело мое стало древесным. Чувствовал, видел мир, точно как здешние деревья. Ощущение непостижимое! Все привычные вещи и понятия совершенно иначе смотрятся, как будто видишь все в первый раз. Даже Солнце совсем не такое, к какому мы привыкли. Три непередаваемые сферы, и все это одна сфера... и музыка, музыка. И это Солнце! – Дмитрий вздохнул, – Представить себе не мог, что можно так мир воспринимать. Все по-другому, землю, все! А нас, ходящих на ногах – как быстробегущие мимолетные тени.

Отец Иван улыбнулся

– Что ж, Дима, поздравляю, ты наполовину страж.

Они погрузились в молчание. Пребывать друг с другом в молчании стало для них делом привычным. Здесь, на Холме, они научились улавливать малейшие движения души друг друга.

Вот и сейчас Дмитрий чувствовал, что батюшка немного тревожен, напряжен. Жить здесь, в мире стражей, в сказке, конечно же, ему нравится. А вот связь с тем миром, откуда они пришли, беспокоит его все сильнее и сильнее. Словно кто-то дергает его сзади за ниточку, вытягивает душу. Все это вертится вокруг возрастающего беспокойства о своей семье. Беспокойная тревога и омрачает сказку отца Ивана. Это Дмитрию гораздо легче, он не семейный. У него нет никаких серьезных дел и связей в мире людей.

«Да» – отвечал ему отец Иван из глубины своего безмолвия. – «Тебе легче, тебя ничего не держит. А я не могу даже здесь быть целостным существом».

«Я тоже пока не целостен. Вот Капитан, пожалуй, уже достиг целостности».

«И ты достигнешь. Тебе удастся многое. Впрочем, и у меня есть кое-какие наработки. Я напоминаю себе стрелу, летящую к одной единственной цели. К своему Творцу. Поэтому, наверное, я больше Космос люблю, чем деревья...»

Отец Иван пошевелился и сказал:

– Узнал, кстати, как народ Лэйи в космосе путешествует. Сказка, конечно. Тело в защитный кокон облекается, как у гусениц, перед тем как бабочкой стать. И не только отдельное тело. Тот город, что ты видел, он тоже может покрываться защитным коконом и превращаться в большой космический корабль. А потом этот кокон входит в луч света. И становится частью световой волны. Так и путешествует на лучах «звезды по имени Солнце». А некоторые – и на лучах иных звезд.

Друзья опять погрузились в безмолвие. Они сидели долго, пока закатное Солнце не коснулось своим диском темного облака, висящего над западным горизонтом. Солнечные лучи пронзили темно-серую облачную «вату», и «вата» вспыхнула снизу красноватым пламенем, словно кто-то ее поджег.

Необычным было то, что туча висела далеко за «миром Браммы», над смертным человеческим миром, откуда они пришли сами. Этот мир лишен красок: если смотреть с Холма (откуда смотрели они), он выглядит как черно-белая фотография. А тут вдруг прорезался яркий оранжево-красный цвет. Казалось бы, радоваться, но что-то тревожно стало на душе от такой картины.

– Знамение, – тихо проговорил отец Иван. – Сегодня ночью может что-то случиться в селе. Или в окрестностях, такое ощущение у меня. У тебя нет?

– Не знаю, – сказал Дмитрий. – На душе тревожно. Сейчас только я ощутил страшный контраст между двумя мирами: этим, где мы с тобой, и тем, нашим миром, полным лжи и насилия. И в тот мир нам обязательно надо будет возвращаться.

Шимасса из народа рамяусты

Сон оказался явью!

Краснокутовский поп на самом деле душил его своей страшной лапищей, а другой лапищей шарил вокруг него, искал Живоглаз. Шимасса плохо помнил, как очутился в другом конце здания. Он стоял, прислонившись головой к холодной стене, все внутри него кричало: Живоглаз! Живоглаз остался там! В норе с попом!

Шимасса осторожно двинулся назад, в подклеть. Лапы у него предательски тряслись, сердце бешено колотилось. Но в подклети стояла гробовая тишина, никого. Священник исчез... Живоглаз?!!

Он знал, знал прекрасно, что Живоглаза нет, отец Борис его забрал и ушел (иначе бы не ушел). И все равно он кинулся под топчан в отчаянной надежде – а вдруг, вдруг камень куда-то закатился, вдруг поп его так и не нашел.

Нет, нет ничего, ничего нет!.. Шимасса шарил, шарил лапами по всему полу каморки, по углам, зачем-то полез в шкаф – метался по подклети как одержимый, наконец, упал на топчан и долго лежал без движений. Только беззвучно плакал:

– Бедный, бедный Шимасса, уа-а! Бедный, несчастный Шимасса, уа-а!

Никогда еще Шимасса так не жалел себя:

– Проклятая жизнь, проклятая судьба, проклятый народ, – мысленно причитал он. – Но почему так?! За что?! Что я такого сделал?! Почему всё против меня?! Почему я не родился в хорошем месте, в хорошем народе, где всегда тепло, сыто и уютно? И где нет ужасных пришельцев и попов.

– Бедный, мертвый Шимасса. Да, теперь он мертвый, без своего сокровища, без Живоглаза. И теперь ему все равно. Он будет лежать здесь, пока не умрет или пока пришельцы не заберут его в темное рабство. Ему все равно. Мертвый, мертвый Шимасса...

Он престал плакать и как будто окаменел. Словно и действительно умер. Мысли стали бессвязными. Кто-то еще продолжал рыдать внутри него протяжным воем с кошачьими интонациями: бедный, несчастный, мертвый... Но постепенно этот голос затихал. В голове носились обрывки мыслей. И вдруг, так ярко-ярко вспомнилась слегка приоткрытая дверь в сером тоннеле – ее он видел в чудном видении, которое подарил ему Живоглаз – через дверь льются солнечные лучи... и запах детства.

Шимассе стало хорошо и спокойно, будто и не он рыдал только что. Он даже немного задремал, а проснулся с мыслью, что все не так уж и плохо. Теперь пришельцы, возможно,

оставят его в покое. Камень-то у попа, пускай за ним и охотятся. Шимасса не спеша встал, потянулся и тут только почувствовал, насколько голоден. Он не ел с того самого дня, как украл камень. Пора высунуть нос из норы. Шимасса посмотрел в окно, принюхался. На дворе первые вечерние сумерки. Это хорошо. В сумерках Шимасса далеко видит, видит хорошо. И пришельцы в сумерках отчетливо видны – грязные, тяжелые тени, грузно порхающие или свисающие с ветвей деревьев.

Подождав еще немного, пока сумерки не сгустятся, он осторожно покинул брошенный детский садик. Став в глубокую тень, под козырек служебного входа, он замер, слился с сумерками, весь обратился в зрение и слух. Пришельцев не было видно нигде. Он обошел все здание, просмотрел все деревья и закоулки – никого. Шимасса едва не завопил от восторга. Немного постояв, он скользнул едва уловимой тенью к ближайшему жилому дому. Удача была на его стороне. Никогда еще он не был таким смелым, дерзким и одновременно осторожным. То ли короткое общение с Живоглазом так его укрепило, то ли перенесенные страдания.

Он без труда своровал еду. Проник в следующий дом, также взял немного еды. И легко проскользнув мимо своих глупых сородичей (они ничего и не поняли), вернулся в садик. Весь следующий день и ночь он спал и ел. А еще через ночь совершил путешествие по селу, снова набрал еды. Спустя несколько дней Шимасса предпринял еще одно путешествие. Он выбрал самое опасное направление: в сторону Кургана и Браммы. По этому пути он прибыл в село, когда бежал из плена, и больше никогда в эту сторону не ходил. И сейчас боялся идти; но в то же время словно что-то толкало его к походу, некая неведомая сила.

Шимасса дошел почти до конца улицы. Осмотрелся. Нырнул во двор ближайшего дома, прокрался в дом. И вдруг ощутил запах пришельцев. О, этот ужасный запах ни с чем не спутаешь. Так мог бы, наверное, пахнуть сырой, ржавый металл вперемешку с гниющей органикой где-нибудь на болоте. Запах был не особенно сильным, значит, или пришельцы ушли, или их присутствие незначительно – какая-нибудь мелочь в единственном экземпляре, самое рядовое звено их дорна. Шимасса осторожно, почти не дыша, пробрался в комнату. Именно отсюда шел запах. В прежнее время он бы давно в ужасе унес из этого дома свои лапы. Он и сейчас боялся, очень боялся, но почему-то не бежал. Шимассу вело новое, незнакомое чувство, и оно было сильнее страха.

Пришелец был здесь: небольшая, темная, желеобразная масса склонилась над спящим человеческим ребенком, мальчиком лет шести-семи. Масса колыхалась, тускло вспыхивала трупными багровыми огоньками, она почти закрыла собой спящего. Там, где должна была быть предполагаемая голова чудовища, выходила тонкая гибкая трубочка и впивалась в грудную клетку ребенка, в самый центр, в солнечное сплетение. Пришелец не торопясь всасывал в себя жизненную силу своей жертвы. Ребенок выглядел болезненным, бледным, он беспокойно крутился, вздрагивал, не в силах прервать тяжелые сновидения.

Шимасса какие-то секунды смотрел на тварь, буквально пожирая ее глазами. И вдруг он резко прыгнул вперед, прыгнул прямо на пришельца, вцепился в него когтями, рванул. Тварь забилась, зашипела в его лапах как дырявый шланг и лопнула, оставив после себя кислое холодное облако. Шимасса долго глядел на свои лапы: он пытался понять, что с ним только что произошло? Как у него хватило решимости напасть на пришельца, как?! Он никогда ни на кого не нападал, он всегда прятался, всегда боялся, даже своих грубых и глупых родичей боялся. Что уж тут говорить о пришельцах. Весь смысл его существования можно было выразить тремя словами: украл, убежал, затаился. Вся жизнь Шимассы никогда не выходила за пределы его маленького, всегда боязливого, дрожащего мирка. Как и положено представителю его несчастного народа, всю жизнь он плакал и жаловался на судьбу... И вдруг.

Откуда это безумие? Неужели ему стало так жалко человеческого детеныша? Вряд ли. В рабстве у пришельцев он и не такое видел. И ему даже в голову не приходило напасть на мучителей. Как раз, напротив, хотелось бежать, спрятаться, забиться в угол и там дрожать. И всегда при виде пришельцев хотелось бежать и прятаться. И вдруг! Такое!

Я схожу с ума, – подумал Шимасса. – Я становлюсь, становлюсь... – он напряг свои «библиотечные» мозги, подыскивая подходящее слово. И слово пришло к нему; странное, необычное слово. Слово не просто пришло, оно прозвучало где-то глубоко внутри, кто-то произнес его, прошептал далеким и таким близким голосом. Но это не был его собственный голос. Шимасса даже на миг испугался.

– Рамяусты, – медленно повторил он. – Я становлюсь, как... рамяусты... у-а-а, какое странное слово... рамяусты...

Шимасса повторил слово еще раз, запоминая, и ловко выскользнул из дома. До своего жилища добрался без приключений. Поев, он стал вспоминать, где мог услышать про рамяустов, кто это или что это?

После долгого размышления он пришел к неутешительным выводам – слово ему совершенно незнакомо. Ни в человеческих книгах он такое слово не встречал, ни в рассказах дедушки. И все же некоторое смутное чувство говорило Шимассе, что вспоминать надо именно рассказы дедушки. Но, собственно, что тут вспоминать? Рассказывал дедушка не так уж много, то, что и так общеизвестно. Почти каждый Серый, если совсем не одичал, знает:

Они беглецы, скитальцы, они почти не помнят свою историю, даже имя свое забыли! Несчастный народ, у-а-а! Известно только то, что в незапамятные времена они были хранителями какого-то очага. Люди их почитали. А потом у людей появилась другая религия, появились попы, и нормальная жизнь его народа закончилась. Дальше только страдания. Связь между их бытием, очагом и людьми была разрушена, они стали не нужны и были обречены на изгнание. Оборванные, они голодали и скитались, у-а-а, бедные, несчастные. Им пришлось воровать. Они стали легкой добычей темных сил. Боязливые и всюду гонимые, бесцветные создания, несчастный народ... А вдруг, вдруг рамяусты и есть потерянное имя его народа?

Шимасса испуганно оглянулся, ему стало не по себе, даже в жар кинуло.

Но откуда мне знать, что это слово именно потерянное имя? Может, просто слово, обычное пустое слово... Нет, не просто, ничего не просто. Просто так такие слова не приходят. А он общался с чудесным камнем, мало ли что камень в нем разбудил. И он убил пришельца. До камня такое бы было невозможно.

– Ах, Живоглаз, как мне не хватает тебя, – вздохнул Шимасса. И вдруг понял, и удивился тому, как раньше столь очевидное не понимал: Живоглаз не принадлежит ни ему, ни попу, ни пришельцам. Живоглаз сам по себе: он никому не принадлежит и сам себя дарит, кому хочет.

Шимасса улыбнулся. И лег спать. Он был счастливый, сам не зная отчего. Последнее, о чем он подумал, засыпая, это о лесном народе. Говорят, у них очень длинная память, только они могут знать, что это за слово Шимасса нашел. А встретить лесных жителей можно у человека, у которого он украл Живоглаз. Они, лесные, называют его – Капитан. Шимасса сам видел их, и не раз, когда ход копал. Они страшные, но не так, как пришельцы. Пришельцы – тьма, лесной народ – свет, огонь. Огонь может быть страшен, но это не тьма. Шимасса больше не боится огонь.

Засыпая, он улыбался. Ему снилось, будто в его подклеть залетела звезда и упала прямо под кровать. Сон на этом оборвался. Он снова заснул. И снова во сне увидел, как в подклеть залетает звездочка и падает под кровать.

Шимасса проснулся и сразу полез под свой топчан. И там, в темноте, что-то блестело. Он аккуратно протянул дрожащую от волнения лапу, взял блестящий предмет. Это был Живоглаз!

Шимасса едва не завопил на все село от радости.

Живоглаз!!! Живоглаз вернулся к нему, но как?!

Шимасса подумал, что это осколок того Живоглаза: но нет, камень был ровной каплевидной формы, без единого скола. Это был полноценный кристалл, Живоглаз, только маленький.

Он долго водил лапами по камню, урчал от блаженства, привыкал к новорожденному Живоглазу, а Живоглаз привыкал к нему. Шимасса немного поблуждал среди оживших ярких воспоминаний из детства. Однако что-то его постоянно тревожило, он пытался мучительно вспомнить. И вот, стоя у приоткрытой двери и подставляя лапы чистому солнечному свету с запахом детства, он вспомнил то странное слово, что нашел вчера – рамяусты.

Рамяусты – несколько раз повторил Шимасса и вдруг увидел странную картину. Прямо перед ним пылал огонь, необъятный огонь, огонь до самого неба – ровный, чистый, спокойный и очень яркий, как солнце в полдень. Вокруг огня сидели его далекие-далекие предки. Они были похожи на него, но величественнее, грациозней. Они напоминали застывшие, каменные статуи исполинских кошек.

Далекие предки неподвижно смотрели на пламя. И вдруг стали один за другим исчезать, соединяться с пламенем и белым чистым дымом уноситься к звездам. Дымчатые тела – догадался Шимасса. Вскоре не осталось никого, кроме одного существа, огромной женщины-кошки. Она повернула свое лицо к Шимассе, посмотрела прямо ему в сердце своими желтыми глазами.

– Помни, ты из народа рамяустов, – сказала она. И исчезла. Исчезло все.

Шимасса долго стоял, погружившись в безмолвие. Потом очнулся: он знал, что делать. Он пойдет к дому Капитана, он будет ждать лесной народ, от которого исходит огонь. Шимасса больше не боится огонь. Если надо, он пойдет дальше: через страшную Брамму, прямо на вершину Холма, туда, где живет лесной народ.

Индуист

Синекожий, четырехрукий Вишну возлежал в темно-синей пустоте. В одной руке Вишну держал какой-то цветок, в другой – что-то похожее на жезл, в двух остальных руках – огромные раковины. Полубог творил миры, материальные вселенные. Вселенные вылетали прямо из головы Вишну, в виде бесчисленных непроницаемых шаров... Эти шары вызвали у меня ассоциацию с «пузырями сновидений». Термин, вычитанный на сайте «хакеров сновидения». А что, довольно точное определение – каждый сон, маленький пузырек осознания, миниатюрный мир со своим сюжетом и героями.

Другой плакат изображал Кришну. Угольно-черный Кришна играл на дудочке и пританцовывал. Больше на плакате ничего не было... Внезапно мне вспомнился день знакомства с Индуистом. Так ярко, живо! Он ведь тогда пришел к нам прямо из кришнаитского храма.

Было это в конце мая 93 года, на самом закате моей «рокерской» полосы жизни. Мы, разношерстная небольшая тусовка рокеров, обмывали наш записанный магнитофонный альбом (который, кстати, впоследствии пришлось переписывать заново). Дело было в одном просторном доме. Слово «коттедж» еще как-то не было распространено в обиходе, но это был именно коттедж – просторный двухэтажный дом с внушительной открытой

террасой и декоративными античными колоннами. Дом стоял на живописном берегу лимана, где спустя несколько лет и возникнет коттеджный поселок.

Какая-то юная «герла» предложила шикарный дом родителей (родители были где-то в отъезде) под презентацию (так называлась наша пьянка) магнитоальбома. Мы сидели на террасе, курили – все были изрядно пьяны. И вдруг, словно приведение, мираж, появляется высокий и худой человек, бритый наголо, с огромными бусами на шее и такими же огромными темными глазами. Он молча ставит среди нас тарелку с какими-то булочками и экзотическими шариками (они оказались из риса) и молча садится. Неловкая пауза. Некто пытается закусить шариками водку, ему говорят, что этого делать нельзя: какая-то священная пища. Кто-то добавляет, что еда индийская вся сладкая и под водку точно не пойдет. Странный гость упорно молчит. Появляется хозяйка роскошного дома. Забрав у нас тарелку с «белыми шариками», она представляет нам гостя. Мол, это Руслан из индуистского храма. Ну, то есть, индуист. Так я впервые увидел Индуиста...

Сразу за плакатами с индуистскими богами растут два роскошных дерева – лимонное и пальма из семейства драцены. Деревья высокие, ухоженные: лимонное – раскидистое, коренастое, основательное такое дерево. Драцена напротив: тонкая, изящная с грациозно изогнутым, как бы в танце, стволом. У деревьев есть имена, они друзья и помощники хозяина квартиры. Индуист любит деревья. Но об этом я узнал много позже нашего знакомства.

Я перевел взгляд дальше. За «танцующей» драценой стоит небольшой невзрачный шкафчик, забитый эзотерической литературой, в основном посвященной теме медитации... «Медитация». С этим словом связана моя следующая встреча с Индуистом. Прошло года полтора с той самой «презентации». Мои «эзотерические поиски и эксперименты» пребывали в самой активной фазе. Я уже общался с Хоббитом. В один из дней мы посетили с ним некоего Руслана, большого практика буддийской медитации (со слов Хоббита). «Большим практиком» оказался Индуист.

Я узнал его сразу. По выразительным большим глазам и росту. Теперь у него на голове была обычная прическа, исчезли деревянные бусы вокруг шеи. Индуист выглядел как самый «нормальный» человек. Разве только рубашка на нем была чересчур яркая, «неформальная», как бы сшитая из множества пестрых лоскутков.

Индуист. Эта кличка тогда же прилипла к нему намертво, как второе имя. Как ко мне в свое время прилипла кличка – поэт. И хоть я давным-давно не рифмую строчки, все равно, мои самые старые знакомые зовут меня по-прежнему – Поэт. Руслан не был против того, чтобы стать Индуистом. Но предупредил, что сейчас его интересует больше буддизм.

Мы сели общаться, и тут меня ждало жестокое разочарование. Руслан-Индуист оказался скучнейшим человеком. Ни одной своей мысли, ни капли личного опыта – о каком-то творчестве я вообще не говорю. Он читал нам конспекты – сплошные цитаты всевозможных гуру; как своих, местных, так и заморских. Ничего своего! Я был сильно разочарован. И это «мастер медитации»!

Индуист показался мне тогда и чрезвычайно черствым, сухим человеком, как все «книжники-фарисеи». У меня, буквально после нашей встречи, возникли проблемы в личной жизни, пришлось срочно искать место для ночлега. Индуист жил один, в однокомнатной квартире, остановиться у него на ночь был самый приемлемый вариант для меня. Мы опять пришли с Хоббитом. Но он наотрез отказался впустить нас к себе домой. Мол, у него медитационная практика. А мы все не так заряжены, «энергетически фоним». Помню, даже Хоббит удивился такой черствости.

После этого я не видел Индуиста больше десяти лет. И опять меня привел к нему Хоббит. Индуист жил уже совсем в другом месте (в котором живет и сейчас). Снова это была однокомнатная квартира, и в ней он проживал сам, один. Индуист встретил нас с распростертыми объятьями, он радовался нам как ребенок. Я отметил, про себя, что он

почти не изменился, так же высок и худощав – лицо, правда, чуть красноватое и припухшее, как бывает со сна, но на лице нет ни малейших признаков увядания или морщин.

Мы прошли на кухню, только тут я обратил внимание, что Руслан немного пьян. И точно, едва мы сели, как он извлек из холодильника начатую бутылку водки и закуску. «Мастер медитации» пьет – это казалось невозможным.

Поначалу общение было несколько сумбурным, бестолковым, пока не ушел Хоббит. После его ухода мы взяли еще одну бутылку, и я остался у Индуиста на ночь, по его просьбе. Впервые я полноценно пообщался с Русланом. Передо мной сидел нормальный, живой человек, а не ходячий цитатник всевозможных гуру. Помню, я еще с иронией подумал о том, что водка, оказывается, не только человека в свинью может превратить, но и наоборот – из «ходячего цитатника» сделать человека.

Индуист рассказал мне, что еще в прошлом году он зашел в полный тупик со своими духовными практиками, а полгода назад у него пошло прахом все – все, чем он жил и верил, все отнялось! И такая пустота, такая тоска! Он думал, что сойдет с ума, он в самом прямом смысле сидел и выл на своей кухне. Так он потянулся к бутылке. Алкоголь смягчил боль и дал возможность выговориться, выплеснуть из себя то, что копилось много лет. Индуист начал общаться с обычными людьми, общаться с жадностью, без разбора.

В тот вечер я многое узнал о прошлой жизни Руслана. В детстве он был слишком инфантильным, замкнутым ребенком. И в то же время очень эмоциональным и впечатлительным. С детства он очень любит природу, особенно деревья. В юности хипповал, обожал группу «The Doors» – мог целыми днями лежать и слушать ее записи.

В самом начале 90-х он увидел идущих по улице и танцующих кришнаитов. Тогда они были на пике популярности в нашем городе. Экзотический вид кришнаитов поразил впечатлительного Руслана. Так он оказался в храме. Дальше было погружение в богатейший многогранный индуистский пантеон. Потом буддизм...

Индуист стремительно пьянел, речь его становилась все более непонятной. Он поминал темную энергию Шакти, сыпал незнакомыми мне терминами; сказал, что теперь понимает происшедшее с ним. Боги дают ему новую роль на сцене вселенского театра. Он должен научиться быть живым, научиться деятельной любви к людям. Да, он понимает, что потратил столько лет зря, погружаясь в буддизм. В буддизме мало движения, любви, жизни.

Речь Индуиста стала совсем бессвязной. Внезапно он вскочил и тут же повалился на одно колено:

– О мать Кали! – закричал он и воздел руки к мутному потолку кухни. – О мать Кали! что со мной происходит, что ты со мной делаешь?!

Индуист едва не завалился на бок, он был «готов». Я приподнял его и помог дойти до кровати. «О мать Кали» – долго стояло у меня в ушах...

Да вот же она, Кали – плакат посреди комнаты, за лимонным деревом. Двойной образ богини. Верхний образ, как бы «иконописный»: Она смотрит большими и темными глазами, слегка высунув язык, пальцы правой руки так сложены, что создается ощущение, будто Кали благословляет мир. Нижний образ: ужасная «демоница» с высунутым красным языком, четырехрукая, совершает свой разрушительный танец. В одной руке Кали отрубленная голова какого-то демона, в остальных руках – нож, кувшин и вращающийся на пальце загадочный диск. За спиной черной богини густые волосы, которые символизируют иллюзию материи и времени.

Мои церковные знакомые, когда им надо «практическим примером и без лишней философии» подчеркнуть демонизм и идолопоклонство индуизма, как правило, приводят двух божеств – Кали и Ганешу (бога с головой слона, сидящего на «священной крысе»).

Ну, и неизбежно вспоминается «вечный» Индиан Джонс с «Храмом судьбы», в котором жестокая индийская секта тугов (душителей) приносит жертвы ужасной Кали. И жрец богини, с безумными глазами кричит – «Кали ма».

Когда Индуист выкликнул имя Кали, я, естественно, подумал, что он доигрался со своими духовными экспериментами. Печальный конец, но всему есть предел. Одно дело медитация, другое – поклонение этой... А кому, «этой»? Кто она, что я о ней знаю?

Мы стали часто видеться с Индуистом. Однажды Руслан попросил меня что-нибудь рассказать о христианстве, выяснилось, что он совершенно ничего о нем не знает! Итогом моего «миссионерского просветительства» стало то, что из всего христианского пантеона Индуист усвоил только культ Богоматери. И даже выучил молитвенное обращение к ней: «Богородице, Дево, радуйся», которое с удовольствием читал. Культ Богоматери в сознании Руслана переплелся с причудливым индуистским пантеоном и неведомым мне образом связался с Кали. О, слышали бы мои православные знакомые наши разговоры на эту тему с Индуистом.

Прошел год, может, чуть больше, Индуист прикладывался к бутылке все чаще. Мы виделись все реже, во многом по причине того, что рядом с ним теперь было небезопасно находиться. Вокруг Индуиста закрутилась какая-то дьявольская карусель, но сам он был будто храним свыше. В него чуть ли не в упор стрелял из травматического пистолета человек, приехавший к его соседу, и не попал. Его ни с того ни с сего арестовывал целый взвод ОМОН-а, но вскоре отпускали, без каких-либо объяснений. Несколько раз его грабили, но самые ценные вещи (это ноутбук, больше брать нечего) оставались.

Вскоре Индуист пропал. Полгода о нем не было ни слуху ни духу, но когда я увидел его вновь, это был совершенно другой человек. Ровный и спокойный, эмоционально невозмутимый и доброжелательный. Он напрочь завязал со своими пьянками, возобновил некоторые свои практики, но без прежнего фанатизма и фарисейства. Добавилось и кое-что новое, например, интерес к осознанным сновидениям, в которых он достиг кое-каких успехов. О том, что сделало его другим человеком, Индуист особенно не распространяется. Говорит только, что очнулся где-то в чистом поле, в совершенно незнакомом месте и тут все увидел и понял.

Кто или что помогло Индуисту выйти из смертельного тупика жизни? Может, алкоголь, изменив химический состав организма, смог толкнуть сознание в нужную сторону (счастливый случай из ста), а может, его вела богиня Кали? Но смотря на своего «воскресшего друга», я часто вспоминаю известную фразу: все, что нас не убивает, то нас делает сильнее. И еще вспоминаю про Дух, который дышит там, где хочет.

Двери

Коридор легко возник в воображении: две стены, до середины покрашенные синей краской, выше – беленые. У стен появились двери – самые обычные двери, обшитые темным дерматином. Под ногами оказалась ковровая дорожка розово-красного цвета, местами затертая ногами до желтых дыр. Появился потолок: высокий, сводчатый, как в церкви. Под потолком загорелись современные матовые плафоны с неоновыми лампами дневного света. Коридор заканчивался тупиковой стеной. Там, в этой стене, была моя заветная Дверь...

Следуя совету Индуиста, ничего специально не обдумывал. Наугад, спонтанно, я кидал краски воображения. Я творил без всякого замысла; за исключением общей схемы, следуя которой надо создать коридор с дверьми, а в конце коридора должна быть одна особая Дверь. Дверь в Иное. Для меня – в мир осознанных творческих сновидений. Индуист клялся всеми богами – это лучший из известных ему методов для людей творческих.

Тема с коридором и Дверью понравилась мне сразу. Она напомнила мне мое старое переживание «внутренних дверей», которое случилось со мной почти двадцать лет назад на даче у одного моего хорошего знакомого. Тогда мы усиленно занимались всякими эзотерическими практиками, расширяли сознание.

...Я не спеша шел к своей Двери, вглядываясь по дороге в детали коридора, которые тут же возникали почти без моего участия, но в моем воображении! Вот тут красочка чуть отстала, о, один плафон не горит; а вот ближе к Двери и плафоны горят, и краска идеально лежит, и ковровая дорожка почти незатертая... Детали также требовалось запомнить. И желательно, их больше не менять. Ослабляет практику, как сказал Индуист.

Вот она моя Дверь, обшивка на ней идеально черная, без единого пятнышка. Изящная дверная ручка, слишком тонкая для такой массивной двери. Медленно тяну ее вниз. Дверь легко открывается. За Дверью густая, свинцовая, почти осязаемая тьма. Сделай шаг – и растворишься в ней. Вспомнилась виденная где-то и когда-то философская картинка, в которой человек, дошедший до пределов Вселенной, просовывал правую руку за ее пределы, рука бесследно исчезала в небытии.

На этом воспоминании моя мысль опасно скользнула прочь, зацепилась за похожие размышления и... вскоре я спал обычным сном. Так закончилась моя первая попытка творчески сновидеть. За ней было много других попыток. Я натренировал себя легко и без особого усилия представлять коридор и Дверь. Но результата так все и не было. Темнота за Дверью молчала.

Ответ пришел спустя несколько месяцев, в первых числах октября. В этот раз я сделал несколько шагов за Дверь. И оказался посреди темно-серого пространства, пронизанного светло-серыми, с синеватым отливом полосами. Полос были тысячи. Они напоминали помехи на экране старого телевизора, если наблюдать эти помехи изнутри экрана. Аналогия, конечно, весьма отдаленная, но больше сравнить не с чем.

Какое-то время я находился в полной неподвижности, а затем сделал еще несколько шагов. Под ногами появилась ровная, удобная дорожка. И вдруг, без всяких переходов, я оказался посреди поля. Вокруг меня колыхались редкие, полусохшие стебли кукурузы. Над головой было синее небо, с небольшими облаками. Дул легкий теплый ветер. Я чувствовал его, но как-то необычно, не так как в дневном мире. Возникла смутная мысль, что пейзаж вокруг меня – декорация, матрица. И в то же время все очень реально. Земля была теплой, сухой, абсолютно настоящей! Сорванная травинка имела яркий зеленый цвет (может быть, слишком яркий) и издавала горьковатый запах.

Я пошел вперед, держа курс на отдаленную лесополосу. Метров через сто поле кончилось. Под ногами была проселочная дорога. Дорога шла к лесополосе – лесополоса оказалась значительно ближе, чем виделось мне с поля. Внезапно я понял, что нахожусь в очень ярком сновидении и осознаю это. С осознанием пришло понимание того, что я хотел сделать – увидеть Брамму. Я разбежался и попытался взлететь. Полет дался с трудом. Я едва не потерял осознанность, а затем едва не врезался в столб. Телеграфный столб причудливо скучал посреди поля, в полном сюрреалистическом одиночестве. Столб был очень старый, он напоминал перевернутую, слегка завалившуюся набок огромную букву «У». Между расставленными «ногами» столба проходила тропинка, как через ворота.

Я двинулся по тропинке, прошел под столбом и внезапно уперся в Брамму. Сбоку от меня смутно виднелся двухметровый неприглядный сухостой. Брама оказалась не совсем такой, как я ее описывал. Вместо величественного прохода в холме, была какая-то узкая щель, в которую человек средней комплекции может протиснуться разве что бочком. Вдобавок, щель не доходила до верха холма. Вершина нависала над щелью подобно куполу. Наконец, стены щели, как и вся передняя часть холма, перед которой я стоял, были из сыпучей песчаной почвы. Кое-где виднелись обвалы. Понятно, почему Брама так

мало интересует народ. Кто отважится лезть в этот опасный проход. Только настоящий сумасшедший, типа Капитана.

Вспомнив Капитана, пожелал его видеть. Громко и отдельно я произнес свое желание. Какое-то время (мне оно показалось очень долгим) ничего не происходило. Я чувствовал, что начинаю терять осознанность. И тут раздался крик чайки. Этим криком меня затянуло в другой сон, который воспринимался уже менее ярко и реалистично.

Я оказался в необычном коридоре, с текущими, переливающимися стенами, как бы из водянистого тумана, пронизанного солнечными лучами. Очень скоро стены коридора утратили свою призрачную текучесть, а я окончательно утратил остатки осознанности, включившись в сновидение. Теперь у коридора были твердые стены, пол, потолок – правда, из странного малопонятного материала. Вдоль стен висели (или стояли?) какие-то предметы (или что-то другое?) Понять, что это, я так и не смог.

Коридор заканчивался открытой дверью, через которую лился яркий свет. Слышались очень мелодичные, певучие голоса. Я стоял, заморожено слушая голоса, но не понимал ничего. Наконец, из пятна света показалась высокая, худощавая человеческая фигура. И подошла ко мне. Человек, подошедший ко мне, буквально лучился радостью. Во сне я знал, что этого человека называют Капитан, но не мог вспомнить, почему именно Капитан. Потеряв осознанный сон, я напрочь потерял память. И покорно следовал сюжету сновидения.

Капитан радостно всплеснул руками:

– Дима, и ты пришел посмотреть на серого, которого наш Отшельник подобрал? Удивительное существо, герой. По сравнению со своими собратьями необычайно проницателен. Можно даже сказать – просветленный. Вспомнил, как их племя в древности называлось. Да, и главное, именно этот расторопный парень у нас Живоглаз умыкнул тогда.

Капитан весело засмеялся.

– Да, уже слышал об этом, – ответило мое сновидческое «я». – Со мной еще отец Иван... Кстати, где он? На входе, что ли, затерялся. Пойду, гляну.

Я повернулся и пошел. Коридор круто поворачивал. За поворотом я столкнулся со странным существом, которое испуганно присело (я и сам немного испугался). Это была очень большая кошка с получеловеческим лицом. Размерами, наверное, с добрую рысь. У существа были кошачьи по форме, но совершенно человеческие по выражению глаза. Большой, приплюснутый нос и длинный тонкий рот (совсем уже человеческий) с рядом острых кошачьих зубов.

Зубы я увидел потому, что существо мне приветливо улыбнулось. Затем показало лапой на себя и что-то прошипело. Я не понял ничего. Растерянно пожав плечами, хотел, было, пройти мимо. И тут услышал, как существо еще раз прошипело-промурлыкало: «Я Шимасса».

Шимасса! Это слово ударило меня словно молния. Внезапно я все вспомнил: вспомнил, что нахожусь в сновидении, вспомнил, что хотел видеть Капитана и видел его, но не понял. Вспомнил, кто такой Шимасса. Воспоминание было подобно яркой вспышке света в голове.

– Шимасса! – крикнул я и тут же проснулся.

Шимасса – друг Живоглаза

Шимасса решил – пора! Пора идти к дому Капитана. Немедленно! Этим же вечером или ночью! Он больше не может ждать.

Сгустились вечерние сумерки. Шимасса поужинал и стал не спеша собираться в дорогу. Складывая свою сумочку, он поймал себя на мысли, что думает о чем угодно, только не о предстоящей встрече с Капитаном и лесным народом. Решимость не оставила его. Но он совершенно не представлял себе, как подойдет к стражам, сияющим и гордым, что скажет им, захотят ли его слушать? А если захотят, как он расскажет страшным, огненным существам о том, что он вор? Не испепелят ли они его после этого?

– Да пребудут со мной мои славные предки рамяусты, – сказал сам себе Шимасса и посмотрел в окно (за окном окончательно стемнело). – А там пусть как будет, так и будет. Может, встреча не состоится вовсе?.. Нет! Скорее всего, встреча состоится. Хотя бы потому, что стены, пол, потолок – все говорит о том, что он сюда больше не вернется. Шимасса чувствует сердцем, что больше в эту нору не вернется!

Он взял свою сумочку и бережно положил завернутый в тряпочку Живоглаз. Постоял, подумал и положил еще несколько безделушек, что были ему дороги. А в другой отсек сумки он положил пару яблок и горсть грецких орехов – все, что оставалось от запасов. Ну вот, теперь он готов идти в неведомое.

Шимасса осторожно выскользнул из здания. И долго стоял возле служебного входа, под козырьком. Пришельцев не было, а он все стоял. И снова это чувство, что он сюда больше не вернется. «Что же, Шимасса поменял много мест обитания. Уйдет и отсюда.» Он сделал несколько резких движений задними лапами, словно замечая следы своего прошлого. И не оглядываясь, прыгнул во тьму.

Здание, в котором находилась краснокутовская церковь, стояло немного на отшибе, на пустыре. В юго-восточном направлении пустырь упирался в очень старые, корявые деревья, за которыми пряталось двухэтажное сельское общежитие. За общежитием был перекресток улиц – центральная «пуповина» села. Если двигаться дальше, в этом же направлении, будет опять пустырь – просторная луговая низина. За ней – небольшая улочка, состоящая всего из четырех хат. Улочка примыкает к основной дороге в том месте, где эта дорога, идущая от сельсовета и общежития, делает крутой поворот и уходит к берегу моря. Дальше есть еще одна большая улица, последняя улица Красного Кута. Но в этом месте домов больше нет... Шимасса выбрал именно это направление.

К дому Капитана есть путь короче, напрямик. Но рамяуст решил сделать круг, замечая следы – так, на всякий случай. К тому же в юго-восточном направлении одни пустыри, что его полностью устраивает. Только одно место небезопасно – центральный сельский перекресток.

Шимасса какое-то время лежал в кустах, у общежития: прислушиваясь, прислушиваясь. Пришельцев не было видно нигде. Людей тоже. Только один раз проехала через перекресток человеческая машина, издающая резкий запах бензина. Потом мелькнули две призрачные, согнутые фигурки его собратьев. Они крались в сторону сельсовета. За сельсоветом расположен проулок с самыми богатыми домами в селе. Там есть чем поживиться рамяустам.

Больше никого не было. Шимасса быстро перебежал перекресток. Через пару минут он оказался у крайнего дома, на небольшой улочке. Этот дом давно был необитаем и частично разобран. Шимасса слышал от здешних рамяустов, что здесь десять лет назад жил поп со своим старостой. Потом они пропали. Дом долго стоял заколоченный. Пока его не стали потихоньку разбирать местные. Шимасса аккуратно обошел улочку сзади. Перед ним расстилался пустырь, заросший низкорослым, колючим кустарником. Он осторожно прошел через кусты, по едва заметному ходу и очутился на тропинке. Тропинка вела к дому Капитана. Она подходила к его двору со стороны сада, что рамяуста особенно устраивало. Сбоку, перед садом, должна быть канава, которую он углубил, а потом от нее прокопал лаз в сад, чтобы украсть Живоглаз. Сам лаз давно, наверное,

зарыли. Но канава должна сохраниться, какой смысл ее закапывать? И если она цела – лучшего наблюдательного пункта не найти. Он в нее заляжет и будет ждать лесной народ.

До дома Капитана оставалось каких-то метров сто. Кошачьи глаза рамяуста отчетливо видели сад, торчащую из-за деревьев крышу дома, макушку пристройки. Шимасса остановился под большим и раскидистым одиноким тополем. Остановился, чтобы оглядеться, и вдруг похолодел от ужаса, отчетливо ощутив кислый металлический запах, который шел откуда-то сверху. Он медленно поднял голову: над ним, на ветвях дерева висели серые, кожаные мешки, величиной с небольшую боксерскую грушу. Их было очень много.

Шимасса знал, что такую форму принимают рядовые дорн, когда находятся в состоянии полусна (если, конечно, это сон и они вообще спят). Тем не менее, в такой форме бдительность пришельцев резко притупляется. Это его и спасло от обнаружения.

Рамяуст быстро нырнул в сухую колючую траву за тропинкой. Прижался к земле, отчаянно борясь с собственным страхом. Больше всего ему хотелось тихо отползти в сторону и бежать, бежать отсюда прочь, бежать в нору. Закрыться там и больше никогда из норы не выползть. Он дрожал от ужаса, но почему-то упорно полз вперед, к канаве, а не обратно, в нору. Как и два дня назад, когда он убил пришельца, с ним творилось что-то невероятное. Шимасса не узнавал самого себя. Он все-таки дополз до спасительной канавы, рухнул в нее и долго переводил дух.

Эти дорн спят, но тут могут быть и другие. Могут быть их начальники, а они никогда не спят. Но зачем они здесь? Что-то затевается? Что?.. Шимасса терялся в догадках. До его ушей долетел гул человеческой машины. Гул приближался. Показался свет фар. Машина подъехала к дому Капитана с противоположной от сада и канавы, где залег Шимасса, стороны. Со стороны, где у Капитана пристройка.

Машина заглушила мотор и погасила фары. Какое-то время стояла полная тишина, потом хлопнули автомобильные дверцы, послышались приглушенные, нетвердые голоса. Шимасса вжался в землю, но продолжал напряженно наблюдать. Над его головой с тихим шипением заскользили рваные грязные тени пришельцев. Пришельцы летели в сторону пристройки.

От страха Шимасса перестал дышать, ему хотелось превратиться в камень. Пришельцы накручивали круги вокруг дома и сада Капитана. И почему-то не замечали бедного, оцепеневшего рамяуста, распластавшегося на дне небольшой канавы.

Внезапно все стихло – безумное кружение дорн, пьяные голоса людей. Человеческая машина завела двигатель и быстро уехала прочь. Шимасса вздохнул облегченно, приподнял голову и вдруг увидел красные отблески со стороны пристройки. Это был огонь. Первое мгновение он даже обрадовался огню, ему вспомнилось его последнее видение предков у космического пламени. Но очень скоро Шимасса понял – это плохой огонь, злой огонь, это пожар.

Пристройка горела быстро. Уже через несколько минут вся деревянная конструкция превратилась в один огромный пылающий факел. Шимасса беспокойно метался по дну канавы. Он не знал, что делать – бежать отсюда в нору, бежать звать на помощь, но кого? Или бежать к дому Капитана, но чем он может помочь? И тут он опять вспомнил о том большом космическом огне из своего видения. И он взмолился этому огню. Странная это была молитва, первая молитва в жизни рамяуста. Молитва о том, чтобы большой и добрый Огонь потушил злой огонь.

Шимасса молился, а над ним стремительно темнело небо. С почерневшего неба вылетела ярчайшая молния. Она распростерлась прямо над его головой, как ветвь исполинского дерева. Рамяуст даже не успел испугаться. С рваным треском над ним разорвалось небо. Больше он ничего не помнил.

Шимасса медленно открыл глаза. И увидел белую, ровную гладь облака. Мягкие (почти лунные) лучи солнца пронизывали молочный туман. Появилось лицо. Оно смотрело на него сверху, прямо из облака, и улыбалось. Это было лицо его собрата – рамяуста. Шимасса совсем не удивился. Он понял, что умер, что находится в своем дымчатом теле, и кто-то из предков его встречает.

Предок сказал какое-то слово. Кажется, «рассаут». А потом аккуратно приподнял Шимассу. И сразу исчезло облако. Появилась причудливая просторная комната прямоугольной формы. Они сидели в ее задней части. Недалеко пылал камин. Огонь был очень добрый и уютный.

Предок еще раз показал на себя и отдельно произнес:

– Я, Рассаут... Как ты себя чувствуешь?

Шимасса пожал плечами, осмотрел себя. Странно, – подумал он, – ощущения совершенно настоящие: голова чуть побаливает, небольшая тяжесть в лапах. Неужели все это может быть в дымчатом теле?

– Не знаю, – ответил Шимасса, – я же умер, там, внизу, – он неопределенно махнул лапой.

Вместо ответа Рассаут засмеялся. Смех у него был тихий и совершенно беззлобный.

– Нет, ты не умер, – сказал он. – Тебя забрал Огненный дед. Ты потерял сознание. И он тебя сюда принес.

– Огненный дед! Кто это? И... – Шимасса с беспокойством ощупал себя. Только сейчас он понял, что с ним нет его сумочки.

– Не волнуйся, – сказал Рассаут, поняв его движение. – Твоя сумочка и все что в ней в целости и сохранности. Это все у деда. Он тебе вернет, когда поговорит с тобой. Он скоро будет. Можешь называть его как я – дед. Его еще Отшельник называют. У него много имен. Он очень давно живет. Но ты не бойся. Он только с виду страшный, а так – добрый... Да. Как голова, болит?

– Немного.

– Тебе лучше еще поспать. На вот, выпей.

Рассаут что-то ловко налил из кувшинчика в небольшую пиалу и передал Шимассе. Жидкость напоминала родниковую воду и пахла как родниковая вода. Но когда он ее выпил, то почувствовал небольшую горечь. Тут же напала сонливость. Засыпая, Шимасса подумал, что забыл у собрата спросить, где он, собственно, находится.

Когда Шимасса опять пробудился, то увидел сидящего в кресле огромного старика. Пышная огненная копна волос на голове старика пылала самым настоящим огнем, глаза метали молнии. Шимасса испугался, задрожал. Повернувшись, он увидел, что Рассаут как ни в чем не бывало спит у камина, свернувшись клубком, словно кот.

– Ну-ну, – сказал старик, – не трясись, я тебя не съем.

Он пересел в другое кресло, стоящее в тени. Огонь над его головой пропал. Глаза перестали метать молнии, они стали мягкими, томными, как у разомлевшего кота.

– Подойди ко мне, Шимасса, – тихо сказал старик, – мне нужно с тобой поговорить.

Шимасса повиновался.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хор-хорошо, – голос Шимассы предательски дрогнул.

– Ты не должен меня бояться, – повторил старик. – Можешь называть меня... дед. Или, если тебе так нравятся титулы: Огненный дед. Ты уже знаешь Рассаута. Он десять лет у меня живет. Было бы плохо, давно сбежал.

Отшельник засмеялся. Достал из кармана платок, развернул. В платке был Живоглаз из сумки Шимассы.

– Откуда это у тебя?

Шимасса опять задрожал и бессильно опустился на маленький стульчик. Он молчал, слова будто застряли в горле.

– Ну-ну, – сказал Отшельник и потрепал его за ухом. – Я не собираюсь у тебя забирать твой камень. Но сам посуди, Живоглазы просто так на земле не валяются. Ты мне должен все рассказать. Это очень важно, понимаешь?

Шимасса сдавленно кивнул. Мысли путались в его голове. Страх перед загадочным стариком (еще более загадочно этот старик пах, такой запах бывает в воздухе, перед сильной грозой) мешался с обидой на этого же старика, в руках у которого его камень, его Живоглаз. А он, рамяуст, ничего не может сделать. Отшельник пристально посмотрел на Шимассу, пронзая его взглядом. Он читал бедного рамяуста как раскрытую книгу.

– Ты шел к лесным стражам, – медленно произнес Отшельник. – Считай, тебе повезло. Я их сосед и большой друг.

Старик что-то налил в пиалу, подвинул Шимассе.

– Пей, пей и рассказывай.

В пиале опять была чистая родниковая вода, только теперь без горечи, со вкусом меда и грецкого ореха. Шимасса выпил, и ему стало радостно и спокойно на душе. Если дед, действительно, друг лесным стражам – подумал он, – тогда все складывается как нельзя лучше.

И Шимасса все рассказал, кроме одного. Он не стал распространяться о том, как ему удалось сбежать из Кургана Тьмы. А Отшельник дипломатично не стал спрашивать. Поэтому рассказ начался с момента, когда беглец, обосновавшись в подклети под лестницей в церковь, заинтересовался домом Капитана. Заинтересовался потому, что это единственный дом, который его собратья рамяусты обходили стороной. Во время долгих ночных наблюдений за домом и садом он заметил, что Капитан прячет в дупле старого дерева чудесный камень. Шимасса уже знал, что над домом и садом какое-то защитное колдовство. Было ему известно и то, что к краю сада колдовство заметно слабеет. (В этом месте рассказа Отшельник хмыкнул и тихо покачал головой.) Так что не украсть эту чудесную вещь он, вор, просто не мог.

Шимасса рассказал, как он копал лаз. Как, наконец, украл камень. И как этот камень у него отобрал местный поп. Рассказал, как убил пришельца и нашел ночью под кроватью новорожденный Живоглаз (здесь Отшельник слушал особенно внимательно). Рассказал, и как вспомнил имя своего народа – рамяусты. Пока он все это рассказывал, проснулся Рассаут, и сел рядом с Шимассой, прямо на пол.

Отшельник остался очень доволен рассказом, он хлопнул Шимассу по плечу:

– Скажи теперь громко Рассауту подлинное имя вашего народа.

– Рамяусты!

– Да-да, правильно, рамяусты, – почти прошептал Отшельник, – как давно это было. Я был еще совсем юн... совсем юн.

– Что было, дед? – спросил Рассаут.

– Ах, да, – сказал Отшельник, выходя из глубокой задумчивости. – Потом расскажу. А пока главное то, что твой соплеменник вспомнил подлинное имя вашего племени. Невиданное дело за последние века! Но еще важнее, что Живоглаз начал делиться и первым выбрал ни кого-нибудь, а его, маленького, но героического рамяуста. О Шимасса! – воскликнул Отшельник и обнял его, – отныне ты друг Живоглаза! И будет у нас по этому поводу праздник. Я ненадолго отлучусь. Схожу на Холм, приглашу лесных стражей. А вы, друзья мои товарищи, подготовьте пока все тут. Рассаут знает.

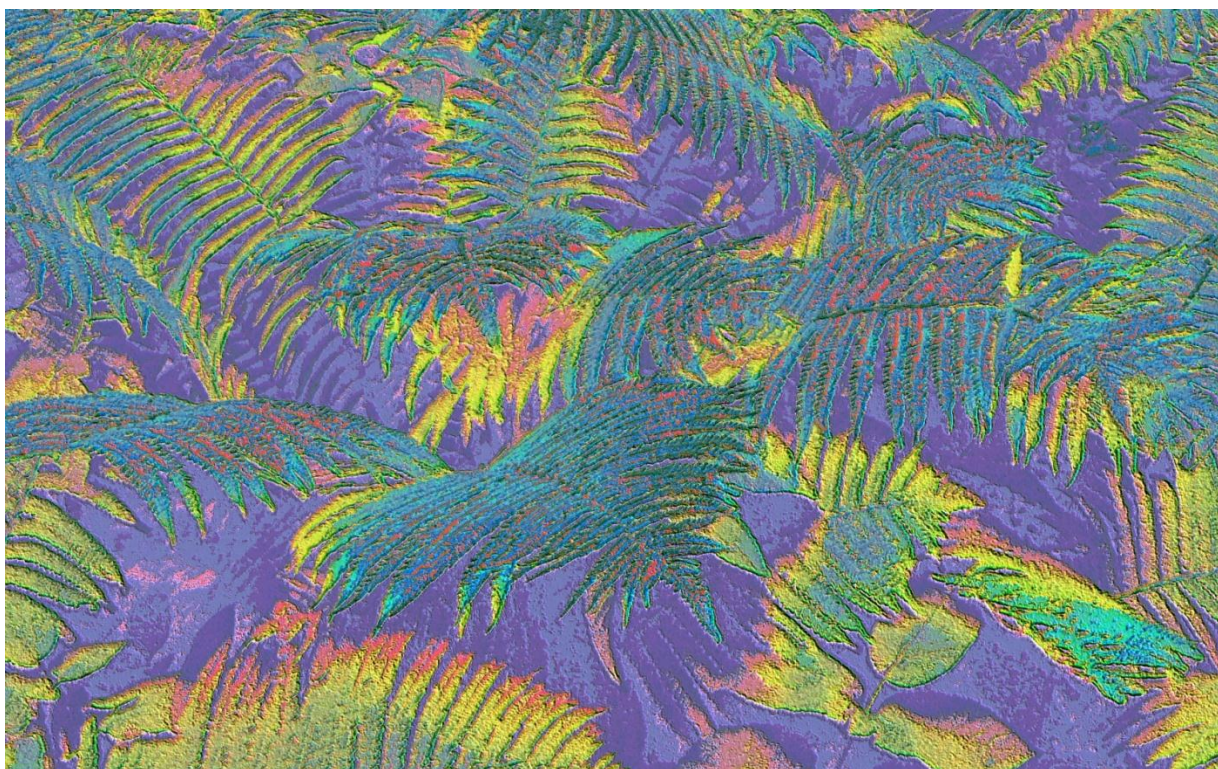
Огненный дед покинул их. Шимасса долго сидел, потрясенный. Его не только не испепелили, не заклеямили позорной кличкой – вор. Его еще сделали героем. В честь его будет праздник! Праздник! И великие лесные стражи будут праздновать вместе с ним.

Все закрутилось, завертелось перед изумленным Шимассой, будто в ослепительном, солнечном хороводе. Рассаут, смеясь, увлек его на кухню. Он что-то колдовал над неведомыми Шимассе приборами. Потом они играли в прятки. Появились огненные стражи и все обнимали его, Шимассу, как родного. С ними был один человек – Капитан, замечательный и добрый. А затем он встретил в коридоре еще одного человека. Шимасса назвал свое имя, человек вначале не понял. Шимасса назвал себя еще раз. И человек громко и радостно повторил его имя и назвал свое – Дмитрий. И обнял его. Человек обнял рамяуста! Невиданное дело, неведомые, новые времена!

Корифей – животное полезное

Ранним сентябрьским утром, на восходе Солнца, отец Иван и Дмитрий осторожно спускались по Южному склону. Этот склон считался самым крутым на Холме. Почти весь спуск представлял собой сплошную лестницу из ступенек, вырезанных прямо в земле. Местами склон Холма становился почти отвесным, и тогда ступеньки переходили в навесную лестницу. В одном месте лестница была обвита вокруг могучего ствола огромного дерева.

На Южном склоне пышно цвели самые настоящие тропические джунгли. Это казалось невероятным, но и Дмитрий, и отец Иван испытывали внутреннее ощущение, будто бы незримо перенеслись в иную климатическую зону планеты. Однако они были все на том же Холме. И вершина Холма с величественными Серебряными Деревьями глядела им в спину.

Друзья не спеша пробирались под могучими, раскидистыми деревьями с крупными багровыми листьями. Вокруг них сплошным ковром росли папоротники, свисали лианы. На открытых местах виднелись мечевидные купы тропических сансевиерий. Попадались даже небольшие пальмы. И все это на почти отвесном склоне!

Через некоторое время спуск прекратился. Склон Холма перешел в небольшую выступающую вперед площадку, заканчивающуюся отвесным обрывом. Друзья огляделись. Они достигли места, которое называется (в приблизительном переводе с языка стражей на человеческий) «Птичий Трон».

Отец Иван поднес указательный палец к губам и выразительным жестом показал Дмитрию на край площадки. Дмитрий увидел Капитана. Он стоял к ним спиной, на самом краю обрыва, покачиваясь и расставив в разные стороны руки. В какой-то момент, друзья даже не поняли – в какой, Капитана на краю площадки не стало, он исчез. Отец Иван и Дмитрий кинулись к обрыву. Дмитрий посмотрел вниз и отшатнулся. Прямо под ними шла отвесная стена высотой, наверное, с девятиэтажный дом. Под стеной была широкая поляна с песчаными барханами. Поляна плавно вклинивалась в кустарник. Дальше начинался долгий и уже пологий спуск к причалу на реке.

Капитана внизу не было, Капитана не было нигде. Друзья смотрели вниз, пока мимо них не пролетела большая, красивая бабочка. И тоже куда-то исчезла. Друзья отошли к задней части площадки. Сели под роскошным кустом шарообразной формы на очень удобное сплетение ветвей и листьев, в форме кресел (кажется, это и был Птичий Трон). Отец Иван повернулся к Дмитрию, на его лице играла восторженная улыбка:

– Дима, дорогой, ты понял, у Капитана получилось! Он принял вторую форму, после древесной – он научился летать. Он породнился со стражами. И мы с тобой как бы случайно все это увидели. Но, друг мой, мы-то с тобой знаем, что никаких случайностей не бывает. У Капитана получилось! И мы тому свидетели!

Дмитрий молча кивнул и улыбнулся. Все было понятно и без слов. У самого Дмитрия пока получалось только с формой дерева. Отец Иван не освоил и этого – увь, душа деревьев ему не открылась. Зато батюшка побывал в Звездном Шатре народа Лэйи. Шатер как раз находился на южном склоне Холма, только почти на самой вершине, у Серебряных Деревьев. Отец Иван нашел с народом Лэйи общий язык! Кто бы мог подумать! А Дмитрий так и не побывал в Звездном Шатре... Впрочем, и отец Иван, и Дмитрий смотрели на такие расхождения «увлечений» спокойно. Что ж с того, что один любит звезды, а другой открыл в себе жизнь дерева. И то, и то части одного целого...

Друзья молча смотрели, как лучи восходящего солнца пронизывают склон Холма, ослепительно отражаются от полосы бегущей внизу реки и гаснут в пепельной пелене, над большим человеческим селением и морем, лежащим в пяти-семи километрах за селом. Увь, над обыденным земным миром по-прежнему висела тень Кургана.

Дмитрий и отец Иван собрались, было, продолжить свой путь дальше, как на площадке перед Птичьим Троном появился большой и важный кот. Он был темно-коричневого цвета со светло серыми полосками по бокам. Остановившись напротив замерших от удивления друзей, кот почти незаметным плавным движением поднялся на задние лапы. При этом одной из передних лап кот оперся об ствол небольшого деревца, а другой лапой важно пригладил усы. И сказал:

– Который час?

Дмитрий открыл рот (от изумления), но кот остановил его лапой:

– Можно не отвечать, – сказал он. – Я пошутил. Здравствуйте!

Кот вежливо склонил голову и продолжил:

– По долгу службы обязан доложить: Капитан благополучно достиг Другого Берега. И вам пора. Вас ждут на причале. Честь имею.

Кот махнул лапой, и прежде чем друзья успели что-либо сказать, быстро растворился в кустах.

– Что это было? – тихо проговорил отец Иван.

– Послание, – улыбнулся Дмитрий. – Говорящий кот.

Дмитрий вспомнил, как Капитан рассказывал о том, что на Холм, как раз на Южный склон, иногда приходят звери. Здесь, на Холме, они отдыхают от тягот жизни внизу, набираются мудрости и даже начинают говорить, но ведут себя очень и очень скрытно. Капитан также говорил, что на Южном склоне живут несколько стражей, они занимаются зверюшками – лечат их, разговаривают с ними. Еще звери охотно общаются с Рассаутом, это тот самый Серый, что уже десять лет живет с Отшельником. Иногда он здесь появляется.

– А помнишь, как ты у Игуменья про зверей и птиц спрашивал? – откликнулся на мысли Дмитрия отец Иван.

– Да, помню. Игуменья сказала, что их мир связан с деревьями и бегущей водой. Что часть своего мира им подарили птицы с Другого Берега. Но птиц, живущих по эту сторону, они уже понимают меньше. Звери еще дальше от стражей, звери тут такие же гости, как и мы...

– И все-таки, – перебил Дмитрия отец Иван, – этот кот не просто кот. У меня чувство, что это не совсем кот... Э, ну, то есть, не из тех зверюшек, что на Холм к стражам погреться приходят. А какое-то особенное, служебное животное... Ха, как важно он усы подкрутил, – отец Иван захохотал.

– Кот прав, – сказал Дмитрий, вставая, – идем, нас ждут на причале.

Друзья покинули Птичий Трон и по боковой лестнице спустились к подножию Холма. Дальше шел пологий спуск к реке, к причалу. Тропинка углубилась в низкорослый кустарник и постепенно превратилась в ровную песчаную дорогу, плавно заворачивающую к юго-западу, к реке. Вскоре кусты расступились, и взору друзей открылась ровная полоса реки, уходящая на юг, к морю.

Друзья подошли к спуску, ведущему на причал. Снова начались ступеньки. На этот раз ступеньки были выложены полупрозрачным камнем чудесного изумрудного цвета. По бокам лестницы росли высокие деревья, с ровными, как колонны, стволами и пышными кронами. Кроны деревьев образовывали единый зеленый купол, что парил над лестницей в недостижимой высоте.

Ступеньки кончились. Отец Иван и Дмитрий вышли на небольшую площадку. Площадка была покрыта такой же чудесной изумрудной плиткой, с голубовато-зеленоватым отливом, под цвет речной воды. Друзья молча смотрели на север. В северном направлении река делала плавный поворот к Холму. У самого поворота виднелся еще один причал – он был меньше и находился на другом берегу. Именно на этом причале, если верить рассказу Капитана и стражей (а не верить им не имеет смысла), и закончилось их первое путешествие к Другому Берегу, почти десять лет назад.

Из-за поворота реки медленно выплыла прекрасная белая ладья. Нос ладьи представлял собой искусно вырезанную голову огненной птицы. От головы к корме отходили огненные всполохи, так же искусно вырезанные. По бокам ладьи были нарисованы какие-то знаки, непонятные фигурки и звезды, собранные в созвездия. У чудесной ладьи не было ни паруса, ни мотора, ни весел, ни гребцов. Только одна Игуменья неподвижно сидела в середине ладьи. Она напоминала древнее, прекрасное изваяние. Казалось, будто ладья с Игуменьей явились сюда прямо из глубин давно ушедших тысячелетий, как древний прекрасный образ из глубин сознания. Игуменья была без своего «клубука». Длинные темно-русые волосы, с вплетением в них серебристых прядей, свободно струились по ее плечам.

Ладья плавно подошла к причалу и остановилась. Широким жестом рук Игуменья приветствовала отца Ивана и Дмитрия:

– Здравствуйте-здоровствуйте, друзья-человеки, очень хорошо, что вы пришли. Сегодня утро десятого дня вашего пребывания у нас. И сегодня важный день у Капитана. Да и у вас тоже. Послезавтра Совет. Потом вы покинете Холм. Сегодня лучший день для

разговора. Предлагаю совершить небольшое путешествие со мной, –Игуменья сделала плавное движение рукой в сторону ладьи.

Отец Иван и Дмитрий перебрались с причала в судно и тут увидели кота, который разговаривал с ними на Птичьем Троне. Кот лежал в удобном деревянном креслице, сбоку от хозяйки ладьи. Почувствовав на себе немые взгляды людей, кот поднял голову и важно сказал:

– Еще раз, здравствуйте. И не удивляйтесь. Я кот, животное служебное и полезное.

– Это Корифей, – с улыбкой сказала Игуменья, – мы отвезем его поближе к дому.

– Вы кот? – спросил Дмитрий, садясь в удобное кресло: он не сводил глаз с удивительного животного.

– А что вы перед собой видите? Разве я похож на бегемота? Или на мне лишние хвосты? – кот обиженно фыркнул.

– Не обижайтесь на Корифея, – сказала Игуменья, – он у нас такой. Даже я не все о нем знаю. Пришел когда-то к нам с Другого Берега. А теперь ходит, где хочет.

– Не где хочу, хозяйка, – возразил Корифей, – а исключительно по долгу службы. Исходя из этого же долга, будь он неладен, вынужден частично скрывать свою биографию... Все, молчу, простите, не хотел никого обидеть. Молчу как рыба...

Ладья Игуменьи без всяких внешних усилий плавно отчалила от причала и взяла курс на юг, к морю. Какое-то время все сидели погруженные в свои мысли. Отец Иван разглядывал ладью – в ней не было ничего примечательного: большая лодка, разве что с необычно задранном носом и изящной деревянной отделкой, удобными сиденьями и крохотной каютой на носу. Дмитрий пытался вспомнить свои ощущения от прошлого путешествия на ладье. Ничего толком не вспоминалось кроме ощущения, что ладья не плывет, а летит.

Молчание нарушила Игуменья:

– Пришельцы сожгли пристройку с Золотым Веретеном во дворе дома Капитана, – тихо сказала она, глядя задумчиво вдаль. – Это вы, наверное, слышали.

– Слышали, – ответил отец Иван. – Слышали, что Пестрый спас Золотое Веретено.

– Да, Веретено не сгорело, – ответила Игуменья и улыбнулась. – И дом Капитана не сгорел. Слава Пестрому и Отшельнику. Но главное не это, друзья. Главная новость: прямо у дома Капитана Отшельник нашел Серого, без чувств. И забрал его к себе, вокруг было полно пришельцев, Серый наверняка бы угодил в рабство. Но не в этом суть. У Серого была сумочка, и в этой сумочке Отшельник нашел Живоглаз. Понимаете?! Небольшой новорожденный Живоглаз, вот такой как у вас. Отшельник и все мы были поражены...

– А я предупреждал, – перебил Игуменью Корифей, – предупреждал, что что-то в этом роде будет. Иначе наши шансы против темных равны нулю.

– Да, Корифей, мы все помним это, – ласково сказала Игуменья и погладила кота по голове. – Ну, я продолжу: выяснилось, что это не простой Серый. Это тот самый Серый, что украл у Капитана Живоглаз. Волшебный кристалл, видимо, сильно повлиял на беднягу. Изменил его. Серый даже вспомнил утраченное имя его народа. И дальше что-то такое произошло, что Живоглаз подарил ему себя. Друзья, – радостно воскликнула Игуменья, – какой оборот дела, какой чудесный случай!

Игуменья тихо что-то пропела.

– Пришельцы трижды просчитались, – продолжила она. – Тот, кто должен был выкрасть Живоглаз для них, стал верным другом Живоглазу и всем нам. Это замечательный Серый. Его зовут Шимасса... Итак, и Веретено спасено, и Живоглаз стал дарить себя. И первым сделал свой дар тому, о ком меньше всего мы думали. А уж темные и подавно. В их глазах Шимасса – раб, даже более: он для них ничто. Да, в их глазах, ослепленных гордыней и ненавистью. Они хотели использовать отца Бориса как приманку. Они не поняли, что это нам не нужно.

– Бедный отец Борис, – тихо сказал отец Иван.

Игуменья посмотрела на отца Ивана пронизательным и одновременно печальным взглядом.

– Я знаю, – сказала она, – Живоглаз открыл тебе внутреннюю суть отца Бориса. И ты увидел: сердцевина у него не гнилая. И не корыстные побуждения заставили его залезть в ловушку, а любовь. А вот кора у бедного служителя Кон-Аз-у совсем никуда не годится. Никакой защиты. И все от столь свойственного человекам рационального безверия. Материальная слепота. Бедный, он даже и близко не подозревает, в какую ловушку угодил. И если так дальше будет – впереди его ждет только гибель.

Игуменья вложила свою светло-коричневую невесомую руку в кряжистую ладонь отца Ивана:

– Ты хотел бы помочь ему, – тихо сказала она, – ведь вы деревья одного сада. Но будь осторожен. Не стоит недооценивать пришельцев.

– Темные не настолько глупы и нерасчетливы, как нам сейчас кажется, – продолжила Игуменья, после некоторого молчания. – Нет, просто они нас пока не воспринимают всерьез, как и Шимассу. В этом наша надежда и спасение. Темные верят в то, что полностью контролируют большой человеческий мир. Это не совсем так, но многие ядовитые ростки им удалось посадить среди людей. Это то, что сейчас творится в вашей стране. То что видел Пестрый в вашей столице. И сам чуть не сгорел.

– Ваши человеческие элиты, – снова встрял Корифей, – особенно там, за океаном, давно на короткой ноге с некоторыми из пришельцев. На языке Кургана эти группы пришельцев, да не к ночи будь они помянуты, называются «псай» и «кщер». Псай – кошмарные создания с телом человека и головой собаки. Впрочем, больше всего преуспели в контроле за вашими элитами кщер. Мерзкие, ящероподобные твари. Но некоторые из них так маскируются, что порой почти не отличаются от человека. Вычислить таковых можно только по взгляду. Холодный рыбий взгляд, лишенный всякой теплоты... Все, молчу, это для справки.

– Какой мрак, – тихо проговорил Дмитрий, – а где же Силы Света? Где те, кого христиане зовут ангелами?

– Силы света никогда не оставляют людей, – ответила Игуменья. – Как бы не был силен натиск тьмы. Но мы отвечаем за свой участок. И никто кроме нас о нем не позаботится.

Игуменья задумалась. Лицо ее было по-прежнему печальным, но в нем появилась прекрасная, светлая отрешенность.

– Казалось бы, что мы можем? Нас так мало, нас очень мало! Темные обо всем этом прекрасно осведомлены. Поэтому пока и не берут нас всерьез в расчёт, хотя и вредят. Капитан свидетель тому, с какой ядовитой иронией Инспиратор говорил ему о нашем Союзе. Что же, пусть в этом нашем смиренном будет наша величайшая надежда...

Пока Игуменья все это говорила, пропали берега реки. Вокруг ладьи появился сияющий белый туман. Чувствовался запах приближающегося моря. Дмитрий обернулся – Холм еще виден, в просвете. Но теперь было такое чувство, будто на Холм он смотрит откуда-то сверху, из очень большого отдаления. Ладья вошла в воды Верхнего Моря.

Дмитрий и отец Иван вдруг обнаружили, что легко общаются с Игуменьей и Корифеем мысленно. Мышление стало ясным, образным и очень быстрым. Рухнули последние барьеры и пришло полное понимание друг друга. И тут же возникло ощущение родства со стражами.

Игуменья рассказывала и показывала изумленному Дмитрию и отцу Ивану это древнее родство. Корифей дополнял Игуменью, он был словно неиссякаемый справочник.

Да, в том другом, допотопном мире, люди и стражи были похожи. В начале времен все казалось слитным и единым, все было частью души: реки, деревья, небо. (Дмитрий и отец

Иван с изумлением созерцали яркие картины юного мира.) Но люди появились на Земле позже, чем стражи. И люди принесли с собой нечто, чего еще не было в мире. Люди казались более слабыми и непостоянными, они меньше стражей были связаны с силами Земли и поэтому с такой легкостью преобразовывали окружающий их мир. Стражи и другие волшебные создания хранили жизнь на Земле. (Капитан подобрал очень правильное слово – стражи.) Люди не были хранителями жизни, но они стали ее преобразователями. Стражи и другие волшебные существа восприняли это открытие с радостью, как новую ветвь Золотого Древа нашего Творца. Увы. Дар преобразователей стал впоследствии проклятием Земли. Но долгие века люди и волшебный народ жили мирно. Пока не пришла беда из Космоса. Это было похоже на падение огромного астероида. На миг все сотряслось от боли, гармония и простота юного мира как бы подернулась рябью. По миру прошла трещина. Так появились на Земле пришельцы...

Ладья остановилась. Отец Иван и Дмитрий молча сидели, потрясенные только что виденной картиной вторжения на Землю пришельцев.

– Ну вот, – тихо сказала Игуменья, – я и Корифей рассказали вам о том, как начинался наш общий путь. Всю остальную нашу историю вы узнаете до начала Совета.

– Узнаете-узнаете, – промурлыкал Корифей, вставая и потягиваясь. – Ну что, друзья, мне пора. Спасибо, досточтимая Игуменья, подвезли. Пока. И до новых встреч.

Корифей махнул лапой, прыгнул с ладьи в сияющий туман и исчез...

Ладья плавно поворачивая назад, к причалу. Поворачивая, ладья поднималась все выше и выше, пока не расступился туман и не показались в немыслимом отдалении хрустальные горы Другого Берега. После этого ладья полностью повернула и, войдя в туман, двинулась к дому.

Грот под Холмом

Сияющий туман расступился. Далеко впереди и внизу показался Холм. Ладья Игуменьи плыла к Холму по реке и, одновременно, спускалась к нему с Верхних Вод.

– Хотите узнать, что сейчас произошло с Капитаном? – сказала молчащая всю обратную дорогу Игуменья.

Отец Иван и Дмитрий кивнули.

– Капитан сделал свой выбор. Только что. Он счастлив и очень надеется, что вы его поймете. – Игуменья загадочно улыбалась.

– А почему мы его не поймем? – пожал плечами отец Иван. – Если ему его выбор принесет счастье, значит, и мы будем рады рядом с ним.

– Будем рады рядом с ним, – повторила Игуменья и внезапно добавила, – но вы недолго будете с ним. Таково последнее решение Капитана. Он скоро покинет ваш мир.

– Как это покинет, он что... умрет?

– Да, для вас, вашего мира он умрет.

– Так это и есть его выбор?! – воскликнул отец Иван.

Игуменья улыбнулась, кивнула головой и добавила:

– Капитан выбрал Другой Берег.

– А мы? Что будет с нами? – внезапно вырвалось у Дмитрия (к вылетевшим словам так хотелось добавить: «бедные мы, несчастные...»)

– А вы будете дальше жить в мире людей. И если все будет хорошо, увидите начало Новой Эпохи мира!

Игуменья улыбнулась и что-то пропела своим прекрасным низким голосом.

– У тебя, мой друг, – обратилась она к отцу Ивану, – еще будут сомнения и искушения. А вслед за ними последует решение: остаться прежним батюшкой или стать одиноким

деревом на суровой солнечной вершине, стать монахом. Впрочем... – Она смотрела куда-то вдаль, поверх головы отца Ивана, глаза ее были полуприкрыты, – возможен и третий, неожиданный выбор. Он может быть связан с печальной судьбой отца Бориса. А может, и не связан. Выбор возможен... но не столь вероятен. Я его почти не вижу. Все в дымке неопределенности.

– Что за выбор? – тихо спросил отец Иван и добавил, – Понимаю, глупый вопрос. И все же.

Игуменя звонко рассмеялась:

– Не стоит полагаться на гадания, когда речь идет о собственном выборе. Кто же тебе о нем точно скажет, кроме тебя самого! Все мы являемся писателями своей судьбы и пленниками собственной свободы. Как сказал бы на моем месте друг Дмитрий. Кстати, Дима уже принял решение, только не совсем еще его осознал. Да, Дмитрий будет писать нашу историю. И это уже не изменить, если только он сам не откажется от собственного выбора...

Показался пустынный причал. Ладья Игуменьи прошла мимо него и стала подниматься выше по реке, миновала второй причал, поворот. Вот уже сбоку от ладьи выросла громада Холма, заслонив собой небо, а на другом берегу реки степь плавно перешла в большую лесополосу. Где-то там, впереди, был лесной храм, в котором Дмитрий и отец Иван впервые повстречали стражей. Но до лесного храма ладья Игуменьи не доплыла. Через несколько минут ладья повернула в приток, впадающий в реку. Приток вел прямо к Холму. Было заметно, что приток имеет искусственное происхождение – неширокая, прямая, словно оросительный канал, глубокая канава с чистой прозрачной водой и берегами, густо поросшими кустарником. Канал шел прямо в Холм, в просторный тоннель, освещенный нежным голубым светом.

– Мы направляемся в подземный грот к подземному озеру, – тихо сказала Игуменя. – Одно из немногих мест, где вы еще не были. У подземного озера вас ждут старые, желанные друзья. А моя миссия окончена. Но мы еще встретимся на Совете, и я не прощаюсь с вами.

Тоннель был ярко освещен фонариками – они висели в недостижимой высоте сводчатого потолка, выступали из боковых стен, выложенных чудесной плиткой золотисто-серебристого отлива. Ладья бесшумно скользила по потемневшим подземным водам, в которых отражались бесчисленные лучи и блики от фонарей.

Через несколько минут стены тоннеля расступилась. Ладья Игуменьи оказалась в ярко освещенной огромной пещере ровной сферической формы. Прямо по курсу лежало небольшое озеро, вытянутое овалом к противоположной от тоннеля стороне пещеры. И там, на той стороне, виднелась широкая площадка с колоннами по бокам и причудливыми светильниками. Светильники напоминали большие открытые чаши. В этих чашах горел яркий и ровный серебристый огонь, больше похожий на плазму. На площадке их ждали друзья: Лариса-археолог, Пестрый и третья неясная фигура, вдвое меньше Пестрого, скрытая плащом. Лариса и Пестрый приветливо помахали им руками. Третья загадочная личность в плаще так и осталась неподвижной.

Увидев Ларису здесь с Пестрым, Дмитрий поймал себя на мысли, что совсем не удивлен ее появлению. Да, именно таким образом и должна была появиться на Холме эта необычная женщина-археолог. Раз уж поверила во все там, у Браммы. Да и сама встреча... Дмитрию вспомнилось, что за все время пребывания на Холме они говорили о Ларисе лишь дважды. Первый раз с Капитаном и отцом Иваном. Второй раз – вскользь с одним отцом Иваном. Дмитрий знал, что рано или поздно Лариса появится в мире стражей (в это верил и Капитан, сомневался только отец Иван). И вот она здесь. И сердце бьется радостно. И отчего-то непонятная тревога.

Дмитрий помахал рукой в ответ на приветствие. В этот момент его толкнул в бок отец Иван:

– Ты видел?

Батюшка показывал пальцем вверх. Дмитрий задрал голову и оцепенел от удивления. Прямо над ними в зените потолка (ладья как раз проплывала по центру пещеры) ярко сияло чистым янтарным светом что-то большое и овальное. Оно было похоже и на виденный ими из мира стражей девять лет назад галактический центр. И на Великое Семя, из которого выходит весь видимый и невидимый Космос. Сияющий в зените овал был символическим обозначением Истока – Аз-у.

От Истока отходил золотистый ствол дерева. По куполу потолка спиралью ствол спускался к земле. Золотое Древо Мира – догадался Дмитрий. Кон-Аз-у стражей... Через несколько витков у ствола появлялись первые золотистые ветви, листья, на листья опускались белые светящиеся коконы, рядом с ними проплывали какие-то оранжевые шары, похожие на первобытные солнца или на чистые духовные сферы, пока не имеющие материального выражения. Еще через несколько витков коконы превращались в прекрасных, сияющих существ, очень похожих на ангелов, а оранжевые солнца собирались в созвездия, вдали виднелись завихрения творящихся рукавов галактики. Дальше дерево распалось на множество ветвей – каждая ветвь изображала свой мир и своих созданий. Вся эта ветвистая, многомерная жизнь, с неописуемыми сказочными созданиями низвергалась на мощные уступы, что отходили от стены и шли до самого подземного озера...

– Ничего себе грот, – изумленно сказал отец Иван, – да это же целый храм!

– Этот грот, как и все, что находится под Холмом, был обустроен нами вместе с детьми гор. Они искусные мастера. А мы, стражи, не очень любим пышную архитектуру, да еще и под землей. Ну, а изображения, что вы видите, символы... так, кажется... Все это создано нами исключительно для детей гор. И для других народов, кто пожелает понять. Что касается нас, мы все это носим в себе. Мы поем, дышим – этого уже достаточно.

Едва Игуменья закончила говорить, как бок ладьи плавно коснулся площадки, на которой их ждали друзья. Отец Иван и Дмитрий бодро соскочили с корабля и тут же попали в объятия Пёстрога. Подошла Лариса и протянула им руку, которую друзья сдержанно пожали. Лариса улыбалась друзьям, но все же улыбка была отстраненной, как из полусна. Женщина-археолог теперь неотрывно, восторженно смотрела на стоящую в ладье Игуменью. Пестрый приветствовал Игуменью на своем языке. Игуменья, что-то ответив Пёстрогу, взмахнула руками, словно птица (кажется, речь шла о Капитане). Взгляд Игуменьи задержался на Ларисе и таинственной фигуре в плаще.

– Здравствуйте, Лариса, женщина-человек. – Игуменья почтительно склонила голову. – Я рада, Лариса, что Вы здесь. Ваше посещение является для нас новым знаком близости нашего Союза.

Лариса неловко склонилась перед Игуменьей и сказала, краснея:

– Здравствуйте. Я слышала, Вас назвали Игуменьей. Вы очень красивы, божественно красивы... простите, я не о том. Просите, я еще так мало знаю. Но о Союзе чуть-чуть слышала, от Пёстрога.

– Вот и хорошо, – ответила Игуменья. – Держитесь своих друзей. Все со временем прояснится. Мне кажется, Вы немножко торопитесь. Не торопитесь. Будьте спокойней. Отдыхайте и учитесь, милая Лариса. Отдыхайте и учитесь, – повторила она.

Неожиданная встреча и история о том, как бывший иеромонах стал гномом

– А теперь, друзья, вот ваш старый друг, который вас давно ждет.

Сказав эти слова, Игуменья махнула рукой. Фигура, закутанная в плащ, сделала шаг вперед, распахнула полы плаща. Отец Иван и Дмитрий замерли от удивления. Под плащом был Топ, они узнали его сразу (да и как не узнать существо с такой неординарной внешностью). Все так же приземист и коренаст, – подумали Дмитрий и отец Иван почти одновременно. – Немного раздался вширь. Это есть. И одет солидно, без дурацкого клоунского кафтана и красной шапочки...

Топ был в длинной темной сутане, украшенной разноцветными камнями. На пальцах у него блестели перстни. На голове прочно сидела круглая шапочка с кисточкой: точь-в-точь как у «булгаковского Мастера», – подумал Дмитрий; а отец Иван решил, что Топ чем-то похож на средневекового алхимика. Глаза Тоба цепко и дружелюбно смотрели на людей. Дмитрий отметил про себя, что борода у гнома стала немножечко длиннее. Все же девять лет прошло.

– Здравствуйте, люди, – сказал Топ. Слова эти он произнес почти нормально; не разделяя по слогам, не вставляя лишние гласные звуки, отчего слово будто бы выворачивалось наизнанку. Теперь Топ произносил слова полностью – разве что произношение у него получалось быстрое, отрывистое, немного какое-то механическое.

– Здравствуй, Уважаемый Топ, – ответил Дмитрий. – Как Ваше здоровье, как Ваша борода?

– Какая изысканная вежливость, и главное, про бороду не забыл! – воскликнул Топ и, захохотав, полез обниматься с Дмитрием и отцом Иваном.

– Я рада, что встреча старых друзей состоялась, – улыбнулась Игуменья. – А мне пора. Но мы еще увидимся.

Игуменья махнула рукой. Ладья плавно отошла от причала, развернулась и стремительно двинулась к тоннелю. Через минуту Игуменья вместе с ладьей пропала из виду. Как будто растворилась в воздухе.

– Топ, – обратился к сыну гор отец Иван, – как ты... это...

– Как здесь оказался? – помог Топ отцу Ивану. – Что делаю? Ну, может еще, почему хорошо говорю на вашем языке? Надеюсь, угадал, – Топ хитро блеснул своими маленькими глазками.

– Угадал, – согласился отец Иван.

– Тогда по порядку, – сказал гном. Что я здесь делаю? Живу.

– Живешь?!

Топ почесал бороду.

– Мы расстались девять с половиной лет назад. С тех пор много воды утекло.

– Девять с половиной лет. Вы уже виделись! – воскликнула Лариса и спешно добавила, – Простите, продолжайте.

– Девять с половиной лет, – подтвердил Топ. – Счет точный. Продолжаю. Тогда я познакомился с лесным народом и с вами, людьми. Все было в один день. Помните?

Дмитрий и отец Иван кивнули головой.

– Тогда должны помнить и наш план, – важно продолжил Топ. – Надо было заманить моих соплеменников, сошедших с ума, в пещеру со священным камнем Раха-а-ахалд. Но все пошло немного не так... Впрочем, Топ рассказывает то, что вам знакомо. Сошедшие с ума соплеменники бежали за вами до самой Поющей Косы. Только там с них стали спадать колдовские чары. Вы тогда сели в ладью... вот ту самую, из которой сейчас вышли. А мои бедные соплеменники бродили, потерянные, натываясь друг на друга, словно ослепшие, у края Косы. Но тут подоспел Топ. А помогал Топу тот, которого вы зовете Отшельником. Мы повели детей гор, спотыкающихся, словно малые дети, к пещере с камнем. В пещеру к священному камню ввели всех без преград. Завал я к тому времени разобрал. Я заставил всех прикоснуться к Раха-а-ахалд. Мои соплеменники начали вспоминать. Это было радостное чувство. Они словно пробуждались после тяжелого

забвения. Вместе с памятью вернулась тревога. Камень предупредил, что у нас дома очень беспокойно и все наши самые худшие опасения сбываются. И мы должны очень торопиться. Если уже не опоздали... Увы-увы, мы опоздали... Мы слишком долго мочили бороды. Слишком долго.

Топ замолчал, видимо, ушел в воспоминания. С минуту стояла полная тишина, слышался легкий плеск воды.

– Мы приглашены в дом Отшельника, – осторожно напомнил Пёстрый. – Там тоже много событий. У Отшельника гостит Серый, тот самый, что украл у Капитана Живоглаз... Но хотелось бы дослушать и историю Топа.

– Ах, да, простите, – вскинул голову Топ. – И давайте понемногу идти, Топ постарается все сказать по дороге. Думаю вас, люди, больше всего интересует судьба Василия, которого вы называли иеромонахом?

– Ты снова угадал, дорогой Топ! – воскликнул отец Иван.

– Что же, – задумчиво сказал Топ, – судьба Василия теперь тесно переплелась с судьбой моего народа. Добрый лесной народ и в этом видит знак будущего Союза. Топ видит немного иначе... Но, не важно. Теперь о Василии. И идемте потихоньку.

Друзья не спеша двинулись к широкой, просторной лестнице, сложенной из какого-то голубоватого камня, отдаленно напоминающего мрамор. Лестница упиралась в восточную стену подземного грота. В стене была небольшая арка. Они прошли один пролет, остановились по знаку Топа.

– Не умею говорить и идти, – сказал гном и развел виновато руками. – Думать и идти, другое дело. А вот говорить – никак.

– Тогда давайте прямо здесь и выслушаем нашего друга Топа, его рассказ того стоит, к Отшельнику не опоздаем, – сказал Пестрый. Все с ним согласились.

Гном приосанился, принял прежний важный вид и начал:

– Топ постарается быть кратким. Но сейчас он будет говорить не свои слова, а слова самого Василия. Эти слова кажутся нам правдивыми... В тот день, когда мы расстались и лесной народ повел моих братьев к пещере Раха-а-ахалд, авва Василий остался совсем один. Он так и пролежал до прихода людей. Люди пришли довольные. Металл сбыли хорошо. Один человек даже ездил в большой город. Договорился насчет золота, которое так любят человеки и так хорошо за него платят. Все были рады и быстро утешили своего авву. Решили, что человеческий бог снял с Василия свою тяжкую длань. И что теперь ничего не остается, как только запереться и переждать бедствия. Даже нашли такое дело лучшим. Ибо никто из человеков не хотел воевать с лесным народом. То были колдовские чары, как все теперь знают. Прошел месяц, два, а бедствия не ощущались никак. Тогда Василий решился выбраться к людям, самому убедиться, в чем дело. Увы. Внешний мир оказался на своем прежнем месте. Бедствиями и не пахло. Василий даже ездил в свой город. Город жил прежней жизнью, никто из горожан не торопился посыпать пеплом голову. Василий бродил по городу с потерянным видом и с холодным бешенством внутри. Несколько раз подходил к своему церковному управлению. Но так и не вошел внутрь. Никогда еще Василий не ощущал чуждость человеческому обществу с такой силой. Теперь это чувство было настоящим, а не только из головы. Он был словно из другого мира. Город казался ему пустой позолоченной подделкой, из тех, которыми у нас развлекаются малые дети. И тогда Василий, отряхнув прах со своих ног, навсегда порвал с вашим миром. Он вернулся назад, в катакомбы.

Топ остановился, переводя дух. Длинные речи на человеческом языке давались ему еще непросто. Отдышавшись, гном продолжил:

– Люди Василия натащили еды, заперлись. Сначала все шло хорошо. Слуги Виктора (да, у него было двое слуг, довольно оборванного вида) занялись шахтой. Сам Виктор благоустроивал катакомбы. Один лишь Василий оставался ко всему безучастным. Осенью

Виктор со слугами совершили еще одну вылазку в человеческий мир, сдали золото, другой ценный металл. Зимой заперлись полностью. Тогда все и началось. Людями стало овладевать безумие. Это мы можем сколько угодно быть под землей в одиночестве. Людям тяжело. Если прошлую зиму все держалось на колдовских чарах, теперь чар не было. Василий был не тот, он больше не проповедовал, не говорил красивые речи, не зажигал сердца огнем. Василий лежал камнем. И лишь после серьезного разговора со своим Виктором начал вставать, даже совершать пешие прогулки. А потом Василий вдруг увлекся нашим оружием, топорами.

Топ отдышался и продолжил:

– Кто бы мог знать, что наше оружие будет интересно людям. Но Василий не просто взял топор. Он взял самый сильный топор. Этот топор зовут Х-а-зар. Это особенное оружие. В нем особенная сила. Им можно разить пришельцев Кургана, которых обычные топоры не берут. Василий взял наше сокровище, забытое нами в суматохе и приручил его. (Эта новость впоследствии стала для нас подобна удару грома.) Целыми днями Василий тренировался с топором. Всю свою одержимость он теперь вкладывал в оружие. Один раз топор едва не отсек ему ногу. Но подчинился. В начале весны Х-а-зар испил человеческой крови. У Виктора взбунтовались слуги. Слуги роптали всю зиму, а к весне обезумели совсем. Они избili Виктора. Хотели убить Василия, но увидев его с топором, отступили. Тогда несчастные решили добить Виктора, взять у него золото (оборванцы были уверены, что Виктор с Василием припрятали часть золота, которое не сдали по осени) и бежать отсюда в человеческий мир.

Когда Василий услышал крики из кельи Виктора, он мигом все понял, тут же вошел в сильную ярость, схватил топор и убил оборванцев. Убив, он не сразу остановился, а стал рубить их тела в кровавые куски. (В этом месте Лариса вздрогнула, а Пестрый закрыл ладонью глаза, словно не в силах был созерцать то, что сейчас рассказывал гном.) Но главное, не это, – продолжил Топ, – Когда Василий убивал, он вдруг испытал необыкновенное, невысказанное наслаждение и при этом какую-то странную ясность мысли. То есть, все понимаешь, что сейчас делаешь и можешь этого не делать, но делаешь, потому что очень приятно это делать. Очень приятно... Впрочем, для моего народа слова Василия туманны и непонятны. Да.

– Ужас! – воскликнул отец Иван. – Ужас! Страшный конец для служителя Христа, в духовном смысле конец.

– Тот, кто много раз убивал в мыслях, рано или поздно убьет и по-настоящему, если представится случай, – добавил Дмитрий.

На минуту воцарилось тягостное молчание, немного разбавленное красивым гортанным пением, долетавшим через арку. Топ перевел дух и продолжил.

– Этот ужас, как выразился авва Иван, – гном почтительно кивнул в сторону батюшки, – и стал той силой, что начала лишать Василия человеческой формы... Но все это позже. А тогда, изрубив тех двух несчастных, Василий с трудом остановился, чтобы не зарубить еще в придачу и Виктора. Виктор с воплем бросился прочь из катакомб. Василий бежал за ним. Он, конечно, не убил бы его. Он бежал за Виктором, сам не зная зачем. А Виктор, добежав до Заячьей Норы, юркнул быстро в нее. Тогда Василий страшно прокричал ему вслед свое проклятие; мол, если бы я руководствовался твоим сопливым гуманизмом, мы бы сейчас оба были мертвы. Но ты жив и убегаешь туда, откуда приполз. Так оставайся же в своем навозе и сюда больше не приползай... Василий стал в ярости рушить стены Заячьей Норы. Сыпучие стены поддались. Через полчаса напряженной работы ему удалось обвалить вход в Заячью Нору. Путь в мир людей был отрезан. Василий вернулся в катакомбы. Вынес и закопал останки тех двух несчастных, смыл кровь. Наступила ночь, Василий лежал с открытыми глазами, ему было очень страшно. Он понял, что перешел последнюю черту. Пути назад нет. Раз за разом он прокручивал в уме то жуткое состояние

сладострастия в момент убийства. Нет, это был не он. И все же убивал он. Значит, он не просто грешен, он проклят, проклят во веки вечные. Пути в человеческий мир у него нет. Василий зарыдал, горько и во весь голос, как маленький ребенок. Через минуту плач сменился истерическим смехом. А потом пришла ледяная ясность мысли. Так с Василием повторялось из ночи в ночь (днем он делал свои обычные дела и по-прежнему тренировался с боевым топором). С каждой ночью истерик становилось все меньше, а ледяной ясности больше. Что-то новое вползало в его душу. В одну из ночей Василий ясно понял, что и сам стал жертвой темных сил Кургана. Не будет никакого пришествия царя, как и не было бедствий. Все это бесовское обольщение. На следующий день Василий изрубил все иконы, что были в катакомбах. За исключением одной, самой его любимой, что стояла у него в комнате. Иконы он рубил хладнокровно, без эмоций. В последующие ночи ему стал уясняться план Могильников и Кургана тьмы. Стало приходиться понимать, что делать. Так, спустя четыре месяца после убийства и бегства Виктора, Василий покинул свои катакомбы и спустился во мрак Могильников. Долго он блуждал во мраке, пока не наткнулся на группу пришельцев. Пришельцы (а это были собакоголовые твари) вели пленных. Все пленные были моими соплеменниками. Попали к пришельцам они по величайшей глупости... но не об этом речь.

Топ остановился перевести дух. Через минуту продолжил:

– Василий убил пришельцев, ни одна тварь не спаслась. Освободил пленных и вывел их из Могильников. Какое же было удивление у Василия, когда среди пленных он узнал своего бывшего Гришку и еще нескольких. А когда Василий вдруг приветствовал освобожденных на нашем языке, он даже испугался. Он не мог понять, как эти слова могли вылететь из него. Это была потеря человеческой формы. Но Гришка и его а-ард... э-э-э, это и братья, и друзья, и родичи, все вместе – они очень обрадовались и приняли Василия как родного. Василий привел бывшего Гришку (его настоящее имя Худ) и его друзей в катакомбы. И те начали вспоминать свою жизнь под колдовскими чарами. Вспомнили немного, смутно и только в основном хорошее. Василий уже тогда превратился в одну из легенд нашего народа. Они видели перед собой полуарда, получеловека – еще довольно высокого, но уже ниже человека и шире, чем человек, и крепче. И с легендарным топором в руке. Смелого и безрассудного как самый яростный ард – да таких у нас уже и нет, иначе бы не потеряли свои дома, – Топ тяжело вздохнул, – и в то же время с умом человека... Ну, вот и конец истории. Теперь у Василия другое имя – Васа. Несложно догадаться, что Васа стал предводителем раха Худа... То есть, всех гришкиных друзей и родичей, их около сорока. Однако почти сотня моих соплеменников Васа не приняла. Между нами чуть война не случилась. Мудрый лесной народ нас примирил. Пока это все, что я хотел вам сказать... Идемте. Вас ждут у Отшельника.

Друзья молча поднялись на следующий лестничный пролет. Вошли в арку. Взору открылись два просторных тоннеля. Один тоннель шел в северо-восточном направлении. Он был освещен редкими серебристыми фонариками (больше ничего интересного в нем не было). Второй тоннель плавно опускался в глубину земли, в юго-восточном направлении. Из глубины, на том конце тоннеля, бил яркий голубоватый свет, слышался многочисленный стук молоточков, перезвон как бы множества колокольчиков и отдаленное гортанное пение. Это было так необычно – яркий голубой свет из глубин земли (ни мрак, ни огонь, ни тьма – с чем почти бессознательно ассоциируются у нас глубины земные).

– Волшебный народ, волшебный город, – тихо прошептала Лариса.

Друзья молча стояли и смотрели на чудесный свет, бьющий из-под земли.

– Вам туда, – Топ махнул рукой в сторону тоннеля, идущего на северо-восток. – Выйдете прямо к дому Отшельника. Друг Пёстрый дорогу знает.

– Ты не с нами? – спросил Топа Дмитрий.

– Нет, друзья. Еще не пришло время Топу ходить по солнечной стороне Холма. Мне надо к своим, они ждут; вон туда, откуда идет свет, там наше поселение.

– Откуда у вас такой яркий подземный свет? Это так во всех поселениях вашего народа? – поинтересовался отец Иван.

Топ отрицательно покачал головой:

– Не во всех, увы. Но здесь, под Холмом благословенного народа, и корни земли благодатны. Отсюда такой яркий свет... Но мне пора, друзья.

Топ снял свою шапочку с кисточкой и поклонился.

– Спасибо тебе, друг Топ, за удивительную историю, – сказал Пёстрый и тоже поклонился.

– Спасибо и вам, – ответил гном и надел шапочку. – И... больше ни слова, друзья.

Мелкий апокалипсис

Влажная дымка стелется над застывшими водами лимана. Медленно бредет по колону в воде какой-то мужик. Почти не сгибая ног, механическим, неживым шагом оногибает выступающие из воды валуны. У мужика мутные стеклянные глаза, он либо пьян, либо под каким другим «кайфом». Обогнув валуны, мужик выбирается на берег. И тут же с берега в воду бросается водяная змея. Чуть поодаль из воды высовываются сразу несколько змеиных голов. Змеи охотятся на бычков...

– Я это уже третий год слышу, – грустно вздыхает Максим, продолжая прерванный появлением мужика разговор. (Друзья расположились как раз на выступающих из воды валунах.)

– Режим вот-вот падет, режим давно в коме. Режим искусственно поддерживают. Согласен с последним утверждением. Но это ничего не значит. Искусственно поддерживать можно сколь угодно долго.

Максим вопросительно смотрит на Дмитрия.

– Можно поддерживать, – соглашается Дмитрий, – но не в этом случае. Режим обречен не сам по себе, обречены те силы, на которые режим поставил все свое существование... Впрочем, до выборов в США вряд ли что поменяется. Если в августе-сентябре ничего экстраординарного не произойдет.

– И после выборов может ничего не поменаться, – говорит отец Иван. Он сидит чуть поодаль от Максима и Дмитрия, у самой кромки воды. – Трамп может не победить. А скорее всего и не победит.

– Не имеет значения, победит или нет Трамп, – веско возражает Дмитрий, сам с удивлением прислушивается к себе: будто не он говорит, а кто-то другой. – Кто бы ни победил, победа не устроит никого. Это тупик. И в этом тупике поколеблются многие, казавшиеся непоколебимыми, мировые европейские и американские центры. Да только ли в выборах в Штатах дело! А референдум за выход из ЕС в Британии, а неизбежное укрепление позиций евроскептиков в самом ЕС! Распад западной либерально-ростовщической империи предрешен, и она распадется, так же как распался Советский Союз. Скоро Западу будет не до Киева. А без поддержки Запада киевский режим не продержится и нескольких месяцев. Впереди пробуждение новых сил. Новые союзы. Новые силы! Но очень важно, чтобы все обошлось без крови и дальнейших потрясений. Впрочем, ничего сказать определенно нельзя. Мир вступает в новую эпоху. Все старое перестает работать.

Максим уныло ковыряет носком ботинка прибрежную гальку и говорит:

– Все это философия, Дима, высокие материи... нет, я согласен со всем, что ты сказал. Но остается открытым вопрос: как нам, простым смертным, дальше жить? С июля тарифы

на тепло опять в два раза вырастут. С сентября рост тарифов на свет. И это не предел. До зимы обязательно еще на что-то поднимут. Так что мы вполне можем после зимы стать бомжами. И режим этот вряд ли в ближайшее время исчезнет. До зимы точно ничего не поменяется...

– Это апокалипсис! – перебивает Максима отец Иван. – Я, конечно, говорю не о всепланетном, библейском апокалипсисе... Но то, что у нас происходит, это тоже апокалипсис, только малый, локальный, личный. Плохо всем. Не знаю ни одного человека, который бы сказал: после майдана мне стало здорово жить, лучше жить, сбылись мои мечты!

Отец Иван на минуту замолкает. Молчат и его спутники. Вокруг воцаряется неестественная, вязкая тишина. Дмитрий оглядывается. Мир все больше напоминает ему застывшую картонную декорацию в театре. Позади них пустынная нефтебаза. Поодаль морской порт. В порту хорошо видно большой сухогруз. Нарядный, с голубоватыми бортами, словно нарисованный на картинке. На том берегу лимана дождь поливает унылую, коричневатого цвета степь, виднеются крохотные коробочки дачных домиков. Трасса на Одессу только угадывается, по столбам и лесополосе. В другой стороне, за поворотом лимана к морю, мир как будто гаснет в серой и беспредметной дымке, там где воды лимана сливаются с дождливым небом.

Боже, почему так тоскливо, так пусто? – думает Дмитрий. Ведь вроде все нормально, он с друзьями. Откуда тупая безысходность? Хунта, Америка, ЕС – как все надоело! И этот застывший пейзаж... Это похоже на сон, на обычное тусклое сновидение. На самом деле он живет в другом, гораздо более реальном мире... Мысль показалась Дмитрию фантастической, но интересной. Дмитрий пытается вспомнить хоть что-то из того, «другого» мира... Нет. Ничего не вспоминается. В голове вертится Холм, стражи, недописанная книга. Возможно, недописанная книга и тот мир как-то связаны? Но как?

– Помнишь Симыча, гитариста группы «Сторож травы»? – отец Иван вопросительно смотрит на Дмитрия. Дмитрий кивает головой.

– Талантливый был музыкант. Еще в начале 90-х была у него возможность переехать в Питер, по музыкальной части. Но что-то не заладилось. Теперь вот на церковной паперти у кафедрального собора милостыню просит. Две недели назад был на приеме у епископа, видел его. Вот так-то вот. Апокалипсис.

– Поэтессу местную Иру Трухову кто знал? – спрашивает Максим.

– Я знал, – отвечает Дмитрий. – Но очень давно не видел ее. С года 96, 97-го.

– Покончила собой, – вздыхает Максим, – в прошлом году.

– Невостребованность?

– Да, – говорит Максим, – кому сейчас поэзия нужна? Пила она сильно в последние годы. Большие материальные проблемы. Так один к одному.

– Друзья, – говорит отец Иван, – раз уж заговорили о покойниках. Вот Диме будет интересно. Николая Счастливого помнишь? Община «Розы Мира»?

– Конечно, помню... что, тоже умер?

– Да. В начале киевского майдана. Внезапно слег. И готов. А с виду был совершенно здоровый. И отца Михаила помнишь? К которому мы в 93-м ездили на приход. Перед тем как к Николаю в общину попасть? Тоже умер. Перед самым майданом. А этого фермера-бизнесмена Хомяка, помнишь? Застрелился из ружья. Сразу после государственного переворота в Киеве.

– Жатва какая-то! Смертельная жатва! – восклицает Дмитрий.

– И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть – торжественно декларирует отец Иван. – Да, друзья, жатва. И еще неизвестно кому легче, живым или покинувшим этот мир. Мне иногда приходится под утро ходить на сортировочный вокзал. Жене на работу передачу нести. Раньше идешь, в теплое время

года, везде пьют, гуляют, какое-то движение. Сейчас идешь, город как вымерший. И у всех проблемы. Материальные, в основном. Реже – творческие, та же не востребованность. Хотя обычно первое тесно связано со вторым.

– Я вот о чем думаю, – говорит Максим, – а если этот режим всерьез и надолго? Ну, как было при установлении Советской власти. Многие враги советов тогда тоже думали, что большевики долго не продержатся. Со дня на день падут. С месяца на месяц. А советы так и не пали. Так и мы. Все ждем, что хунта со дня на день падет. А она и не думает падать. И кто мы, получается? Лишние люди! Смешные, отжившие свое неудачники. Кисы Воробьяниновы. Но будем еще какое-то время пузыри пускать. Пока система нас не сломает. Так и угаснем потихоньку.

– Есть одна существенная разница между большевиками и киевским режимом, – возражает Дмитрий. – Понимаешь, Максим, у современной власти нет созидательной, положительной идеи. Ну, кроме построения их, бандеровской Украины за счет зачистки всех, кто не «их Украина». Но что на таком фундаменте построишь? Да и ничего не построено! Наоборот, в техническом плане, например, тот же наш город корабелов дичает. Да, у большевиков был террор, тоже были лишние люди и много пролитой крови. Но помимо военного коммунизма был ленинский НЭП. И помимо сталинских чисток была индустриализация, просвещение... строили, строили, строили. Дороги, мосты, больницы. Была объединяющая всемирная идея интернационализма... Какое положительное ядро в сегодняшней киевской идеологии? Украина превыше всего. Хорошо. А дальше что? Хутор и вышиванки... Нет, на таких рельсах долго не простоишь. Этот режим обречен.

Максим вдруг яростно пинает носком ботинка гальку. Мелкие камушки, вперемежку с ракушками и песком фонтаном рушатся в зеленоватую воду лимана.

– Да, ты прав, – говорит он. – И все же... у нас так мало времени! Как ты там, отец Иван, говорил, насчет новых поколений, что успели уже вырасти после нас, после нашей рокерской юности: закончить школу, стать взрослыми. Мы же неизбежно стареем.

– Ничего, каждый возраст прекрасен. – А у нас нет выбора, нам остается только ждать.

Отец Иван согласно кивает головой. Мимо компании опять проходит пьяный мужик со стеклянными глазами. Теперь он двигается в обратную сторону. В руке у него дымится зажженная сигарета.

Отец Иван, Максим и Дмитрий карабкаются вверх по крутому склону. Они покидают лиман. Тропинка петляет среди низкорослого кустарника. Как партизанская тропа. Внизу, прямо под ними, нефтебазовский пляж. Можно было пересечь пляж и выйти на нормальную асфальтированную дорогу, которая не так крута; но отец Иван внезапно свернул на тропу. При этом еще и пошутил: мол, широкие пути ведут известно куда. А мы пойдем узкой тропой.

Друзья не возражали. Максим прокомментировал шутку батюшки по-своему: на оккупированной невидимым, но вездесущим врагом территории нам только и остается, что ходить партизанскими тропами. Дмитрий промолчал. Он только что испытал очередное странное чувство, наподобие того, что случилось с ним каких-то полчаса назад. Но сейчас это чувство было еще ярче. Они проходили пляж. Несмотря на дождливый день и «мелкий апокалипсис», народ на пляже присутствовал. Среди отдыхающих Дмитрий вдруг увидел молодую женщину. У нее было узкое лицо, прямой, немного мясистый нос, длинные темно-русые волосы и большие темные глаза. Дмитрий в какое-то мгновение вспомнил (нет, он точно знал!), что это Лариса-археолог. Он только удивился, что она здесь делает? Он почти уже окликнул ее. Но тут отец Иван резко повернул на «партизанскую» тропу. Они стали подниматься.

Дмитрий еще раз окинул взглядом молодую женщину и попытался убедить себя, что ошибся. Женщина, похожая на Ларису-археолога, пробудила в нем сильнейшее чувство раздвоения. Ему опять подумалось, что он сейчас спит, что это все сон, а подлинная, параллельная сну реальность – вот-вот он ее вспомнит. Пока же в памяти крутится только то, что параллельная реальность неким образом связана с недописанным романом и виденной только что женщиной на пляже.

Подъем закончился. Но они по-прежнему двигаются по петляющей тропинке, среди бесконечных кустов. Вокруг ни души. Странно, должна быть железная дорога, – проносится в голове Дмитрия. Частный сектор. За ним спальный микрорайон. Затем рынок, пустырь и парк, за которым привокзальный район, где обитает Максим. Там же остановка... Но ничего этого нет!.. Идем другой дорогой? Впрочем, какая разница. Отцу Ивану и Максиму видней, они здесь живут. Гораздо важнее другое. Дмитрий чувствует, как отец Иван и Максим постепенно от него отдаляются. Внутренне отдаляются. Вот между ними разговор, видимо начатый еще до появления Дмитрия. И разговор какой-то совершенно тусклый, обыденный. Все о каких-то знакомых. Кто-то разводится, кто-то судится, кто-то спился, кого-то «съел» епископ, кто-то заболел паранойей на фоне последних политических событий...

Отец Иван внезапно останавливается:

– Пришли, – говорит он Дмитрию. – Нам пора.

– Да, пора, – кивает головой Максим. – Извини. Скоро увидимся. А пока – пора.

– Как, пора. Где мы? – Дмитрий в недоумении вертит головой. Вокруг по-прежнему кусты, но где-то впереди смутно маячит девятиэтажка.

– Возле моего дома, – говорит Максим. – Иди прямо, по этой тропинке и как раз выйдешь к остановке.

Отец Иван в нетерпении выуживает мобильник:

– Не прощаемся. Увидимся... давай, брат.

Он машет рукой и исчезает в кустах, за ним исчезает Максим. Дмитрий остается один. Он растерянно оглядывается. Первое естественное чувство, что вспыхивает в нем, – обида. Как-то не по-людски расстались. Отец Иван и Максим будто сбежали от него. Почему? Что-то неуловимо изменилось в его жизни. Но что? Пока ясно одно – близкие друзья, особенно отец Иван, отдалились. Стали другими. Он теряет друзей.

Дмитрий продолжает свой путь в одиночестве, стараясь не думать ни о чем. Тропа перестает петлять, она становится шире и идет прямо, как магистраль. Кусты теперь выше и образуют над головой как бы свод. Все это напоминает тоннель. И тоннель смутно знакомый. Будто он уже шел по точно такому же проходу в кустах. Но где, когда?

Вдруг Дмитрий выходит из тоннеля. Выходит прямо в своем дворе. Первое мгновение он не верит глазам. Но тут же вспоминает, что именно по такому тоннелю он покидал свой дом... Смутно помнится гроза... да, он стоял на балконе. Потом вошел в тоннель. Прошел. Кажется, был Отшельник. Или кто-то на него похожий. А потом...

Дмитрий замирает. Он буквально физически ощущает, что вот-вот все вспомнит. Все! Только не потерять это ощущение. Дмитрий быстрым шагом идет домой. Почти бежит. Он интуитивно чувствует: отгадка дома. Хорошо, что во дворе не единой души. Вот он уже поднимается лифтом на свой шестой этаж, открывает дверь квартиры. Входит. В квартире как будто незримая перестановка. Наверное, он очень долго отсутствовал. Дмитрий входит в комнату. Его совсем не удивляет, что компьютер уже работает.

На экране монитора, на зеленовато-голубом фоне важный кот (его фото с подписью «Корифей» пришито тут же), дальше следуют слова, писанные этим самым Корифеем: «Никто не знает своих границ. Даже наш Пафос...» Ниже фото пса – дворняга с огромными глазами, в глазах застыла вселенская грусть. Это и есть Пафос. Пафос обращается к Корифею: «Корифей, возьми меня с собой как-нибудь Туда... Я тоже

пригожусь. Я сообразительный бываю... Пестрый, мне... я... пожалуйста... хоть краем глаза увидеть...»

Что увидеть? Куда взять? Размышляет Дмитрий. Тут в его памяти вспыхивает имя – Пестрый!

– Я тоже тут! – откликается веселый голос. Дмитрий оборачивается и видит Пестрого, прямо у себя в комнате. Пестрый склоняется к монитору, от Пестрого пахнет лесом.

– Да-да, – говорит Пестрый, – помню. Я обещал взять Пафоса на Совет. Вместе с Корифеем. Сегодня вечером Совет, просыпайся, Дмитрий.

Мы разделенные существа

Дмитрий открыл глаза и увидел Капитана. Капитан стоял у просторного, во всю стену, окна. (Занавески уже отодвинуты, бледный утренний свет проникает в комнату.) Капитан молча разглядывал пейзаж за окном.

– А где Пестрый, – спросил Дмитрий, – разве меня не Пестрый разбудил?

– Пестрый был здесь, – сказал Капитан, отворачиваясь от окна, – минута как вышел.

– Это точно сегодня вечером Совет? Пёстрый мне об этом во сне сказал.

– Не во сне, а во время пробуждения, – уточнил Капитан. – И сон тебе любопытный снился.

– Да, – оживился Дмитрий, – в этот раз я совершенно не понимал, что сплю, только все что-то пытался вспомнить в сновидении. То есть, все было похоже на обыкновенный сон, кроме одного – полная реалистичность, полная! Я такой реализм ни в каком осознанном сне не переживал...

Капитан остановил Дмитрия движением руки и тут же передал ему мысленную картинку: в воображении возник восточный склон Холма, их любимая скамейка, обращенная к Истоку... вот-вот восход Солнца.

Капитан похлопал по сумке, висящей у него на боку под легким плащом.

– Все обговорим на нашем месте, – вслух сказал он. – Я даже чай и бутерброды взял, на случай долгого разговора. Вставай. Умывайся. Отец Иван уже встал. Жду вас у входа.

Капитан вышел. Дмитрий поднялся с кровати, оглядел ставшую уже привычной комнату. Ее можно было назвать спальней. Просторная, с окном во всю стену. Минимум мебели: три кровати, пара кресел, столик, шкаф с одеждой... А неплохие у нас апартаменты, – подумал Дмитрий. За этой комнатой еще одна: огромная, удивительная комната-сад; с лесными деревьями, цветами, небольшой речкой и деревянным мостиком через нее. Сбоку от комнат коридор. Если двигаться по нему к центру здания, будет еще одна комната, в которой поселили Ларису-археолога. Он ее еще толком и не видел, после праздника у Отшельника.

Дмитрий прихватил полотенце, вышел из комнаты и двинулся по коридору в сторону выхода. Свернул вбок, толкнул едва приметную дверь. За дверью фонтаном бурлила вода. Небольшая речка низвергалась пенным водопадом в обширный бассейн. Отец Иван уже искупался и теперь вытирался полотенцем. Они поздоровались. Дмитрий быстро окунулся в прохладную воду бассейна, положил в рот небольшой темно-зеленый шарик. Шарик быстро таял на зубах, оставляя после себя непередаваемый вкус мяты вперемежку с чем-то, не поддающимся описанию. Дмитрий вспомнил, как Капитан объяснял ему и отцу Ивану назначение шариков: мол, они, шарики, обволакивают зубы, десны, кожу тончайшей защитной пленкой.

Шарики побольше служили мылом. «Почистив зубы» и умывшись, Дмитрий собрался, было, постоять немного под струями речной воды, помедитировать на образ дерева. Стоять под пенными потоками чистой воды, чувствовать себя вековым деревом – это

приносило Дмитрию особое блаженство и прилив сил. Но сейчас совсем не было времени, надо успеть на восточный склон до восхода Солнца. Дмитрий нехотя вылез из бассейна, быстро обтерся полотенцем и вернулся в спальню.

Друзья добрались до своей любимой скамейки на восточном склоне очень вовремя. Верхний край Солнца как раз показался над далекой прерывистой линией горизонта, над лучезарными водами Верхнего Моря. И тут же, словно в ответ, ярким, голубоватым светом вспыхнул Исток над Юго-Восточной частью Моря.

Уже в который раз друзья наблюдали восход Солнца с восточного склона. И каждое утро небо было почти безоблачным. (Стояли прекрасные сентябрьские дни уходящего лета, «бархатный сезон».) И восторг, охватывающий душу при виде изумительной игры света между Солнцем и Истоком, был все такой же сильный, как и в первый раз.

Когда над Сумрачными землями появилась одиноко летящая птица (эта птица появлялась каждый восход Солнца), отец Иван пошевелился и сказал, обращаясь к Капитану:

- Твой выбор остается прежним?
- А ты как думаешь? – улыбнулся Капитан.
- Да, глупый вопрос, понимаю.

– Тут и выбора-то особенно никакого. Покинуть Брамму и где-то, непонятно где (вряд ли в Питере меня после стольких лет ждут) вцепиться в эту призрачную жизнь. И ради нее влачить жалкое существование. Ну, лет двадцать, от силы, проживу. А дальше, с чем умру, какой плод принесу? Двадцать лет призрачной жизни ради посмертной пустоты? Нет уж, увольте. Лучше Другой Берег!.. А вот ваш выбор мне хотелось бы знать. Но вначале вопрос: как вам вечер у Отшельника, как вам вся эта удивительная история с украденным Живоглазом и с просветленным воришкой? Как вам сам воришка из племени рамяустов?

Капитан замолчал. Друзья принялись обмениваться картинками-воспоминаниями. И тут выяснилось, что ни у Дмитрия, ни у отца Ивана Шимасса как-то особенно не отложилось в памяти. Дмитрий вспомнил, что еще в самом начале вечера столкнулся с ним в коридорчике, но почему-то подробности этого столкновения напрочь вылетели из памяти. Вспомнилось еще, как заразительно смеялась Лариса-археолог (видимо, опьянев от такого количества волшебного народа), как она пела, гладила рамяустов и что-то шептала им в мохнатые уши. Рядом с Ларисой и рамяустиками ужом вился Пестрый, что-то рассказывал, аж пританцовывал от восторга... Да, этот момент четко отпечатался в памяти. Но не из-за Шимасса и Рассаута, увы. Дмитрий тогда испытал гадостное чувство ревности, чувство совершенно абсурдное, бредовое. Он приревновал Ларису к Пестрому. Это были какие-то секунды, и чувство было несильное, но запомнилось.

Друзья опять погрузились в мысленную беседу. Капитан объяснял, насколько важно то, что Живоглаз начал делиться. И особый символизм здесь в том, что первым, с кем кристалл поделился собой, был представитель маленького, забитого народа. С Живоглаза разговор невольно перескочил на отца Бориса.

– Мой выбор, видимо, все же связан с отцом Борисом, – сказал отец Иван вслух. – Я не могу покинуть Брамму без попытки помочь отцу Борису. Да, Игуменья это сразу поняла. Как она сказала: мы деревья одного сада. Только предупредила, чтобы я был осторожней. Не стоит недооценивать пришельцев. Так что Игуменья права, хотя и считала мой выбор, связанный с печальной судьбой отца Бориса, маловероятным. Но именно это я и выбираю.

– Да будет так, – сказал Капитан. – Но... как ты ему намереваешься помочь? Живоглаз отца Бориса теряет силу, если уже не потерял.

– Да, это чувствуется. Общаться становится тяжелее.

– А как давно ты общаешься? – спросил Дмитрий.

– Первое общение было в ночь на восьмой день. И потом каждую ночь, в сновидении... И вот какой момент стал для меня решающим. Вы помните, какое мучительное чувство раздвоения я испытывал в первые дни пребывания здесь. Понимаю, от маловерия все. Казалось, что Холм, Брама, все это словно дым растает. А как мучила тоска по семье! Она просто дышать не давала! Как кто-то нагнетал ее... Да вы помните, жаловался вам не раз. Но как установился контакт с отцом Борисом, так всю мою тоску и раздвоенность как рукой сняло. Стало понятно, куда идти, появилась цель. Понимаете? В каком-то смысле отец Борис часть меня самого. Того меня, который десять лет назад так же легкомысленно относился к мистике, к силам тьмы. От легкомыслия меня тогда спасло наше знакомство, – отец Иван кивнул в сторону Капитана, – и, конечно же, наше первое путешествие в Брам. Отец Борис это как бы я, легкомысленный и маловерный. Помогая ему, я помогаю себе.

– И что ты ему говоришь?

– Я ему внушаю, что силы тьмы это реальность. Как и все остальные потусторонние силы. Недооценивать реальность потустороннего мира и при этом заниматься практиками, которые напрямую ведут к этим силам... но это все равно что в горящий дом с канистрой бензина входить. Это безумие! Я ему прямо говорю, что он угодил в страшную ловушку. Ему лучше всего уехать отсюда. Сменить кардинально обстановку, побыть в тихом небольшом монастыре.

– А он?

– То смеется, то настороженно молчит, то начинает спорить. Но сам же в собственном споре осекается... В последнее время больше молчит.

Капитан внезапно встал и поклонился отцу Ивану. Тот схватил его за руки.

– Ты, что, Капитан!

– Я не тебе кланяюсь, твоему выбору... Да, мой друг. Дорогой батюшка. Я рад, рад. Но будь осторожен. Если помочь отцу Борису будет уже никак нельзя, предоставь это дело Творцу... А теперь, друзья, предлагаю обсудить последнее сновидение Димы, – сказал Капитан. – Мне кажется, оно имеет большое значение для выбора Дмитрия. Дима, опишешь?

Дмитрий кивнул:

– Да, опишу... Но само сновидение, если можно, мысленно. А обсудим уже так, вслух.

Друзья согласились. Они (в отличие от Капитана) освоили общение мыслями буквально на днях. Этот способ общения был им еще крайне непривычен. Да, можно легко и быстро передать сложный мысленный образ. Не надо терять времени на поиск подходящих описанию слов. Но в этой-то быстроте и виделся главный недостаток. Общение мыслями казалось слишком призрачным, слишком воздушным. Поэтому основные обсуждения друзья делали по старинке, звуковой речью.

Дмитрий быстро, в картинках, описал сновидение.

– А я знаю это место, этот район называется нефтебазой, – сказал отец Иван. – Я бывал здесь два раза, в сновидениях. Первый раз сам, второй с тобой, Дима. Только мы о политике почти не говорили. И третьего товарища не было.

– Ну, и что все это значит? – сказал Дмитрий, обращаясь больше к Капитану.

– Дима, ты видел в своем последнем сновидении мир автора, что пишет нашу историю. Твоя и его душа – родственны. Вы как две стороны одной монеты. Ведь и ты делаешь то же, что и автор, описываешь нашу историю. Автор нуждается в тебе. Да, Дима, автор смотрит в тебя: то – как в зеркало, то – как в окно. И пишет твою, нашу историю так, как ее видит и понимает. – Капитан говорил и подтверждал свои слова яркими мысленными образами. – И ты также нуждаешься в авторе. Без автора в тебе не хватает полноты, законченности. Вот почему твою душу притягивает мир автора. И наоборот, автора притягивает твой мир.

Капитан замолчал. Молчали и друзья. Где-то вдалеке звучали прекрасные голоса стражей, кто-то пел песню. Над головой друзей тихим, баюкающим шелестом переговаривались деревья. Чуть слышно долетал музыкальный перезвон огромных синих цветов, иллиунурий.

Дмитрий заговорил, медленно роняя слова:

– Только теперь, после слов Капитана, я начинаю понимать некоторые странности своих путешествий во время сновидения. Очень часто я через коридор попадал в комнату, как бы свою. И в то же время обстановка в комнате казалась мне немного странной... как бы в своей комнате и не совсем в своей, а вообще в другом, параллельном каком-то мире... Да, теперь ясно... Непонятно другое: как какой-то автор может писать нашу историю? Абсурд получается. Я тут за время пребывания на Холме ко многим странным вещам привык, но это слишком! Наши жизни нам, выходит, и не принадлежат. Мы лишь герои книги, которую пишет неведомый автор. Судя по твоему описанию, этот автор совсем не Бог. Даже не демиург. А некое мое второе «я», существующее, кстати, в весьма тягостном, как бы застывшем мире, где пейзаж кажется пустой картонной декорацией. И встретившиеся друзья, вместо того чтобы радоваться встрече, обмениваются печальными политическими новостями, перечисляют своих умерших соратников и прикидывают: переживут ли они сами следующую зиму... М-да, и из такого мира некий автор пишет нашу историю, ведь так?

– Нет, не так, – спокойно ответил Капитан. – Ты понял мои слова об авторе, который пишет нашу историю, слишком упрощенно. Пишет историю – не в том смысле надо понимать, как ты подумал, что, мол, мы сейчас говорим, сидим, и все это потому происходит, что так нас пишет автор. Нет. Слишком простое объяснение. Мы сидим здесь потому, что сюда нас привела цепь событий и наш свободный выбор. Мы сидим потому, что захотели здесь сидеть. Автору остается вглядываться в нас, здесь сидящих, и стараться нас запечатлеть в своей истории. Приблизительно так. Если излагать схематично. С другой стороны, мы также влияем на историю автора, как автор влияет на нас. Получается диалог.

– Я не все понял с этим автором, – сказал отец Иван, – не мой выбор, наверное. И все же, если Дима в последнем сновидении был в мире автора, ведь я тоже там бывал, один и с Димой. И даже знаю, что то место «нефтебазой» называется. Но что я там делал? Что, тоже там мое второе «я», мой двойник обитает?

– Возможно, твой двойник друг автора. Как здесь ты друг Дмитрия.

– Зазеркалье какое-то получается, – возразил отец Иван. – Странная философия: двойники, тройники.

– Увы, – вздохнул Капитан, – мы разделенные существа. В этом наше главное несчастье.

– Разделенные? Как это понимать?

– Это понимать можно во многих смыслах. Возьмем, для примера, аспект памяти. Вспомните свое первое путешествие в Браму. И как через каких-то пару-тройку лет почти все стерлось из памяти. Помните? Этого бы не произошло, если бы наше «я» было целостно и полноценно. Мы бы тогда помнили все свои сновидения и путешествия вне тела. Все необычные состояния сознания были бы для нас так же естественны, как и привычная дневная жизнь. Однако мы не помним эти состояния. Мы также не помним многого и из привычной своей жизни. Мы не обращаем внимания на тысячи и тысячи событий, что происходят вокруг нас. Волшебные существа пытаются говорить с нами, дарят нам свои миры, наполненные чудесами. Но мы этого всего не замечаем, волшебству нет места в нашем маленьком мире единственного, как нам кажется, дорогого нашего обыденного «я»... Вот в чем наша слабость, друзья!

– Логично, – заключил отец Иван. Капитан продолжил:

– Человек вынужден плавать по поверхности своей единственной жизни. И другие «я» и миры, в которых эти «я» обитают, выброшенные на обочину сознания, начинают как бы мстить человеку. Отсюда во многом и тоска, и пустота жизни, и самоубийства, и все печали человеческие. Союз, о котором говорят стражи, это еще и возвращение человека к целостности своего бытия.

Капитан остановился, пристально посмотрел в сторону северного склона Холма. Там медленно поднимался в небо искрящийся сноп света. Дойдя до какой-то невидимой точки, сноп света остановился и, повисев несколько секунд неподвижно, распался на фиолетовые всполохи. Послышались хлопки, как от новогодних петард.

– Фейерверк, – вопросительно сказал Дмитрий.

– Кажется, к нам необычные гости, – ответил Капитан.

И точно. Не прошло и минуты, как из-за изгиба северного склона показалась высокая фигура Пестрого, затем Ларисы-археолога. Рядом с Ларисой важно вышагивал знакомый уже кот Корифей и какой-то пес, большой и лохматый. Пес радостно носился, крутился вокруг оси, кувыркался и даже взлетал в воздух (в этот момент Дмитрию казалось, что необычный пес вырастает до облаков, и из облаков начинает сыпаться новогодний серпантин).

– И я тут, и я тут, – радостно восклицал пес. – Здравствуйте! Здравствуйте! Ах, как прекрасно и хорошо. Как пафосно! Я тут!

– Считаю проявление пафоса в данную минуту неуместным, – веско возражал кот. – Впереди большой Совет, всем надо собраться. Молча. Без лишнего торжества. Мур-р. Так я это понимаю.

– Не проявление, а появление, – спорил пес. – В хорошем и прекрасном мире, среди друзей пафос лишним не бывает.

– Как скажешь, – сказал кот.

– Пафос лишним не бывает, – эхом отозвался чудесный лес на вершине Холма.

– Как скажете, но без пафоса нам не цвести, – откликнулись большие синие цветы у подножия склона.

– Здравствуй, необычный друг, – сказал Капитан, обращаясь к псу. – Хорошо, что ты здесь.

Сердце Совета

В самом центре здания Совета, среди молодых и стройных деревьев, под огромным прозрачным куполом расположилась небольшая, вытянутая овалом поляна. Четыре аккуратных песчаных дорожки, по числу сторон света, сбегаются к ней. Здесь, на поляне и должен был пройти долгожданный Совет.

Капитан и его друзья прибыли на место в первых вечерних сумерках. На поляне они увидели с десятков стражей и Пафоса, которого стражи обступили полукругом. Пес Пафос возлежал на мягких подушках. Он ораторствовал. Стражи восторженно поддакивали ему, гладили его по голове, чесали за ушком.

– Я не знал тогда, что могу думать, – вещал Пафос. – Я не знал, что я хороший. Я не знал, что я Пафос. Я был бездомен. Болтался от одной сетевой помойки до другой. Я и не подозревал, что могу говорить и хочу быть. Когда я нашел свой дом и себя самого в своем новом доме, меня наполнил щенячий восторг. Гав, давно забытое чувство, гав! И я понял, что я хороший и больше не хочу кусаться. Я теперь Пафос, я друг народа.

– Замечательная история! – воскликнул какой-то молодой страж, одетый в зеленый плащ с нарисованными на нем синими лотосами илииунурии; у стража была пышная

медно-красная копна волос на голове. – Только одно место в твоей истории нам непонятно. Скажи, что такое сете...сете-у-вая помойка?

– Тоже самое, что и любая другая помойка, – ответил за Пафоса Корифей.

– Неужели там, откуда вы пришли, есть помойки?

– Есть, увь, есть. И гораздо больше, чем хотелось бы. Но, друзья, – промурлыкал Корифей, ложась на подушку рядом с Пафосом, – не будем об этом. Мы и собрались тут, в том числе для того, чтобы в мире было поменьше сетевых помоек... А ты, Пафос, тоже хорош. Ушел, никому ничего не сказал. Вот скажи, чем ты сегодня занимался?

– Ах, дружище-кот. Ты даже представить себе не можешь, каким важным делом я занимался. – Пафос встал на задние лапы, выпятил грудь и гордо заявил, – Сегодня я весь день считал облака. И обсчитался. Облака надо мной рассмеялись...

На поляне появился Отшельник с Шимассой и Рассаутом. Они пришли на Совет по восточной дороге. Пока Капитан расспрашивал Отшельника о текущих делах, а рамяусты знакомились с необычными гостями (Корифеем и Пафосом), вечерние сумерки сгустились, и где-то вдалеке зажглись первые серебряные фонари. Дмитрию вспомнилось, как девять с половиною лет назад они шли по одной из дорожек, вот под этим самым куполом Дома Совета (так теперь это большое и единственное здание на Холме называет Капитан). И так же тускло, и отдаленно горели серебряные светильники, по краям дороги, и Дмитрий с Капитаном и отцом Иваном стояли, не в силах оторваться от величественной панорамы Млечного Пути.

Воспоминания Дмитрия прервали две высокие фигуры, что показались на западном пути. От фигур едва заметно струился мягкий, чуть голубоватый свет – вот они приблизились, и Дмитрий узнал Игуменью и Серебряного. Вместе с ними прибыли еще около двадцати стражей. С появлением Серебряного и Игуменьи вся поляна Совета пришла в движение. Стражи быстро рассадили гостей на отведенные им места, расселись сами.

Почти стемнело, когда на южной дороге появились низкие фигуры гномов. Среди гномов Капитан и его друзья узнали Топа. Он возглавлял процессию. Два гнома, по бокам от него, освещали фонариками дорогу. Поэтому и Топ, и вся голова процессии были хорошо видны.

В руках Топ держал что-то похожее на большой поднос. На подносе лежал какой-то предмет, накрытый темной материей. Вид у гномов был необычайно торжественный, сосредоточенный и молчаливый. Когда гномы вошли в круг поляны, стражи встали, вслед за ними встали гости Совета. Гномы дошли до центра поляны. Два гнома взяли из рук Топа поднос, Топ аккуратно снял с подноса то, что на нем лежало, и положил на небольшое каменное возвышение. Стражи запели.

В небе, точно над центром купола, зажглась яркая звезда. Стражи запели громче. От звезды на поляну упал луч света. Тут же появился второй луч. Он шел от вершины Холма, от Серебряных Деревьев. Луч преломился в прозрачном куполе и также упал на поляну. Два луча соединились на каменном возвышении. Тогда Топ снял покрывало и вместе с другими гномами быстро отступил в тень.

Под покрывалом оказался Живоглаз, по имени Сердце Совета. Это был очень большой кристалл, величиной с крупную человеческую ладонь. Два луча света, от звезды и от Серебряных Деревьев, слились в один луч и вошли в кристалл. Живоглаз ожил, затрепетал – он словно пил льющийся в него свет, насыщался им. Тысячи неповторимых граней Живоглаза вспыхнули разноцветными радугами. Дмитрию вдруг представилось, как в этих радугах рождаются целые вселенные, наполненные новым светоносным смыслом. И каждый атом этих вселенных напоминает преображенную райскую планету, а цепочки молекул – бесконечное сплетение множества воли и миров. Эти миры и воли неповторимо индивидуальны. Но все они – один сложный узор одной из сотен граней кристалла. А

сотни таких узоров – это уже один огромный смысл, созидающий чудесный кристалл-Живоглаз.

Вокруг Сердца Совета вспыхнуло облако света – стремительно расширилось, превратилось в сферу, заполнившую собой всю середину поляны. Игуменья и Серебряный объявили о начале Совета. Тут же в сфере возникло неясное движение, похожее на секундную рябь на воде, мгновенную игру светотеней. Внутри сферы появилось дерево, с большими, раскидистыми ветвями. Оно напомнило Дмитрию исполинского, многорукого великана, обнимающего мир. Над верхними ветвями дерева разверзлось небо – бездонное, ночное, усеянное гроздьями звезд. Какое странное ощущение, – размышлял Дмитрий, обмениваясь мыслями с Капитаном и отцом Иваном, – внутри небольшой сферы мир; настоящий, реальный мир, и в этом мире есть небо, уходящее в свою параллельную бесконечность. Бесконечность в замкнутом, ограниченном пространстве. Полное нарушение всех привычных геометрических перспектив...

Внутри сферы появилась небольшая группа стражей. Стражи встали у исполинского, ровного, как колонна, ствола дерева. Над их головами зажегся яркий, чуть зеленоватый свет. Стало отчетливо видно, что дерево со всех сторон окружено двухметровой стеной камыша. Дмитрий и отец Иван почти одновременно вспомнили место и имя дерева: это было Царь-Дерево в Брошенном лесу, возле которого девять с половиной лет назад они ночевали и где чуть было не погибли в болоте.

Стражи, что стояли у Царь-Дерева, запели. Несмотря на то, что ни Дмитрий, ни отец Иван, ни тем более Лариса не знали сложного языка стражей, они прекрасно поняли, о чем песня. Этой песней стражи приветствовали всех собравшихся на поляне Совета. В ответ прозвучала такая же короткая песнь. Этой песней стражи приветствовали своих братьев, из Брошенного леса, и включали их в свой круг. Так началась вступительная, или приветственная, как назвал ее Капитан, часть Совета. Стражи, связанные с Холмом, но не находящиеся физически здесь, включались в один общий круг. А вместе с ними в этот круг вступали души и духи рек, полей, посадок – все добрые существа, с которыми у Холма был союз.

Люди (даже Капитан!) и представить себе не могли, насколько мир вокруг наполнен жизнью, насколько он един и многообразен и насколько многообразны сами стражи. Какие-то неведомые существа проносились стремительными солнечными бликами, лучами света, от Верхних вод к водам нижним и дальше, в сияющие речные туманы. Целая группа стражей приветствовала Совет, не выходя из образа «сторожевых деревьев». Эти деревья «росли» там, где река, текущая вдоль Холма, делала опасный изгиб в сторону Кургана Тьмы. Стражи наблюдали за врагом. Видимо, они были в тесном союзе с гномами Васы, которые охраняли подступы к Холму, ибо передали приветствие и от них. И Васа со своими соратниками также был включен в круг Совета. (Что немало удивило отца Ивана.)

В сфере Сердца Совета появлялись и исчезали далекие степные пейзажи, едва различимые в звездном свете: темные громады лесопосадок и одинокие, призрачные степные деревца и холмики или курганы. И везде были стражи, они вместе с духами полей приветствовали поляну Совета. Одни из стражей были подобны молодым одиноким деревцам среди степи, другие напоминали беспокойных, заботливых птиц, что причудливо порхают, поддерживая жизнь вокруг. А иные стражи настолько породнились со степными духами, что уже почти и не имели плотного образа. Они напоминали легкое колышание в прозрачном воздухе степи, едва уловимое марево, внезапный порыв ветерка, пополам с пылью и горькой травой... Приветствия все шли и шли. Наконец, в сфере Совета возник далекий Другой Берег.

Вид Другого Берега немного разочаровал Дмитрия (зато понравился отцу Ивану). Проявившийся пейзаж был темен и аскетичен, как на старинной иконе – самый обычный берег моря и самое обычное море, скалы, несколько темные и мрачноватые. Лишь

немного необычные огромные цветы и неопишуемые цветущие деревья на мрачных скалах скрашивали впечатление. На берегу моря стояла группа стражей – высокие белые фигуры. Дмитрий узнал Белодрева, узнал Брата. Волна любви и восторга охватила его душу. Белодрев и другие стражи низко поклонились Совету. В ответ все, кто был на поляне, встали и с благоговением поклонились Другому Берегу.

Приветственная часть закончилась.

Два пути

После приветственной части в сферу Совета вступила Игуменья. Она говорила о древних днях жизни стражей, о появлении на Земле людей. О первом союзе стражей, людей и других малых народов. О том, как этот союз стал рушиться – от вторжения пришельцев до большой воды потопа. Эта история была известна Дмитрию, отцу Ивану и Капитану. Ее продолжил Серебряный. Он поведал о том, что было дальше: от большой воды и до наших дней.

В сферу Совета вошел представитель народа Лэйи. Он повел свой рассказ о пришельцах. О их присутствии на Земле, в околоземном пространстве и в самой Солнечной Системе. Впрочем, рассказом это можно назвать весьма условно. Представитель народа Лэйи не столько рассказывал, сколько показывал – блестя своими огромными фасеточными глазами, он взмахивал прозрачными стрекозиными крыльями. От этих движений за его спиной, в сфере, возникали разные участки космоса. Корабли пришельцев, похожие на гигантские яйцевидные коконы неподвижно висели в космической пустоте. Один такой кокон находился на дальней орбите Земли. Это был корабль пришельцев.

Следом за представителем народа Лэйи в сфере появился Отшельник. Он продолжил рассказ. Но перешел сразу к той части истории, в которой пришельцы надоумили голову краснокутовского сельсовета пойти на поджог дома Капитана. Следом последовала история рамяуста Шимассы. Самая трогательная история, рассказанная на Совете; история, вселяющая в сердца надежду. Далее Отшельник перешел на сегодняшнее положение дел. Но, видимо, немного переборщил с описанием воздушных битв с нечистью. Чем и вызвал внезапное вторжение в сферу полугнома Васы. Этот момент запомнился особенно ярко. Ворвавшись, Васа предложил простой и понятный план. Вот что было дальше:

– Вы предлагаете напасть на Курган и покончить со всеми силами зла разом?

– Да.

– Странно... Вы были служителем Кон-Аз-у и так просто думаете о темных.

– Был... Когда-то. В другой жизни. Теперь я воин. И мне... мне кажется, что Совет слишком романтизирует темных. Я много раз разил их топором, они умирают точно так же, как и все мы...

Маленькая, серая фигурка в светоносной сфере Сердца Совета – это Васа, полугном-получеловек. Он стоит, широко расставив ноги, опираясь на свой чудовищный топор. Глаза у Васы закрыты, и говорит он будто из глубокого сна.

Отец Иван со странной улыбкой смотрит на бывшего иеромонаха Василия. Надо же, Васа, – шепчет про себя отец Иван. В звуке нового имени чудится короткий и смертельный удар топора, зловещий шелест извлекаемого из ножен меча. Отцу Ивану вспоминается страшный рассказ Топа о том, как Васа терял свою человеческую форму. Он пристально вглядывается в призрачную фигуру бывшего служителя Христа, пытается найти в ней печать зла и смерти.

Да, от иеромонаха Василия мало что осталось. Общие черты, и только. Ушла болезненная дряблость, лицо будто окаменело, и на нем застыло выражение какой-то вселенской брезгливости. Бородка все такая же жидкая, но теперь она заплетена в тугую косичку. Он стал ниже ростом, но зато бывший иеромонах сильно вырос в плечах...

Среди гномов Топа слышится раздраженный гул. Поднимается Топ, он в своей неизменной шапочке с кисточкой, в темно-фиолетовом плаще:

– Махать топором, убивать: в этом весь ты, Васа! – говорит он. – Мы помним, как ты убивал слуг своего бывшего друга, как ты рубил топором их окровавленные остатки и не мог остановиться, ты испытывал большое удовольствие от смерти, словно темный с Кургана.

Лицо полугнома Васы мрачнеет:

– Я сожалею о случившемся. Я об этом не раз говорил. Но ты, Топ, меня словно не слышишь.

Появляется Худ: важный и толстый гном с пышной черной бородой, «правая рука» Васы. Худ словно выпрыгивает из-за спины Васы.

– Сколько можно об одном и том же? – гневно говорит Худ, обращаясь к пустоте перед собой. – Всем понятно, что если Васа не убил бы тех оборванцев, они бы убили его друга, а потом и его самого. А если бы он не спустился в одиночку в Могильники и не убил целую свору темных – кстати, кто-то из вас способен на такое? – я бы не стоял сейчас перед вами. Оставим этот пустой разговор. Мы вынуждены убивать, потому что нас убивают. Васа предлагает покончить с этим раз и навсегда.

– Вот так вот взять и просто покончить, на раз-два? О, топорная наивность! – Топ вздымает руки к далекому, прозрачному потолку, он почти кричит. – Как вы себе это представляете, покончить с Курганом?! Явиться открыто в Курган к пришельцам и попросить их убраться? Вы знаете, сколько их там, и они далеко не только в Кургане!

– Разве вы не слышали, – терпеливо говорит Игуменья Васу и Худу, – подобных курганов на земле сотни. Они связаны между собой. Разгромив один из курганов, мы не решим ничего. А еще на дальней орбите земли находится корабль пришельцев. Через этот корабль темные общаются между собой, на этом корабле они плетут свои планы.

Игуменья наклоняется вперед, протягивает свою руку с длинными, тонкими пальцами, как бы указывая на невидимый корабль пришельцев. Дмитрию кажется, будто маленькие призрачные фигурки Васы и Худа, вся сфера Совета, теперь помещаются на светло-коричневой ладони Игуменьи.

Васа выглядит озабоченным, но не сдавшимся:

– Хорошо. Тогда надо пробовать уничтожить сам корабль, – говорит Васа.

– Это бы было неплохо, – отвечает Отшельник. Он уже покинул сферу Совета и теперь сидит чуть поодаль от Игуменьи и других стражей, рядом с ним Шимасса и Рассаут. – Но у нас нет таких средств, воин Васа.

– Даже если и были, – говорит Серебряный, – это бы дало нам только небольшую отсрочку. Разве что на некоторое время у пришельцев ослабла бы координация и согласованность. А потом придет другой корабль, и все начнется заново.

– Не понимаю, – пожимает плечами Васа, – тогда какой смысл в Совете?

– Смысл очень простой, – говорит Игуменья, – смысл в союзе. Мы должны на нашем Совете решить: как нам осуществить союз с людьми и всеми другими народами, кто пожелает присоединиться к нам. Сила темных, Васа, в нашем разобщении. Зло селится в сердцах. Убивать его нужно там, и топоры здесь бессильны. Хотя и внешний отпор важен, и тебе спасибо за охрану.

На лице Васы появляется тень задумчивости и грусти.

– Я не верю, что возможен союз, о котором вы говорите. Особенно союз с людьми. Люди слабы, они предадут.

И тут встает говорящий пес Пафос. Пес и кот тихо себе лежали на мягких подушках, на месте для самых почетных гостей, между Игуменьей и Серебряным, председательствующими на совете. Гости вели себя совсем незаметно: Пафос вначале восторженно крутился, затем улегся и затих; Корифей лег сразу, казалось, что он спит блаженным кошачьим сном. Но он не спал, он внимательно за всем наблюдал.

– О, вчерашний человек, воин Васа, – громко говорит Пафос звонким, мальчишеским голосом. – Храбрый в делах ратных, бесстрашный, разведавший подлые пути темных в сумрачных могильниках Кургана. За что тебе, Васа, честь и хвала! И только за это. Ибо во всем остальном ты есть тот, кто повернулся к миру спиной. Что можно сказать о мире, смотря на него спиной? Как можно говорить о всех людях, не закруглив ни одной загадки? Не торопись, Васа, говорить «нет», не познав значения слова «да»! У меня все.

Васа с удивлением смотрит на Пафоса. Смотрит широко открытыми глазами:

– Собака?.. говорящая? – тихо, почти шепотом произносит Васа и исчезает. Вслед за ним исчезает Худ.

– Молодец, Пафос, одобряю, – тихо мурлыкает Корифей на ушко Пафосу.

– Это пойдет Весе на пользу, – говорит Серебряный. – Уже то хорошо, что у него открылись глаза. Может быть, это произведет перемены в его уме.

– Хотелось бы верить, – вздыхает Отшельник. – Васа честен в своих заблуждениях. Искренность помыслов, вот что спасло Васу от порабощения силами тьмы. Но пришельцы оставили свою отметину в его душе. Мне кажется, убивая пришельцев, Васа мстит им за свою искалеченную судьбу, сделавшую его изгоем и полугномом.

– Изгоем и полугномом, – кивает головой Серебряный. – Может быть, может быть... И все же я верю в бывшего служителя Кон-Аз-у. Он надежда народа гор. Он мостик между людьми и народом гор.

– Увы, мостик ненадежный! – восклицает незнакомый Дмитрию и отцу Ивану страж, с длинными белыми волосами, безбородый, с угловатым, словно выточенным из дерева лицом, которое оживляют пронзительные, синие глаза. – Васа не понимает смысл союза. Васа не хочет иметь ничего общего с людьми. Мы все это только что слышали...

Беловолосого, безбородого стража внезапно перебивают. Топ и его гномы аплодируют Пафосу. К гномам присоединяются некоторые стражи.

– Слава Пафосу! – восклицают гномы, – слава самому звонкому, самому громогласному Пафосу на земле!

Пафос снова поднимается на своих подушках и низко кланяется собранию.

– И все же, – не унимается беловолосый, безбородый страж, – слова Васы могут внести сомнение в чьи-то сердца. Я вижу, здесь присутствуют люди. Что скажут они?

Встает Капитан:

– Если мои друзья не возражают, я отвечу от имени людей.

Никто не возражает. Спустя минуту Капитан возникает внутри сферы: светло-серая фигура в матовой пустоте – тонкая и вытянутая, полупрозрачная, словно из паутины. Но вот фигура взмахивает руками – и сфера преображается. За спиной Капитана большой человеческий город. По куполу Исаакиевского Собора Дмитрий догадывается, что это Петербург. Капитан рассказывает свою историю: детство, учеба, служба в армии, опять учеба, экспедиции, наконец, знакомство с Брамой, стражами... Капитан не столько говорит о себе, сколько о людях; о тех, кого он повстречал на своем пути, тех, кто шел с ним рядом. Капитан воспроизводит в сфере объемные картины человеческой цивилизации – города, порты, дороги, заводы, государства, войны, политические интриги. За спиной Капитана бурлит быстрый человеческий мир, раскаляется в своих внутренних противоречиях. И вот уже некоторые стражи зябко ежатся. Им кажется, что еще чуть-чуть и человеческая лавина хлынет из сферы на поляну, словно лава из вулкана, уничтожит Холм, весь их спокойный мир.

– Прошу принять во внимание Совет, – звучит тихий голос Капитана, – внешний мир людей, история, политические отношения между государствами – все это может казаться взгляду стража хаосом. Это не так. Надеюсь, Клен, Серебряный и Пестрый достаточно изучили этот кажущийся хаос. (Названные стражи согласно кивнули головами.) И если стражи хотят идти в человеческий мир, искать людей, отмеченных Живоглазом, строить союзы, совместные сообщества, поселения – или как там еще решит Совет – они не должны бояться человеческой цивилизации. Иначе зачем идти? И напоследок немного слов своим собратям, людям... да и не только им, а всем здесь сидящим.

– Не стоит пугаться мнимой мощи пришельцев, – говорит Капитан. – Открытой власти над людьми у пришельцев как не было, так и нет. Впрочем, легкомысленно и недооценивать влияние пришельцев. В мире людей сейчас, скорее, шаткое равновесие. И любая незначительная капля на весы истории, например, наш союз, может всецело изменить наступающую эпоху. Тот, кто скрывается под именем Инспиратор, и другие князья пришельцев это хорошо знают. Здесь ответ на вопрос: зачем таким могущественным в техническом плане пришельцам какое-то Золотое Веретено, Живоглаз и голова небольшого сельсовета, в далеком от цивилизации селе? И почему их так пугает наш еще не осуществленный союз? А вдруг именно наш союз и есть та капля? Отсюда страх Инспиратора и других пришельцев... У меня все.

Капитан кланяется. Покидает сферу. Сказано достаточно. Остается выбрать путь (или несколько путей) к осуществлению союза с людьми. В сферу входит Клен. Он рассказывает и показывает возможные совместные поселения с людьми. Будущие сообщества Живоглаза и Золотого Веретена. Поселения будущего.

– Из людей Лариса-археолог готова принять самое активное участие в этом деле, – сообщает Клен. – И, конечно же, Капитан... пока сможет, пока не уйдет на Другой Берег. Из стражей я и Серебряный, и все, кто научился принимать человеческий облик.

Встает незнакомый людям страж:

– Все это хорошо. Но очень медленно по времени. Такой рост подходит нам. Но в быстром мире человек мы можем не успеть.

Поднимается Корифей:

– Вот почему я и Пафос здесь. Есть еще один путь, похожий на неожиданную тропинку в горах. Этим путем можно успеть. Он ведет в такие места, в которых не требуется, уважаемые стражи, долгого вживания в человеческий образ. Этот путь может показаться кому-то слишком воздушным. Это не так. Более того, вместе с дорогой, предложенной Кленом, мы можем вырастить прекрасное дерево союза. Но вначале надо разбросать семена. То, что я хочу предложить, как раз и подходит для этого.

Корифей поворачивается в сторону Игуменьи и Серебряного:

– Разрешите войти в Сердце Совета?

– Конечно-конечно, мой друг, – отвечает Серебряный, – ведь ради этого ты здесь.

Корифей появляется в сфере. Звучит его голос – мягкий, немного вкрадчивый... Впрочем, сейчас в этом голосе ощущается волнение.

– Далеко не все на этом Совете понимают, откуда я и Пафос пришли. Кто-то думает, мы пришли из мира людей. Это так, и не так. В мире людей нет говорящих животных. Это могут подтвердить находящиеся здесь люди. Тогда откуда же мы? Мы из мира, который существует совсем рядом с миром людей, существует столько, сколько у людей существуют сказки, песни, литературные герои.

Корифей грациозно взмахивает лапами, как бы готовясь дирижировать невидимым оркестром. Сквозь пространство сферы Совета движется вереница сказочных и литературных героев: мудрые, говорящие звери, загадочные царевны-лягушки, огнедышащие драконы идут вместе с Лариным и Печориным, Раскольниковым и Горбовским.

– Долгое время, – продолжает Корифей, – наши миры: мир литературных героев и мир человеческий существовали как бы параллельно друг другу, друг друга дополняя и преобразовывая. Но прямая связь между нашими мирами была затруднена. Так было, пока люди не изобрели интернет, и в этом интернете не возникло особое информационное пространство. Вот в этом самом пространстве и стало возможным общение, сближение. Информационное пространство может быть прекрасным мостиком между нашими мирами... А теперь я попробую показать вам, приблизительно, насколько смогу, что собою представляет это самое информационное пространство, называемое людьми технической ноосферой. И еще я покажу место, откуда я и Пафос прибыли. В этот дом я приглашаю и вас. Тем более, один из вас уже протоптал тропинку между нашими домами.

После этих слов Корифей изящно поклонился Пестрому и снова взмахнул лапами. Вереница литературных и сказочных героев пропала. Сферу заполнило причудливое светло-серое пространство, состоящее из немыслимого клубка спиралевидных нитей. Нити ныряли вглубь клубка, распадались, дробились, выпадали из клубка, снова дробились, пока не исчезали в дымчатой пустоте, по краям пространства. Было и немало нитей темно-багровых (Дмитрий с отцом Иваном вспомнили, что такие же нити тянутся из Кургана Тьмы.) Эти нити, приходя откуда-то извне, протыкали светло-серый клубок пространства, стекались в определенные точки, похожие на канализационные дыры, и там, под этими дырами что-то вспыхивало угрожающим багрово-лиловым цветом. И серая, инертная пустота вокруг вспучивалась, вскипала, как жерло вулкана. Еще меньше было светлых нитей. Но они были. Эти нити также приходили извне. Подобно молниям они ударяли в бесформенное пространство, как в первобытный океан, и там, куда они ударяли, что-то вспыхивало, росло. Сквозь серый туман проступали величественные, пронизанные светом объемы. Они напоминали горные вершины во мгле.

Картина, которую показывал Корифей, чуть отодвинулась. Вместо клубка энергетических нитей появилась Земля – вид из ближнего Космоса. Легкая дымка пронизывала верхние слои атмосферы. Бело-голубоватые спиральные линии вырывались из дымки в космос и ныряли обратно в нее. Изображение в сфере приблизилось к одной из бело-голубоватых нитей, скользнуло по ней вниз, в туман. Через несколько мгновений туман исчез. В сфере показалось большое дерево, окутанное белым облаком, словно плащом. Сквозь завитки облака проглядывали зеленые ветви. На ветвях уютно разместились сказочные замки с остроконечными шпилями, башни, переходы, мостики. Все это чудо устремлялось вверх, к небесам, вместе с ветвями исполинского дерева.

– Вот наш дом, – сказал Корифей, – и в этот дом мы приглашаем вас.